

МАРАТ ЧЕРНОВ

ПОЧТИ ВСЁ
О ЗОМБИ

18+

Марат Александрович Чернов

Почти всё о зомби

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66642350

SelfPub; 2022

Аннотация

Вот уже несколько лет продолжается жестокая беспощадная война. На Земле воцарились смутные времена, Армагеддон, и проблеска в конце тоннеля пока ещё не видно. Выжившие после глобальной вспышки Z-вируса противостоят ордам зомби, которых с каждым днём становится всё больше. Отныне огнестрельное оружие, топор или бензопила в каждом доме – это норма, а лучшей настольной книгой считаются практические пособия по борьбе против зомби. Но не всё так просто, некогда медлительные шатуны уходят на покой, а им на смену приходят более изощрённые особи. Зомби становятся злее, быстрее и креативнее. Старый добрый дробовик против них уже почти бессилён, и привычные правила противодействия агрессивным монстрам больше не действуют.

Содержание

Быстрее ветра, быстрее зомби!	4
Адреналинщик	32
Абсолютная стерильность	62
Крысиная нора	99
Последний Шапито	130
Поезд-призрак	168
Три топора	203
Машина-склеп	234
Стражи Кербера	268
Ночь упырей	299
Комендантский час	341
Алый рассвет	378

Марат Чернов

Почти всё о зомби

Быстрее ветра, быстрее зомби!

Параграф 35. Рекомендации по борьбе с «бегунами».

Мы не устаем повторять, уважаемый читатель, что ужасающая армия зомби, и без того изумляющая нас способностями своих обычных рядовых, постоянно пополняется уникальными индивидуумами, которых можно отнести, если можно так выразиться, к высшему офицерскому составу. К ним относятся, например, так называемые «бегуны». Если вы решили, что это – бывшие спортсмены, бывшие медали на Олимпиадах и чемпионатах мира в беге, спринте, прыжкам в длину и так далее, то вы будете удивлены, ведь при жизни многие из них еле двигались. Однако после смерти они стали иными. Мы подозреваем, что эти феномены из числа инфицированных, питаются только ногами своих жертв, что каким-то магическим образом стимулирует и ускоряет их собственный бег. Выделить их из толпы зомби невозможно, вы заметите их, вероятно, лишь в самый последний момент, когда они настигнут вас и с аппетитом примутся за ваши нижние конечности, ведь они нужны им, как бензин – автомобилю. Избежать этого можно

лишь тремя проверенными способами – оттяпайте им ноги топором, садитесь в машину и гоните на полной скорости или сделайте себе эластипед.

Шоссе казалось обманчиво пустынным. Эрнст почувствовал неладное ещё задолго до того, как увидел впереди жуткую серую массу двигающихся навстречу обезображенных тел и успел свернуть на узкую просёлочную дорогу, уводившую вглубь сумрачного леса. Битых полчаса он был вынужден трястись по ямам и ухабам, боясь остановиться, чтобы дать отдохнуть перегретому мотору и прийти в себя самому. Однажды он так и сделал, и это едва не стало его последней ошибкой.

День тому назад он вырвался из провинциального городка, переполненного «зомбаками», и остановился на обочине спустя час, будучи совершенно уверен в собственной безопасности. Был разгар жаркого летнего дня, и над магистралью зависло колышущееся марево, когда он увидел на горизонте сперва точку, затем жирное пятно и совсем скоро – силуэт несущегося к нему со стороны городка человека. Хотя нет, какой к чёрту, человек! Это был гнусный инфицированный выродок, передвигавшийся, однако, со скоростью бешеного гепарда. Вначале Эрнст решил даже, что увидел мираж, навеянный маревом, но это было пугающей реальностью, которая настигла его скорее, чем он ожидал. Он никогда не думал, что зомби способны так быстро бегать, и за это незнание едва не поплатился жизнью.

Он попытался завести мотор, но машина отчего-то заикалась, и Эрнсту удалось это сделать лишь с четвёртой или пятой попытки, когда зомби буквально взлетел на крышу его автомобиля. Он вцепился в крышу, будто огромный клещ и попытался влезть в кабину через боковое правое переднее окно. Просунув голову и верхнюю часть туловища, зомби попытался схватить Эрнста одной рукой, но тот резко дал по тормозам, предоставив инфицированному свободное пространство для полёта над раскалённым асфальтом автомагистрали. Тот откатился в сторону метров на двадцать, но почти сразу же встал и, слегка прихрамывая, двинулся назад к машине. Эрнст не стал медлить и дал по газам, пытаясь выжать из автомобиля всё, что можно. Он наехал на ходячего мертвеца и на сей раз опрокинул его без труда, – очевидно, зомби изрядно растерял свои силы после последнего полёта. Эрнсту доводилось видеть ходячих «жмуров», поражавших невиданной живучестью и после намного более серьёзных повреждений, а этот быстро ослабел, что было довольно странно. Возможно, причиной тому было то, что «бегуны» тратили всю энергию на свой феноменальный бег, и потому после первой же сильной травмы (если понятие «травмированный» к ним вообще можно отнести) становились намного слабее обычных живых мертвецов.

Так или иначе, «бегун» явно «спёкся», пролежав на сей раз минуты три, пока не приподнял свою уродливую голову. Тогда Эрнст переехал через него четырьмя колёсами пыль-

ного битого внедорожника и остановился неподалёку от тела, прислушиваясь к тишине и приглядываясь к распластавшейся туше разлагающегося мяса и костей. Он слышал много историй о том, как из груди живых мертвецов, повреждения которых были несовместимы даже с новой «жизнью после смерти», вырывались уродливые эмбрионы, один страшнее другого, которые подчас были опаснее самих ходячих мертвецов. Он не знал, насколько правдивы эти истории и не являются ли они всего лишь выдуманными баснями, основанными на реальных трагических случаях родов беременных женщин, инфицированных и заразивших собственный плод, но ему, как любому нормальному человеку эры Армагеддона, было любопытно увидеть воочию такое зрелище – этакий бесплатный аттракцион ужасов под открытым небом. Однако он так и не дождался никаких особо сверхъестественных метаморфоз. Зомби, кряхтя и рыча, как подраненный зверь, снова встал на ноги и с ненавистью посмотрел на своего обидчика, сидевшего в машине и боязливо смотревшего на него через потрескавшееся лобовое стекло. Эрнст дал задний ход, отъехав метров на тридцать, затем отжал педаль газа до упора и направил внедорожник прямо на «зомбака». Сильнейший удар передним бампером с кенгуринном не должен был дать бездушной твари ни малейших шансов когда-нибудь снова побегать с человеком наперегонки.

Эрнст вышел из машины, прихватив с собой большой бое-

вой топор на длинном топориче, с которым в последнее время не расставался даже в постели, и подошёл к телу, с триумфом помахивая своим орудием. Он пнул его ногой и в изумлении увидел, как зомби быстро открыл мутные глаза и пристально посмотрел на смертного. Эрнст не успел двинуться с места, как вдруг живой мертвец с удивительной сноровкой вскочил с места и попытался перехватить топор из руки человека. Такой прыти тот никак не ожидал, и ему пришлось вступить в открытую схватку, чтобы не отдать холодное оружие злобному упырю.

Вскоре он понял, что зомби на удивление в отличной форме, и ему лучше обратиться в бегство как можно скорее, дабы не испытывать больше судьбу на свой страх и риск. Отвоевав-таки топор в тяжёлой рукопашной, но ни разу не дав себя укусить, Эрнст расторопно запрыгнул обратно в машину, отжал акселератор и помчался дальше по шоссе, с ужасом осознавая, что первые пять минут «бегун» успешно преследовал его, будто надев на ноги сапоги-скороходы и делая гигантские прыжки под стать антилопе, при этом отставая от машины всего на какой-нибудь десяток метров. Водителю удалось оторваться от него, лишь когда показания стрелки спидометра перевалили за отметку в сто двадцать километров в час. После этого фигура скоростного зомби наконец-то исчезла из виду в отражении всех автомобильных зеркал, и Эрнст смог спокойно вздохнуть.

Теперь, пока он ехал по ухабистому петляющему просёл-

ку, этот случай не выходил у него из головы, и, стуча зубами не только из-за тряски, но и страха, он постоянно с ужасом думал о том, что какой-нибудь «бегун» мог увязаться за ним и здесь. И если он способен разогнаться так же, как и его одержимый злым духом собрат на автомагистрали, то на этой дороге Эрнсту уже не уйти, ведь он навряд ли сможет развить подобную скорость здесь, в лесу.

Впереди появилось распустье – можно было ехать прямо, налево или направо, так как во все стороны вели совершенно равнозначные по проходимости и ширине лесные дороги. Эрнст притормозил в растерянности. Он и так толком не знал, куда завела его нелёгкая и надеялся ненадолго найти себе в этой чаще убежище, поскольку боязнь открытого пространства начинала просто сводить его с ума, а теперь не мог решить, какую сторону света ему выбрать. Можно было продолжать ехать прямо, но ему показалось, что впереди дорога становится более светлой, а лес заметно редее, что скорее отпугнуло его, чем прибавило оптимизма. Поэтому он решил свернуть правее – как-никак это хотя бы теоретически отдаляло его от той серой толпы, которая недавно преградила ему путь, конечно, если не учитывать того факта, что точно такая же толпа ждала его и в обратном направлении. Короче говоря, толпы инфицированных ждали его отовсюду, и одна мысль об этом превращала в его представлении полудикий хвойный лес почти что в райский сад.

Эрнст проехал по дороге ещё с полчаса, как вдруг перед

его взором раскинулась просторная поляна, на которой при-
могнулся двухэтажный бревенчатый дом, обнесённый поко-
сившимся невысоким забором. Из трубы над крутой дву-
скатной крышей вился слабый дымок, что говорило о том,
что в этом обветшалом с виду строении кто-то обитает. Де-
ревянные ворота были раскрыты, но Эрнст предпочёл не
въезжать во двор и заглушил двигатель на почтительном рас-
стоянии от дома.

Перспектива получить уют и, возможно, найти надёж-
ного компаньона, всегда привлекала абсолютно в той же сте-
пени, что и отталкивала, поэтому Эрнст вначале обрадовал-
ся и тут же насторожился. Сперва предстояло выяснить, кто
тут живёт, а уже потом думать, заводить знакомство или
нет? Вариантов могло быть несколько: либо здесь прожива-
ла коммуна зомбиненавистников, либо одинокий сумасшед-
ший, либо «изгой», – зомби, вспомнивший о своей преж-
ней жизни. Последние представители расы человекоподоб-
ных исчадий ада могли умело имитировать привычный че-
ловеческий образ жизни, например, готовить еду на плите,
чтобы привлечь простых смертных, вежливо пригласить их к
столу, а затем поиметь их, что называется, по полной. Эрнст
почему-то сразу же склонился к версии с одиноким сума-
сшедшим – дом выглядел не слишком уютным и укреплён-
ным, чтобы его облюбовала хорошо вооружённая группа лю-
дей, чаще всего, состоявшая из нескольких семейных пар,
сообща следивших за хозяйством, оборонявших своё жили-

ще и ходивших на охоту за диким зверьём. Также сложно было поверить и в то, что дом в такой глуши облюбовал коварный «изгой», ведь эти представители дружного клана ходячих мертвецов старались селиться поближе к населённым пунктам и чурались диких пустынных мест, где им проще было бы развалиться на куски от разложения, чем дожидаться наивного придурка, который попадётся в их сети.

Решив поменьше гадать и больше действовать, Эрнст схватил топор – своё единственное оружие, и, стараясь не шуметь, вышел из машины.

Параграф 5. Классификация подвидов.

Следует определить, как нам называть это явление. Не в целом, не обобщая, ибо утрируя, мы не приходим к истине, не улавливаем подлинной сути вещей и только путаем самих себя. Восстание живых мертвецов, Апокалипсис, Армагеддон, Судный день – у этого явления много и куда более путанных наименований. Нет, вместо этого мы упростим себе задачу и определимся, как нам называть в дальнейшем самих «инфицированных». У данного медицинского термина существует множество синонимов, которые родились задолго до эры Армагеддона: зомби, живые мертвецы, упыри. И более просторечные, такие как: зомбаки, трупаки, жмуры, зомбари, наконец, шатуны. Мы не сомневаемся, что в дальнейшем с развитием народного фольклора сможем ознакомиться и с новыми вариантами. Но пока нас интересует максимально приближённая к научной класси-

фикация подвидов существа, которое чаще всего именуется «зомби». А подвидов, как нам известно, существует достаточно много. Среди них самые распространённые: изгой и бегуны.

Очень медленно, с опаской Эрнст вошёл во двор через ворота. Он заметил собачью будку и на мгновение застыл на месте, крепко зажав в руках топор. Перед будкой тянулась по земле длинная цепь с кожаным ошейником на конце, однако самой собаки нигде не было видно. Похоже, её и не было – заурядный случай. Люди убивали домашних сторожевых псов, чтобы те своим лаем случайно не привлекали зомби.

Эрнст уже смелее подошёл к входной двери, взявшись за массивную дверную ручку, и осторожно потянул её на себя. Дверь без труда со скрипом приоткрылась, и в нос незваному гостю ударил приятный запах съестного – видимо, недавно в доме жарили мясо.

Незванный гость переступил порог и, опустив топор, с интересом осмотрелся. Прихожая была завалена всевозможным металлоломом, представлявшим собой преимущественно каркасы и запчасти от мопедов и велосипедов. За прихожей оказалось гостиная, в которой также хватало железного лома. Обстановка могла показаться скудной, если бы не это обилие всевозможных деталей, которых хватило бы, чтобы собрать несколько целых велосипедов. Однако нигде не было видно ни одного колеса. Вероятно, они были свалены в другом помещении.

На столе стояла чашка с холодным чаем. Эрнст обратил внимание также на несусветное обилие мух,дохлых и живых, отчаянно жужжавших и летавших повсюду, но это было привычной картиной для многих обжитых мест – должно быть, даже художники последних времён рисовали теперь натюрморты с обязательным присутствием на переднем плане этого семейства двукрылых. В помещении, как водится, царил полумрак из-за того, что все окна были наглухо заколочены изнутри – и это тоже было обычным делом для домов, в которых селятся нормальные люди. Кстати говоря, «изгои» часто делали ошибку, не заколачивая окна своих жилищ, чем частенько себя и выдавали.

Эрнст увидел лестницу на второй этаж, но решил, что осмотрел уже достаточно и пора бы ему обнаружить своё присутствие, дабы не вводить хозяина в искушение, если тот был где-то рядом.

– Мир этому дому! – громко возвестил незванный гость.

Он прислушался, но услышал лишь монотонное жужжание мух.

– Здесь есть кто-нибудь? – крикнул гость уже громче. – Не бойтесь, я не причиню вреда.

На этот раз ему показалось, что на втором этаже за прикрытой дверью раздалось какое-то невнятное бормотание, кто-то будто взвизгнул или засмеялся.

– Вы спуститесь сами или подняться мне? – спросил Эрнст, но не получил ответа.

Ему стало надоедать столь медленно текущее развитие событий, и он уверенно ступил на лестницу, когда снаружи донёлся звук мотора подъезжающей машины. Он подбежал к входной двери и, осторожно приоткрыв, выглянул через щёлку во двор. Он увидел небольшой грузовичок с открытым кузовом, в котором лежали несколько ржавых железяк. Из кабины вылез невысокий человек лет пятидесяти в грязном, покрытом тёмными пятнами, похожими на высохшую кровь, или, возможно, машинное масло, комбинезоне. Держа в руке двустволку, он удостоил коротким взглядом внедорожник, оставленный Эрнстом поодаль от ворот, оглянулся на парадную дверь и подмигнул своему гостю, выглядывавшему в щель дверного проёма.

– Кто бы вы ни были, рад вас видеть! – сказал он грустно и устало. – Не бойтесь, покажитесь, я не буду стрелять.

Эрнст посмотрел на свой топор и понял, что пора начинать завязывать знакомство. Толкнув дверь, он вышел на порог, прикрыв глаза от прямого солнечного света. Было три часа дня, небесное светило палило немилосердно. И это не было даром природы или благословением свыше, ибо вот уже третью по счёту неделю стояла феноменальная жара, и все простые смертные молили лишь об одном – о прохладном дожде.

– Поставьте топор у стены, он никуда не убежит, – сказал хозяин и первым подал пример сложить оружие, закинув ружьё за плечо.

Эрнст выполнил просьбу незнакомца в комбинезоне и дождался, пока тот сам к нему не подойдёт.

– Меня зовут Сильван, – хозяин протянул гостю руку, и они обменялись крепким рукопожатием. – Сильван Лембов.

– Сильван? Редкое имя. Что-то из латыни, верно? А меня – Эрнст. Я попал к вам случайно, спасался от зомбарей.

– Вижу, вы уже побывали в доме?

– Сильван, вы неосмотрительно оставили дверь открытой. В наше время лучше так не делать.

– Да, я знаю, – согласился хозяин, стирая со лба выступившую испарину. – Наверное, это из-за переутомления. Я стал так рассеян, что уже перестаю бояться, теряю былую бдительность, знаете ли... Ну что, давайте пройдем в дом, выпьем чаю и поговорим.

Не прошло и нескольких минут, как они уже сидели за столом и мирно беседовали, будто старые друзья. Хозяин дома предложил своему гостю скромное угощение, состоявшее из стакана с холодным чёрным чаем, лимона и тарелки с чёрствым печеньем, но Эрнст был рад и такому. Он вкратце рассказал свою историю. Все его родные и близкие погибли от рук зомби, и он в одиночку скитается вот уже три месяца по дорогам и опустошённым городам в поисках лучшей жизни.

– Я тоже одиночка, как и ты, – сказал Сильван, с интересом глядя на незваного гостя. – И прекрасно понимаю, что

один в поле не воин. Тебе, наверно, постоянно везёт?

– Круглые сутки! – со смешком воскликнул Эрнст.

Он вспомнил о странных звуках со второго этажа, напоминавшие человеческий голос, но решил об этом пока не упоминать, притворившись, что верит всему, что говорит ему хозяин дома.

– Я не понимаю, что ты здесь забыл? – сказал Эрнст. – Здесь опасно! Днём ладно, пока светло – ничего, сойдёт, но когда приходит ночь – разве тебе не страшно оставаться здесь одному?

– Да, бывает очень страшно. Но приходится мириться со всем... Куда собираешься податься дальше? – спросил хозяин дома, помолчав.

– Даже не знаю, – Эрнст пожал плечами. – Воевать с нечистью, которая всё прибывает, как саранча, у меня нет ни малейшего желания. Остаётся лишь делать то, что делают все – выживать. Плохо то, что зомбари становятся сильнее, ловчее, быстрее, они будто эволюционируют. Скажи, ты видел «бегунов»?

– Видел, – хмуро кивнул Сильван.

– Я теперь боюсь их, как огня. Думаю, если один такой забредёт сюда, нам кирдык.

Неожиданно Эрнст разразился истерическим смехом:

– Слушай, Сильван, скажи, зачем тебе весь этот металлолом? – он указал на груды запчастей, валявшихся повсюду. – Или ты чокнутый барахольщик? Крыша поехала от всей этой

проклятой жизни, а? Только без обид, ничего личного!

– Нет, конечно. Просто... Ты упомянул «бегунов». Не будешь смеяться? – спросил Сильван.

– Собираешь мотоцикл, чтобы уехать отсюда ко всем чертям?

– Нет, в том-то и проблема, что приходится забыть о любой копящей небо машине. Для начала вопрос, сколько у тебя горючки в баке?

– Хм! Ещё литров десять, наверно. Километров на девяносто должно хватить, до следующего городка, а там, возможно, армия... Хотя нет, это бред! Если там и есть армия, то это – армия Тьмы. Короче, бензина не осталось ни хрена!

– Вот-вот, у меня та же беда, – кивнул Сильван. – Машины с двигателем внутреннего сгорания, к сожалению, уже в прошлом. А мы живем в кошмарном настоящем. Ну, и как нам быть?

– Уж не предлагаешь ли ты пересесть на велосипеды? Ах, ну да, конечно, глупый вопрос, вон их у тебя сколько, только без колёс. Кстати, где колёса, пропили, что ли?

– Колёса не нужны, – сказал хозяин совершенно серьёзно, от чего Эрнсту стало ещё смешнее.

Сказать по чести, он смеялся почти без причины, но от души. Он не смеялся так долго, что теперь дал волю чувствам и громко безудержно захохотал. Сильван терпеливо дождался, пока истерический смех его гостя не стихнет и произнёс:

– Колёса действительно не нужны, потому что это не ве-

лосипед. И не самокат. И не скутер. Я сделал новое средство передвижения, аппарат, позволяющий развить скорость до шестидесяти километров в час.

– Ты изобретатель? – с удивлением спросил Эрнст.

– Нет, инженер. Рядовой инженер, каких пруд пруди. Но не в этом дело. Я взял за основу чертежи «эластипеда», «бокинг-джампера», усовершенствовал кое в чём, чтобы можно было использовать рамы велосипедов, обычные пружинные рессоры, которых полно на свалках и сделал собственную модель аппарата для ускорения бега и ходьбы. И теперь, уверен, мы сможем побегать с зомби наперегонки.

– Ты не шутишь? – Эрнст внимательно посмотрел на собеседника, подумав о том, что, очевидно, его версия насчёт одинокого сумасшедшего была ближе всех остальных к правде.

Однако теперь Сильван с задором хохотнул и сам, вскочив с места и устремившись в смежную комнату. Вскоре инженер вернулся с какими-то диковинными приспособлениями в руках, разложил их на столе и с гордостью посмотрел на Эрнста.

– Вот, – сказал он, – эластипед Лембоева! Можешь примерить.

– Ну уж нет, – Эрнст с сомнением разглядывал приспособления, кустарно сделанные из старых рам велосипедов, пружин и простых полос металла, сваренных между собой.

– Ты просто не видел мои «джамперы» в деле, – обиженно

заявил Сильван, сгрёб все детали непонятного назначения со стола, вышел на лужайку перед домом и принялся крепить их к своим ногам.

Эрнст, последовал за ним и наблюдал, как понемногу то, что он вначале принял за гору ненужного хлама, превращается в составные части аппарата, представляющего собой подобие изогнутых метровых клоунских ходуль. Вначале он прикрепил к ногам стальные рамы с подошвами при помощи кожаных лямок, а к ним уже приладил по очереди две огромные рессоры на пружинах. Держась за два длинных кола, вбитых в землю перед домом, инженер довольно уверенно встал на эти ходули и весело взглянул на остолбеневшего гостя сверху вниз. Затем, к изумлению наблюдателя, сделал поистине цирковой трюк, подпрыгнув метра на три и перемахнув через забор с ловкостью кенгуру. Всего за несколько секунд Сильван оббежал вокруг дома, делая гигантские прыжки в длину и высоту, и вернулся назад на лужайку без намёка на усталость или одышку. Он твёрдо держался на ходулях, будто заправский эквилибрист, что, по-видимому, далось ему после длительных тренировок.

Эрнст с восторгом и завистью присвистнул и зааплодировал:

– Вот это да! Ну, ты даёшь!

– Могу с уверенностью сказать, что мой аппарат побил все рекорды и превзошёл лучшие аналоги. Те же «джамперы» развивают меньшую скорость и берут меньшую высоту, чем

мои «скороходы».

Ослабив крепления металлических подошв, инженер ловко спрыгнул на землю, не растеряв при этом свои ходули.

– Думаешь, «бегун» не догонит тебя? – спросил Эрнст, осмотрев уже более уважительно аппарат Лембоева со всех сторон.

– Я знаю скорость, которую могу развить. Это почти шестьдесят километров. Ты моложе и, видимо, сильнее, ты сможешь развить и большую. Но чтобы понять, быстрее ли мы «бегунов», мы должны это проверить.

– Каким образом? Пригласить их на пробежку?

– Пригласить, конечно, не получится, но если поймать «бегуна», привезти его на шоссе, то лучшего испытания для моего аппарата не придумаешь.

– Самый безумный план из всех, что я знал, – отмахнулся Эрнст и вошёл обратно в дом.

Это был действительно безумный план, но вскоре Сильвану пришла в голову идея получше.

Параграф 14. Как правильно вести себя в компании зомби-изгоя.

Есть несколько правил, которые помогут вам чувствовать себя уверенно в компании «изгоя». Первое: у вас должна быть крепкая изолента, матерчатая или пластиковая, всё равно. Если «изгой» захочет с вами поговорить, помните о том, что он может долго и нудно заговаривать вам зубы, и, если вы поддаётесь гипнозу, существует опасность,

что зомби усыпят вас своей невнятной болтовнёй, и вы окажетесь в его власти. Первым делом, заклейте ему рот. Он может смотреть на вас и попытаться загипнотизировать взглядом – заклейте ему глаза. Он может слушать и угадывать ваши движения – заткните ему уши, именно заткните, поскольку отрезать их ему бесполезно. Конечно, можно было бы сразу отрубить ему голову, но помните о том, что они являются медиумами, своего рода посредниками между их тёмным миром и нашим, и сохранить их в целости равнозначно тому, чтобы сохранить жизнь шпиону на войне.

После долгого спора они решили ехать на грузовичке Сильвана, но Эрнст поставил условие, что сразу сядет за руль, чтобы привыкнуть к новой для него колымаге, ведь по плану он привезёт её обратно, причём очень быстро. Как выразился Сильван, он должен был нестись на ней быстрее ветра, чтобы успеть к возвращению главных участников пробега: самого Лембоева и зомби-бегуна, которого он приведёт за собой. В этом и состояла главная цель их отчаянного предприятия, на которое Эрнст долго не мог решиться.

Эта задумка казалась ему совершенно ненужной, напрасным риском в их и без того безрадостном, насыщенном опасностями положении. Но Сильван был красноречив и убедителен.

– Что наша жизнь без опасности? – сказал он. – Мы можем ждать её здесь, прозябая, а можем начать к ней готовиться, действовать, дерзать. Мы идём на святое дело – боремся с

нечистью в открытую!

– Мне это напоминает борьбу с дождевыми каплями в грозу, – скептически заметил Эрнст.

Сильван задумчиво посмотрел на него из-под нахмуренных бровей и сказал:

– Знаешь, я солгал тебе, что живу один.

– Правда? – Эрнст притворился, что удивлён.

– На втором этаже – моя несчастная Лиза, моя жена. Ее заразили месяц назад, но она очень долго с мучениями превращалась в зомби, у неё оказался выносливый организм, и он долго боролся с инфекцией, но всё же сдался через две недели. Она всё ещё неплохо выглядит – для зомби, но... Она уже не со мной. Зато я – с ней. Да, я кормлю её, приношу ей свежее мясо – животных, не людей, каждый день езжу на охоту, правда, сегодня мне не повезло. Она голодна. И я даже не хочу подниматься вверх, чтобы услышать её голодный рёв, и тебе не советую. Впрочем, дверь надёжно заперта, и моя красавица не представляет опасности, она крепко связана и никому не навредит.

– Прости, дружище, но ты считаешь это необходимым?

– Я считаю, что мы должны пройти через всё, при этом не забывая о том, кто мы такие. А мы – люди, существа, вышедшие из пещер. И у нас есть ещё огонь не только на плите, но и в сердцах.

На это высказывание Эрнст не мог парировать ничем.

– Я буду мстить всей этой нечисти до конца моих дней! –

с гневом подытожил Сильван.

Эрнст провёл в дальнем закутке дома в одиночестве с полчаса, раздумывая о предложении хозяина. Здравый смысл подсказывал ему, что лучше в тишине и покое переждать пару-тройку дней, а затем отправиться дальше, но ему чертовски хотелось узнать, чего стоит удивительный аппарат Лембоева на практике, – видимо, к этому его толкало всё то же непреодолимое любопытство, которое в итоге могло и погубить. Наконец он решился, поборов в себе голос логики и щекочущего страха. За это время Сильван собрал в дорогу всё необходимое и ждал своего нового компаньона у машины, как будто уже заранее знал, что он согласится.

– Поехали, – уверенно сказал Эрнст, закидывая топор в кабину.

В общих чертах Лембоев уже изложил свой план. Он был предельно прост – на шоссе, надев ходули, инженер привлечёт внимание «бегуна» и заманит его в лес, а потом приведёт и к дому, где его уже будет ждать наготове с двустволкой и топором Эрнст. Задача Сильвана в том, чтобы не позволить догнать себя преследователю – тут-то и выяснится истинная ценность хвалёного эластипеда. Задача Эрнста приехать быстрее их обоих и занять наиболее удобную боевую позицию, чтобы встретить врага во всеоружии.

Эрнст сел за руль, развернул грузовичок и выехал из ворот, подняв целый столб пыли над песчаной дорогой, когда Лембоев попросил его притормозить. Он сбивчиво объяс-

нил, что забыл что-то в доме, и вернулся назад.

– Не забудь закрыть дверь на замок! – крикнул ему вдогонку Эрнст.

Через минуту Сильван вернулся, положив ключ на приборную панель.

– Дверь закрыта, – сказал он.

Эрнст вёл грузовик по дороге тем же путём, каким он и приехал сюда, выруливая в сторону шоссе, с которого не так давно съехал, спасаясь от шествующих зомби. На пластмассовой панели чуть левее от бардачка он увидел приклеенную фотографию с изображением красивой улыбающейся женщины.

– Это она? – спросил он.

– Да, – грустно улыбнулся Сильван. – Лиза, моя бедняжка. Когда-то это была она.

Больше они не говорили до тех пор, пока не выехали на автомагистраль. Они сидели в машине, глядя в оба конца бесконечной серой ленты раскалённого на солнце асфальта, стараясь что-то рассмотреть вдали. Было заметно, что орды зомби не первый день мигрируют по шоссе в поисках новых жертв, о чём говорило множество обглоданных человеческих костей и скелетов, валявшихся там-сям на полотне и обочинах шоссе. Обычно живые мертвецы редко сворачивали с больших дорог, держась вместе, выказывая тем самым некое отвратное подобие социальности поведения. Впрочем, это можно было объяснить и тем, что их просто

было очень много, они бродили шумными пугающими толпами, и в их уродливом «социуме», по обыкновению, не наблюдалось строгой иерархии и особого порядка.

Очевидно, та массивная волна живых мертвецов, от которой сбежал Эрнст, уже схлынула, удалившись в противоположном направлении. Но надо было понимать, что зомби не кончаются никогда, и новая чудовищная волна неизбежно последует за предыдущей.

Начинало вечереть, и солнце клонилось к верхушкам высоких раскидистых елей, когда вдали на шоссе показалось размытое тёмное пятно. Очень скоро не осталось сомнений – это была очередная толпа зомби, путешествующих из одного города в другой. Она продвигалась по магистрали утомительно медленно, почти по-черепаши, так что прошло бы не менее часа, прежде чем первые ряды инфицированных добрались бы до грузовика, но это было на руку поджидавшим их простым смертным.

Сильван залез на кабину машины, откуда ему было удобнее крепить к ногам рамы с подошвами, а затем и сами огромные пружинистые ходули. Закончив это дело, он без труда и с видимой лёгкостью спрыгнул на асфальт и пробежался несколько раз вокруг грузовичка.

– Я готов! – бодро крикнул он своему компаньону. – А ты?

Эрнст стоял возле машины, не переставая удивляться скорости, которую выжимал из своих ходуль инженер.

Улыбнувшись, он махнул ему рукой:

– Я тоже, шеф!

– Я рассчитываю на тебя, приятель, не подведи, – бросил напоследок Сильван и устремился навстречу толпе зомби.

Он скакал на огромных изогнутых ходулях, развивая бешеную скорость и напоминая издали гигантского комара-балерину, вспархивающего над тёмным полотном шоссе.

Несколько минут Эрнст, как замороженный наблюдал за этим стремительным бегом, больше напоминающим полёт какого-то причудливого насекомого, как вдруг спохватился, вспомнив о своей первостепенной цели. Он прыгнул обратно в машину и дал газ, направив грузовичок напрямик в лес. Эрнст выжимал из мотора максимум доступных лошадей, и грузовик успешно справлялся с ухабами и толстым слоем песка на петляющем просёлке, так что довольно быстро он вернулся к ветхому домишке в лесу.

Эрнст взял ключ, оставленный хозяином на приборной панели, и направился к дому, чтобы напиться, так как его уже полчаса мучила жажда, однако, к его удивлению, дверь не пришлось открывать – она по-прежнему была приоткрыта. Очевидно, Сильван снова по рассеянности забыл её запереть.

Ругнувшись, Эрнст вошёл в дом и сразу услышал вопль, донёсшийся со второго этажа. Казалось, в этом жутком вопле смешалось всё самое порочное и кошмарное: злоба, голод, ненависть и боль. Вопли повторялись снова и снова. Существо, обитавшее наверху, словно знало о присутствии

простого смертного и требовало одного – мяса и крови.

Эрнст старался не обращать внимания на эти крики. Отхлебнув воды из кружки, он взял в руки ружьё, открыл стволы, проверив патроны в патроннике, закрыл, навёл мушку на невидимую цель на входной двери, из проёма которой бил луч вечернего солнца, и внезапно его посетила одна довольно странная мысль. Положив ружьё на стол, он подошёл к двери и сунул ключ в замочную скважину. Ключ был слишком мал по размеру и был явно не от этого замка. Эрнст вернулся к лестнице на второй этаж с тем же ключом, прихватив с собой топор – это оружие было ему привычнее, чем двустволка.

Он поднялся по лестнице, остановившись перед дверью в комнату.

«Дверь заперта, и моя красавица не представляет опасности», – вспомнил он слова Сильвана.

«Не этим ли ключом?» – подумал Эрнст, вставляя его в замочную скважину и поворачивая до упора.

Замок послушно щёлкнул, и дверь в запретную комнату открылась. Эрнст лишь слегка толкнул её, как ему уже сразу захотелось бежать отсюда без оглядки, спасаясь от мерзкого запаха разложения, жужжания тучи мух и пронзительных воплей существа, привязанного толстой верёвкой со множеством узлов к большой кровати.

Эрнст усилием воли заставил себя подойти к этому ложу. Женщина, которую он увидел, была мертва уже давно. Это

был стопроцентный зомби, обычный живой мертвец, – не «изгой», а самая заурядная бездушная тварь, алчущая свежей крови для поддержания собственной иллюзии, жуткой пародии на жизнь, и Эрнсту было сложно понять, зачем Лембоев с таким упорством поддерживал в ней жизнь. От большой любви? Но в этом не было ни доли романтики, это было отвратительно и жалко. Да и бесчеловечно, если уж на то пошло.

Неожиданно Эрнста осенило, и он вначале отшатнулся от существа, взглянувшего на него голодными мутными глазами, страшного и омерзительного, но всё ещё отдалённо похожего на человека. Отшатнулся не от страха, а от мысли, ошеломившей его больше, чем внешний вид монстра. Он отмахнулся от неё, как от назойливой мухи, и повернулся к выходу, чтобы поскорее покинуть комнату, но истошный вопль зомби остановил его. В этом крике был не только голод, но и безграничная мука, бесконечное безумие, переполнявшее ужасную оболочку, в которую был заточён томящийся хищник. Внезапно Эрнст увидел в ней то, чего не замечал Сильван, чей взор был затуманен картинами своей памяти, светлого прошлого, воспоминаниями о былой любви и, должно быть, прекрасных минувших днях, канувших в небытие.

Он подошёл к существу, попытавшемуся с остервенением в последний раз вырваться из своих пут, занёс топор над его головой и одним махом покончил с проблемой.

Сильван около пяти минут занимался тем, что дразнил «медляков», тщетно тянувших к нему свои руки с крючковатыми, потемневшими от разложения пальцами. Для них он был слишком быстр и высок. Толпа продолжала медленно двигаться вперёд, не собираясь наращивать темпы, и Лембоев уже начинал подумывать о том, что, должно быть, ему придётся вернуться домой ни с чем, как вдруг из центра толпы, расталкивая остальных, вырвался «бегун». От неожиданности, Сильван едва не потерял равновесие, и успел увернуться от удивительно расторопного зомби в последний момент.

После этого началась настоящая гонка. Лембоев рванул что было сил в обратном направлении и довольно быстро вырвался вперёд, но зомби постепенно ускорял свой бег. Его глаза горели бешеным огнем, а на жёлтом, будто корка лимона, лице застыла поистине дьявольская злобная гримаса. Очень скоро инженер понял, что ему достался в соперники «крепкий орешек», и ему лучше не расслабляться. Он развил, наверное, предельную скорость на своих ходулях, чему способствовала ровная гладь шоссе, на котором почти не встречалось серьёзных преград, кроме редких обглоданных скелетов, и ему удалось сохранять приличную дистанцию, отделявшую его от «скоростного» мертвеца. Однако зомби, казалось, не знал усталости и не собирался сдаваться в этом состязании.

Сильван свернул в лес, и здесь ему поневоле пришлось

чуть сбавить ход, потому что бежать по неровной просёлочной дороге на ходулях, было несравненно труднее, чем по асфальту шоссе. Зомби не отставал, более того, похоже, на лесной дороге ему было даже проще. Однажды Лембоеву показалось, что живой мертвец, сделав отчаянный рывок, коснулся его спины холодными пальцами, но он не зря проводил дни в тренировках и теперь наверняка побил все свои собственные рекорды по прыжкам в длину. Он оторвался-таки от «бегуна» метров на десять, когда впереди замаячил знакомый забор, и Лембоев закричал:

– Э-э-эй! Я здесь!..

Услышав крик, Эрнст кубарем скатился с лестницы и с ружьём в одной руке и топором в другой выбежал из дома. Сильван влетел через открытые ворота во двор, жестом давая понять, что зомби сразу за его спиной. Надо сказать, что «бегуны» в отличие от «изгоев» не славились особой сообразительностью и зацикливались, как правило, всего на одной потенциальной жертве. Не был исключением и этот представитель данного подвида инфицированных, поскольку продолжал тупо бежать за тем, кого видел впереди, судя по всему, не замечая больше ничего вокруг, и, конечно, где уж ему было догадаться об устроенной засаде? Эрнст встретил его мощным зарядом дроби прямо в голову сначала из одного ствола, затем из второго, заставив живого мертвеца остановиться. Зомби покачнулся, но остался стоять на ногах. Дробь заметно повредила его и без того перекошенную физионо-

мию, но не убила. Отбросив ружьё за ненадобностью, Эрнст размахнулся топором и прицельным точным ударом отсёк ему голову.

Как известно, тело зомби не может жить без головы, по крайней мере, долго, и оно тут же рухнуло на землю.

– Отличный удар, – сказал Сильван, усаживаясь на крышу грузовика, чтобы снять ходули.

– Тренировки приносят пользу, – ответил Эрнст.

– Да, это точно, – согласился инженер. – Насчёт моего эластипеда... он прошёл испытание, но нуждается в небольшой доработке.

Эрнст старался не смотреть Сильвану в глаза и сделал вид, что ему интересно содержимое карманов рваной одежды обезглавленного зомби, хотя в них оказались всего лишь какие-то мелкие монеты. Лембоев снял ходули и, подняв с земли ружьё, присоединился к осмотру.

Неожиданно он спросил:

– Ты сделал это? Я пробежал три лишних круга по лесу, тянул время, чтобы ты успел. Он чуть не догнал меня.

– Да, – ответил почти не удивлённый эти вопросом Эрнст.

– Мы похороним её в стороне от общего кладбища, ей там не место, – сказал Сильван. – Она любила одну поляну в лесу, летом там красота. А потом... мы сожжём этот дом.

Адреналинщик

Параграф 19. Некоторые способы взаимодействия с «зомби».

Многие читатели сталкивались с проблемой – у вас заболелся зуб и его нужно вырвать. Во времена Армагеддона всем стало понятно, что найти хорошего живого дантиста теперь так же сложно, как хорошее средство для наркоза. Однако вокруг много плохих «зомби», которые так и жаждут провести над вами какую-нибудь нехитрую хирургическую операцию. Воспользуйтесь этим, обратив зло во благо себе. Лучшее всего выбрать для этой цели обычный дом на отшибе. Привлеките внимание зомби, заставив их начать штурм вашего временного убежища. Укрывшись в одной из комнат, закройте дверь, не запирая её на замок. Привяжите один конец крепкой длинной нити к ручке двери, а другой – к больному зубу. Дождитесь момента, когда зомби дёрнет за дверь, при этом выдернув и ваш зуб. Дело сделано – больной зуб удалён. Осталось удалить только злосчастных зомби, штурмующих ваш дом, конечно, если они до этого не удалят вас.

Ефим Молич открыл глаза, но ничего не увидел – вокруг была крошечная тьма. Он не испугался, только удивился столь быстрой перемене декораций. Ещё совсем недавно он боксировал с живым мертвецом на ринге для избранных, за-

рабатывал на хлеб насыщенный, забавляя публику одной богатой коммуны, как вдруг он приходит в себя, лёжа с дикой головной болью неизвестно где. Молич пошарил рукой, обследуя пространство вблизи, и нащупал лишь холодный металлический пол. Воздух в тёмном помещении был спёртый, без запахов, по крайней мере, запаха живых трупиков в нём точно не было.

Значит, он не в морге, подумал Молич. И он не умер. И он не «изгой». Впрочем, по поводу последнего, он мог себя только обнадеживать, ведь Ефим не знал, что ощущает эта разновидность зомби, к которой на время возвращается человеческая память, а чувствовал себя он, кстати, препаршиво, будто после тяжёлого похмелья. Или после той тяжелейшей фазы болезни, которую пережил не так давно, и о которой у него остались ещё очень свежие воспоминания.

Неожиданно сверху быстро замигал и зажёгся свет – источником была единственная лампочка, подвешенная к потолку. Ефим прищурил один глаз; второй уже давно почти не видел, да и вообще нуждался в удалении. Привыкнув к свету, он рассмотрел наконец неизвестное помещение, которое оказалось железным кузовом большого грузовика. Молич встал на ноги и осмотрелся – вокруг не было ничего, что могло хоть как-то послужить орудием самообороны в случае надобности, и он впервые занервничал. Машина стояла на месте, но Ефим слышал гул двигателя, а это могло означать то, что он очнулся, когда грузовик остановился, напри-

мер, от резкого толчка после того, как его куда-то долго везли. Около пяти минут он боролся с дверью кузова, но она так и не поддалась.

Ефим не был уверен, стоит ли ему лишний раз привлекать к себе внимание, но не сдержался и прокричал несколько проклятий, обращаясь к тому, кто запер его в кузове. Правда, он сразу пожалел об этом и мысленно пожурил себя за несдержанность. Ежу понятно, даже дохлому инфицированному ежу, что это – похищение! Наглое похищение среди бела дня, прямо из дому. Наглее могло быть только похищение с ринга из-под носа у зрителей, делавших ставки. Его отключили, оглушив чем-то тяжёлым по голове, что говорило о крайней бестактности похитителя. Впрочем, если бы он, Ефим, решил сейчас тоже кого-то похитить, то, скорее всего, действовал бы точно так же, старыми грубыми дедовскими методами. Согласитесь, ну где сейчас найти хлороформ, чтобы тихо усыпить жертву? Все наркотические и болеутоляющие средства давно выпотрошены со складов больниц, госпиталей и научных институтов. Эра Армагеддона в самом разгаре, и всем уже давно не до изысканных манер.

Вопрос состоял в том, зачем его похитили? Какому кретину это было нужно? С целью выкупа?

Ефиму стало смешно. Конечно, для братьев-жлобов, заправлявших рингом, он был по-своему ценным бойцом, можно сказать, даже «звездой» зомби-боксинга, привлекавшей массу игроков, но пойти на столь необдуманный риско-

ванный шаг могли бы только сильные конкуренты клана, которых у него просто не было. Кровопролитные битвы кланов и мелких банд уже давно закончились, и победила семейка братьев Хильштейн, прославившихся редкой жестокостью даже на фоне глобальной войны между живыми и мёртвыми. Во всяком случае, на том куске суши, где обитал клан, конкурентов точно быть не могло, – их уже давно не было в живых, а зомби не в счёт.

Ефим усмехнулся: его похититель – зомби? Какой-нибудь «изгой», который вспомнил о том, что когда-то был бандитом и решил, так сказать, вспомнить молодость? Ну не смешите зомбарей! Это было бы новостью, достойной новостных лент ведущих телеканалов, если бы они выходили в эфир, и заголовков самых известных газет, если бы они издавались. Но в эту смутную эпоху такие новости никому не нужны, а если бы это и вызвало интерес, то в последнюю очередь, у зомбаков. Нормальный уважающий себя шатун уже давно присосался бы к его горлу и начал пировать, отрывая от его тела самые вкусные куски, а не запер бы в грузовике.

Нет, определённо, его похититель был натурой более интересной, чем «изгой». Молич начал перебирать в уме все возможные варианты, относившиеся к личности неизвестного. Были ли у Хильштейнов враги, не являвшиеся открытыми конкурентами? Тайные соперники, ждавшие своего часа, чтобы выкрасть Ефима, лучшего, да и если уж говорить начистоту, единственного бойца на ринге, приносившего хо-

рошую прибыль, неубиваемого Ефима по прозвищу Кувалда, героя, легенду последних времён! Действительно, почему бы ему без ложной скромности не называть себя легендой при жизни? Сколько было таких же рискованных парней, адреналинщиков, сложивших головы на ринге?

Право, несложно одним точным ударом ноги или руки на время оглушить и дезориентировать зомби, но очень непросто в течение боя, который может продолжаться целый час, увернуться от его зубов или грязных ногтей, под которыми тоже хватает смертоносных микробов. После этого боец был обречён. У каждого инкубационный период проходил по-разному: у кого-то быстрее и безболезненнее, у кого-то дольше и мучительнее. Но в итоге они все присоединились к армии зомби. А вот он, Ефим «Кувалда» Молич всегда выходил сухим из воды, хотя на его теле можно было видеть следы не от одного укуса. В каком-то смысле его тело было открытой книгой множества жестоких боёв, ведь в соперники ему часто доставались далеко не «медляки», а довольно быстрые, сильные и злобные зомбари, потому что братья Хильштейны никогда не задумывались о таких вещах, как несоответствие весовых категорий и соотношение сил. Их интересовала только прибыль – золото и драгоценности, которые лились к ним рекой. Молич был необходимым сотрудником в их бизнес-компании, он мог победить почти любого зомбаря, а мог по тайному сговору и лечь под него без всяких сомнений. Бойцов на ринге не отдавали на растерзание

живому мертвецу, даже если тот одержал верх в рукопашной схватке, отчего многие ошибочно считали вступление в ряды гладиаторов не настолько опасным, чтобы не попытаться на этом хоть разок неплохо заработать.

Хильштейны знали один секрет, который известен любому владельцу казино – шарик всегда займёт нужную ячейку на колесе игровой рулетки. Иногда Ефим задумывался о том, что он и есть тот самый шарик на «чёртовом колесе» его работодателей, и вёл с ними сложную игру, вытягивая за свою работу как можно больше, но при этом так, чтобы не восстановить их против себя. Жадность всегда сильнее, а Хильштейны были жадны и скупы до невозможности, и поэтому Молич старался не переходить грань, за которой его будущее было скрыто завесой плотного тумана.

Чтобы заработать больше баллов в свою пользу и свести на нет урон по его репутации после последней вспышки ярости, Ефим постучал в перегородку, отделявшую кузов от кабины, и обратился к незнакомому похитителю уже более смиренно и покладисто:

– Эй, если ты там... Послушай, я не знаю, кто ты и зачем ты это сделал, но, кто бы ты ни был, Хильштейны не простят тебе моего похищения. Я – их лучшая беговая лошадка, а ты стащил её прямо с ипподрома. Подумай, как они теперь будут себе деньги зарабатывать? Уверен, за тобой уже выехал конвой на мотоциклах, вся их свора, весь клан.

Молич прислушался, но за перегородкой было тихо, кро-

ме всё того же глухого рокота двигателя. Однако какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что его слова услышаны, и он продолжил:

– Не знаю, что у тебя на уме, но, может, мы сумеем договориться? Только для этого нам надо действовать сообща и быстро. Ты слышишь меня? – крикнул Ефим, снова с силой стукнув кулаком о перегородку.

Внезапно взревел мотор, и машина резко тронулась с места, так что Молич еле удержался на ногах. Он быстро присел, прислонившись к стенке, и сделал это вовремя, потому что грузовик, видимо, начав развивать довольно высокую скорость, сделал крутой поворот. Лампочка на потолке погасла, и Молич снова оказался в полной темноте. Неожиданно спереди раздался удар, сотрясший весь корпус машины, затем несколько ударов чуть слабее. Похоже, грузовик наткнулся на какую-то преграду, во что-то врезался или что-то снёс, причём несколько раз, но не сбавил ход. Ефима мотало из стороны в сторону, и он беспомощно распластался на полу, чтобы получить как можно меньше ушибов от соприкосновения со стенами металлического кунга грузовика.

Машину трясло и кидало в стороны ещё минут двадцать, пока наконец она не замедлила ход и не остановилась. Снова загорелась лампочка. Спустя несколько секунд с лязгом открылась створка двери, и чья-то рука швырнула на пол к ногам пленника какой-то предмет, после чего снова захлопнулась. Молич с удивлением увидел, что это был большой

молот на длинной толстой рукояти. Дар похитителя, подкинувшего ему не что иное, как кувалду, был поистине символичен. Это было его любимое холодное оружие, которое он использовал на ринге в боях против зомби и благодаря которому он и получил своё прозвище. Орудие, способное ненадолго вывести живого мертвеца из строя, но не способное его убить. Орудие, разрешённое правилами ближнего боя устава Хильштейнов.

Неужели это всё-таки были они? Неужели жадные толстосумы придумали для него какое-то новое дьявольское испытание, чтобы разнообразить игру на ринге и привлечь к ней ещё большее число игроков?

Молич поднял с пола кувалду, с удовлетворением отметив, что вес её как раз тот, к которому он привык (ещё одна деталь не в пользу Хильштейнов). Орудие ближнего боя было в меру тяжёлым, именно таким, чтобы удержать его в руках, нанеся сокрушительный удар. Бывают молотки раза в три тяжелее, которые практически невозможно применять в качестве оружия – они только отбирают силы, а не служат добрую службу, какую должен служить подходящий слесарный инструмент.

Ефим подошёл к двери и попробовал открыть, но она не поддавалась, хотя ему показалось, что дверь закрыта ненадёжно, будто не до конца. Он подёргал за рукоять двери и заметил небольшой зазор. Дверь держала одна защёлка снизу, которую, безусловно, сложно было бы взломать вручную. Но

ведь теперь у него была кувалда! И, возможно, ему подкинули её неспроста. Догадаться, что делать дальше было легко, – Ефим размахнулся тяжёлым молотом и с грохотом опустил его в области нижнего замка.

Дверь раскрылась, и Молич осторожно выглянул наружу. В глаза ему ударил яркий солнечный свет, лицо обдало потоком сухого горячего воздуха. Жара была нестерпимой, и у него на мгновение даже пропало желание покидать прохладный кузов грузовика. Однако он взломал дверь не для того, чтобы продолжать скрываться от судьбы. Ефим увидел асфальтированное полотно широкой дороги, потрескавшуюся ленту серого цвета с еле различимыми следами дорожной разметки, убегавшую вдаль посреди безжизненной степи. И, конечно, неизбежный атрибут всех дорог – останки скелетов, черепа и кости. Унылая и, к сожалению, привычная картина Апокалипсиса – провинциальные дороги, вымощенные человеческими костями. Намёка на присутствие зомби вроде бы не было, и Молич спрыгнул на шоссе.

В ту же минуту грузовик, подняв столб черного дыма, валившего из выхлопной трубы, сорвался с места и вскоре был уже не различим в мареве, расплывшемся над дорогой, будто поднимавшемся от невидимого костра.

«Оперативно сработано», – подумал Ефим, глядя вслед машине.

Он осмотрелся, и от картины, открывшейся его взору, у него подкатил ком к горлу. Это была самая настоящая

выжженная солнцем пустыня, по которой изредка пролетали диковинные растения «перекати-поле». Степь пересекала прямое шоссе. В стороне, куда умчался грузовик, виднелся каменный мост и до него было как минимум километров шесть или семь. В противоположной стороне, намного ближе находились развалины бензоколонки. И больше ничего и никого.

Ефиму ужасно захотелось пить, и он зашагал в сторону близлежащих развалин, посчитав, что если у него и есть шанс найти завалившуюся бутылку питьевой воды, то только там.

Теперь он уже вообще ничего не понимал – логика в его похищении отсутствовала полностью. Даже если бы это задумали Хильштейны, они были не настолько милосердны, чтобы оставить его в живых. Нет, ему явно оставили шанс на выживание и даже обеспечили оружием. Но благодарить за это, конечно, Молич всё равно бы не стал. Как бы он хотел взглянуть сейчас в лицо этому «добряку», но, увы, это было невозможно – грузовик уже не догнать.

Ефим вспомнил о тех нескольких ударах, пришедшихся по капоту машины, и сообразил, что по пути грузовик, видимо, сбил несколько жмуров, а, может, и помял какую-нибудь легковушку, из чего он сделал вывод, что похититель по любому был лихим парнем.

На некотором расстоянии от бензоколонки Молич предусмотрительно пригнулся и проделал остаток пути, бесшумно

и крадучись, отлично зная, что меры предосторожности никогда не бывают лишними даже в такой богом забытой дыре. На бензоколонке уцелел всего один заправочный аппарат – остальные были снесены подчистую, по-видимому, уже очень давно. Навесы над ними также почти везде отсутствовали, зато обломков железа и пластмассы хватало повсюду. Крыша над зданием провалилась, двери были сорваны, внутри царил полумрак. Молич часто задавался вопросом, почему большинство небольших зданий, таких, как это, выглядит так, будто они побывали в эпицентре урагана, тайфуна или цунами, хотя подобных природных катаклизмов тут никогда не было и в помине. Возможно, просто потому, что там, откуда уходили люди и приходили зомби, начинался полнейший хаос, и в эпицентре этого бедствия не было места таким заурядным и, казалось бы, необходимым вещам, как целые двери, окна и крыши. Нет, отныне в этом мире все жилые здания должны были выглядеть как дома с привидениями из старинных готических сказок, и никак иначе! От этого можно было приходиться в бешенство, это можно было осуждать и критиковать, но справиться с этим было нельзя.

Молич ещё раз придиричиво осмотрел окрестности. Вокруг всё было спокойно, только посередине асфальтированной площадки дрались за добычу несколько ворон. Эти птицы не погибали и не заражались во время Армагеддона, а наоборот усиленно размножались, как будто всеобщая разруха способствовала этому основному инстинкту. Приглядев-

шись, Ефим увидел, что добычей птиц была человеческая рука, ещё довольно свежая с виду. Он поднял с земли камень поувесистее и швырнул его в ворон, – те с гневным карканьем разлетелись, рассевшись по ближайшим столбам электропередач.

Неожиданно какой-то звук со стороны здания привлёк внимание Ефима. Ему показалось, что он слышит человеческий голос или, скорее, плач. Он не сразу рассмотрел фигурку девушки, буквально вжавшуюся в боковую стену строения. Она сидела на земле, закрыв лицо руками и что-то бормоча.

Молич поднял кувалду и сделал несколько осторожных шагов, когда девушка подняла голову и взглянула на него заплаканными глазами. Тушь была размазана по её лицу, выражение лица было растерянным, а глаза смотрели испуганно и затравленно.

Заметив Ефима, она тут же вскочила на ноги, и её лицо озарила улыбка:

– Вы... не зомби!

Молич смерил её оценивающим взглядом. Девушке можно было дать лет двадцать пять, она была стройна, одета попоходному – чёрный топ без рукавов, скрывавший упругую грудь, пыльные джинсовые шорты и стоптанные кроссовки. Ефим нашёл, что она вполне себе ничего, блондинка с милым лицом и прямым открытым взглядом светлых глаз. По разумному рассуждению, она не могла быть зомби-из-

гоем, поскольку выглядела для этого слишком свежо, да и вдобавок размазанная тушь на её лице – это смотрелось так непривычно и женственно, что вначале Молич даже смутился. Ещё одна деталь поневоле также настроила его на дружеский лад – в руке девица сжимала пластиковую бутылку с водой.

– Что случилось? – спросил Ефим.

– Вы не зомби? – повторила она.

– Да нет же!

– О, слава Богу! Как я рада... – девушка шагнула к нему навстречу, как вдруг пошатнулась, закатив глаза.

Она выглядела так, будто у неё закружилась голова, и Молич, забыв о предосторожности, импульсивно бросился ей на помощь, подхватил за тонкую талию и, надо сказать, без особого труда уложил её хрупкое тело на асфальт в тени уцелевшего навеса. Он плеснул немного воды из бутылки ей на лицо, отчего размазал её чёрную тушь ещё больше, а заодно приложился к бутылке и сам.

Понемногу девушка пришла в себя, с удивлением посмотрев на Ефима.

– Наверно, солнечный удар, – сказал Молич. – Скоро пройдёт. Выпейте воды, – он помог ей сделать глоток, приложив горлышко к её накрашенным алой помадой губам.

В нём пробудился живой интерес – было так странно видеть молодую красивую женщину с макияжем на лице в такой глуши, вдали от закрытых крепостей-мегаполисов и про-

чих человеческих муравейников, что в голову ему даже за-
кралась мысль, не является ли она, так же, как и он, жертвой
похитителей?

– Спасибо, – поблагодарила она, и Молич помог ей под-
няться.

Отряхнувшись от пыли, девица с любопытством посмот-
рела на Ефима.

– Что у вас с глазом? – спросила она.

Молич смутился ещё больше:

– С глазом? А что с ним?

– Как, вы не знаете? Он у вас другого цвета, – и она про-
тянула ему маленькое зеркальце, быстро вытянув его из кар-
мана шорт.

Молич глянул в зеркальце и осмотрел лицо так сосредото-
ченно, как будто видел его впервые. Да, левый глаз выглядел
теперь намного хуже, чем четыре дня назад. Радужная обо-
лочка приобрела насыщенный фиолетовый цвет, а зрачок за-
метно расширился, в то время как его здоровый правый глаз
оставался таким же, как и при рождении – светло-серым.

– Да, он другого цвета, – согласился Ефим.

Девица улыбнулась:

– Это, наверно, гетерохромия. Как у моей бывшей соба-
ки, у неё глаза тоже отличались: один был карим, второй –
голубым.

– Да, это бывает, – пробормотал Молич. – У вас была со-
бака...

– Была. Она погибла. Всё хорошее когда-то было в нашей жизни, правда? Знаете, – сказала блондинка, помолчав, – вы похожи на моего отца. Он – военный. Только с этим молотком смотрите как-то нелепо, не обижайтесь.

Ефим кивнул и ещё раз подозрительно осмотрелся. Он вспомнил, зачем шёл сюда и указал в сторону полуразрушенного здания:

– Вы там были?

– Да.

– Вода есть?

– Нет... но я нашла одну бутылку, пейте.

Пока Ефим утолял жажду большими жадными глотками, девушка отошла от него на несколько шагов и, вытащив из кармана смартфон, сделала несколько снимков.

– Зачем это? – недовольно спросил Молич, покосившись на гаджет. – Заканчивайте, я этого не люблю.

– Для истории, как вы не понимаете, – рассмеялась блондинка. – Вы мой спаситель, странствующий рыцарь, который теперь будет меня охранять от страшных демонов.

– Бросьте, какой, к чёрту, я рыцарь! – рассвирепел Ефим. – Откуда вы вообще здесь взялись?

– А вы?

Он кивнул:

– Хорошо, начнём с малого. Как тебя звать, малышка?

– Настасья. А вас – Кувалда, верно?

Молич с интересом посмотрел на девушку:

– С чего ты взяла?

Она улыбнулась:

– Ну, это же видно. Вы с кувалдой, значит, и зовут вас так же.

Ефим усмехнулся – либо у незнакомки сохранилось чувство юмора, либо она узнала его, что, впрочем, было и не удивительно с учётом шумихи, поднятой вокруг его имени. Великий Ефим «Кувалда», гроза живых мертвецов, неуязвимый для зомби-вируса, живая легенда, доказавшая, что зомбаки отнюдь не так страшны, как их малюют! И само собой, его должны были знать далеко за пределами владений клана Хильштейнов, а «соски» вроде этой вообще должны были мечтать о встрече с такой звездой, как он!

Молич снова с недоверием посмотрел на развалины. Сказать по чести, ему не хотелось идти в покосившееся здание, которое в любой момент могло обвалиться полностью, но ему захотелось осмотреть его самому – вдруг он найдёт ещё воды. Кто знает, сколько времени им придётся провести в этой степи, пока кто-нибудь не подберёт их на попутной машине, конечно, если вообще удача улыбнётся им настолько, а проблема с питьевой водой – вопрос жизни и смерти. Возможно, в данном случае это даже серьёзнее, чем проблема с зомби. Поэтому Ефим направился к зданию заправки с твёрдым намерением перевернуть там всё вверх дном.

Параграф 24. Вопрос толерантности.

Надо открыто признать раз и навсегда, что все мы жи-

вём в мире, где правит толерантность и мораль. Каждоднему уважающему себя законопослушному гражданину нового мира всегда нужно иметь при себе «комплект толерантности». В него входит: мясницкий тесак длиной не менее пятидесяти сантиметров, резиновые перчатки, осиноый кол, молоток и бутылка горючей смеси с запалом. Придя на встречу с инфицированным, будьте вежливы и тактичны, но держите чемоданчик с комплектом под рукой. Умейте выслушать зомбированного собеседника, проявляя интерес к тому, о чём он говорит, даже если это ваши аппетитные конечности. Для поддержания интимной обстановки зажгите ароматические свечи на обеденном столе и предложите инфицированному коктейль Молотова. Если он откажется, загоните осиноый кол в грудь зомби, подожгите запал от свечи и разбейте бутылку о его голову. Встреча закончится зрелищным фейерверком, подчёркивающим торжественность происходящего. Уходя, тихо прикройте за собой дверь. Сделайте всё это как можно более толерантно.

Молич заглянул в проём двери, прислушался к тишине и, убедившись, что в здании никого нет, вошёл внутрь. На полу валялись, доски, обломки пластиковых панелей и осколки стекла от разбитых холодильников, разумеется, пустых. На стойке стоял кассовый аппарат, но даже если в нём и осталась какая-то мелочь, то она не представляла ценности. Ефим так увлёкся осмотром развороченных холодильников,

что на время забыл о существовании девицы, пока она не напомнила ему об этом сама.

– Эй, рыцарь-спаситель, – испуганно крикнула девушка. – Зомби идут!

Крепко выругавшись, Молич вылетел через дверь, едва не сбив Настасью с ног, и осмотрелся. Вокруг – никого, шоссе по-прежнему было тихим и пустынным, но, прищулив здоровый глаз, Ефим разглядел далеко вдали несколько бредущих, слегка пошатывающихся фигур. Зомби как всегда шли толпой, и Молич смог рассмотреть пока только самых первых. Шатуны не отличались особой дальновзоркостью, и можно было надеяться, что они не заметили их под прикрытием развалин. Однако зомби шли по шоссе в их сторону и минут через двадцать должны были пройти мимо. Ефим знал, что если их заметит или учует хоть один зомбарь, то за ним без промедления ринется вся толпа.

– Назад в дом, быстро! – скомандовал Молич.

Они укрылись за стеной, и Ефим выразительным жестом приказал девушке не шевелиться.

– У тебя есть оружие? – шёпотом спросил он.

– Откуда?

Молич сжал в руках кувалду. Если их заметят, дело запахнет жареным. Интересно, как долго он сможет отбиваться одним молотком от оравы зомбарей, которая неизбежно будет пополняться новыми монстрами?

– Слушай внимательно, – сказал он. – Когда они начнут

проходить мимо, мы не должны выдать своё присутствие ничем, даже вздохом. Эти твари очень чуткие и реагируют на малейший шум вблизи.

– Я знаю, – ответила Настасья. – Не первый день замужем.

Ефим усмехнулся:

– Надеюсь, не за шатуном?

– Нет, есть такая поговорка. А вообще-то у меня ещё никого нет. А у тебя?

Молич отрицательно покачал головой, подивившись самообладанию девушки, которая могла говорить на столь праздную тему в такой момент. На несколько минут они застыли, прислушиваясь к звукам извне. Время тянулось мучительно долго, а зомби двигались неоправданно медленно. Ефим выглянул в проём окна и обнаружил, что живые мертвецы ещё на почтительном расстоянии от заправки.

– Ползут, как черепахи, – прокомментировал он. – Знать бы заранее, так мы могли бы рвануть от них в сторону моста.

– Знаешь, зачем они идут к мосту? – спросила Настасья.

– Теряюсь в догадках.

– Под этим мостом река. Только воды там нет, русло пересохло. Они спускаются туда и продолжают путь всем скопом по высохшему дну реки. Апокалиптическое зрелище!

– Интересно, куда же они идут?

– Все реки впадают в моря. Может, они идут к морю... чтобы утопиться?

Молич ухмыльнулся:

– Было бы хорошо, если так. Послушай, пока их нет... – Ефим пристально посмотрел на девушку, сидевшую в противоположном углу, обхватив голые колени руками. – Я бы хотел задать пару вопросов. Только подползи поближе, чтобы мне не кричать.

Девушка послушно исполнила его просьбу, присев рядом с ним.

– Скажи, детка, откуда ты здесь взялась? – шепнул ей на ухо Молич. – Если ты мне честно ответишь, тогда я расскажу свою историю.

Она улыбнулась, отводя взгляд:

– Ты знаешь, меня твоя история не интересует. Я знаю, что ты боец на ринге.

– Откуда? – удивился Ефим.

– Ну, мы, юные девушки из крепости знаем своих героев, интересуемся, собираем фотографии, обклеиваем ими стены, ну и так далее и тому подобное.

– Ах, так ты из крепости, – хмуро произнёс Молич. – И каким ветром тебя сюда занесло?

Девушка молчала, отведя взгляд. Внезапно Ефим положил свою огромную руку ей на шею, прикоснувшись к пряди светлых, оттенка золотой колосющейся пшеницы, волос.

– Знаешь, крошка, я не люблю, когда меня игнорируют.

Девушка брезгливо отодвинулась подальше, сбросив его руку, и метнула в него яростный взгляд.

– А я не люблю, когда меня лапает какое-то хамло, даже

если он идол. Лучше расскажи что-нибудь весёлое, пока нет ходячих трупиков.

– Весёлое? – переспросил Ефим.

Он наморщил лоб, пытаясь вспомнить что-то хоть мало-мальски забавное из своей не самой развесёлой жизни.

– У нас на ринге был один зомбарь, – наконец сказал он. – Звали его Рыган Эвтаназиу. Поговаривали, что он румын. Перед тем, как выпустить его на ринг, перед боем ему всегда надевали слюнявчик. Это было смешно... А ещё я слышал историю о звезде сериала про ходячих мертвецов. Когда его заразили прямо на съёмках нового сезона, он превратился в зомби, а потом, обернувшись в «изгоя», вспомнил, кем он был в прошлой жизни и предложил режиссеру доиграть свою роль до конца... А ещё в Санкт-Петербург приехал финн-зомбарь. Он хотел напиться до чёртиков и заказал в ресторане ящик водки. Он пил рюмку за рюмкой, бутылку за бутылкой, но не пьянел. Он облился водкой с ног до головы, чтобы она вошла через поры, но всё было бесполезно. И тогда его обуял дьявол. Он искусал официанта, официант укусил бармена, бармен искусал вышибалу, вышибала укусил ресторатора, и так продолжалось всю ночь напролёт, пока ресторан не закрылся на вечный карантин.

Настасья с грустью ответила:

– Да, когда-то в самом начале зомбиапокалипсиса, многое доходило до абсурда.

– К сожалению, – заметил Ефим, – абсурд никуда не дел-

ся. Вся наша жизнь – сплошной абсурд, и зомби правят миром... Тихо!

Моличу показалось, что он расслышал отдалённый звук шагов. Они замерли, прижавшись к стене. Ефим заметил на лице Настасьи странную улыбку, которую можно было объяснить одним – девчонка на грани истерики. На какой-то миг он испугался, что она завизжит, но та сохраняла завидное спокойствие. Жестом она дала понять, что всё в порядке.

Со стороны шоссе донёсся топот множества ног, бессвязное бормотанье, нечленораздельные возгласы ходячих мертвецов, тяжёлой поступью проходивших мимо автозаправки. Ефим больше не рисковал выглядывать, превратившись в неподвижную статую с кувалдой. Он взмок от пота, его сердце бешено колотилось в груди, но Молич ни разу не пошевелился. Однажды ему показалось, что звук шагов раздался совсем рядом от двери – какой-то чрезмерно любопытный зомби заглянул в пустой проём, но его интерес на этом ограничился, и живой мертвец присоединился к остальным.

Параграф 27. Зависимость от зомби.

В последнее время мы всё чаще сталкиваемся с проблемой «зомбизависимости». Это явление начинает проникать в нашу жизнь, нанося ощутимый урон всему цивилизованному обществу. Некоторые психологи называют его главной проблемой социума эры Армагеддона. Но так ли она страшна, как нам её представляют? В большинстве случаев причиной является неспособность человека бороться с собствен-

ными психологическими проблемами в одиночку.

Бывает, что зомби исчезают с улиц городов и долго не появляются в поле зрения. Человеку, привыкшему с ними сражаться изо дня в день, начинает казаться, что его жизнь теряет смысл. Нет зомби – нет смысла жизни. На этой почве зачастую возникают психозы, галлюцинации, всевозможные пограничные состояния рассудка. В результате человеку начинает казаться, что мирные люди, которые его окружают – это инфицированные. Он продолжает с ними бороться, не подозревая, что борется с такими же здоровыми членами общества, как и он сам. Устранить эту проблему локально несложно, намного сложнее устранить её повсеместно и навсегда.

Очевидно, толпа была огромной, и прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем топот ног и утробные стоны монстров начали стихать вдалеке.

– Уходят, – прошептал Ефим.

В этот момент выражение лица Настасьи сменилось с испуганного на недовольный, она вскочила с места и, к изумлению Молича, выбежала из здания наружу. Затем раздался её пронзительный и долгий крик. Не вопль ужаса, а скорее клич призыва – то, чего Ефим уж точно не мог ожидать. Он побелел от ужаса, выпрямился во весь рост и выглянул через проём двери.

Настасья визжала что есть мочи в сторону уходящим мертвецам и размахивала руками, как будто только и хотела

того, чтобы её заметили.

– Ты что, свихнулась? – прорычал Ефим, бросаясь к ней.

Он попытался затащить девицу обратно в дом, как вдруг получил такой удар в живот, от которого у него надолго пропала всякая охота продолжить попытки её вразумить. Когда он пришёл в себя, у него промелькнула в голове мысль вырубить чокнутую девицу кувалдой, но было уже поздно – несколько зомбированных уже заметили их и поворачивались обратно, привлекая внимание остальных. Эффект толпы срабатывал в таких случаях чётко, и вся орава постепенно разворачивалась в их сторону. Те шатуны, кто видел людей на автозаправке, ускорили ход, остальные слепо шли за ними, как за поводырями, пока потенциальные жертвы не попадали и в их поле зрения.

– Ну что, ты добилась своего, стерва? – крикнул Молич. – Что теперь будем делать?

Девица с восторгом посмотрела на Ефима.

– Вот это драйв! – взвизгнула она. – То, что было нужно. Что мы будем делать? Драться, Кувалда! Для этого мы тут.

Молич оценивающе посмотрел на несколько ближайших фигур зомбарей, которые, прихрамывая, приближались к ним с выражением обычного остервенения на лицах и тусклым блеском в остекленевших глазах. Возможно, он бы совладал с первым десятком неповоротливых тварей – нужно было просто шевелиться, вовремя уворачиваясь от их рук и зубов, – но, если на них пойдёт все сонмище, это было бы

напрасной тратой времени и сил. Рано или поздно они задавят их числом и разорвут на куски.

Ефим не заметил, как девушка проскользнула обратно в дом и вернулась на площадку с двуствольным обрезом и полным патронташем, перекинутым через плечо.

– Где ты это взяла? – вне себя от удивления произнёс Молич.

– На самом видном месте, за кассовым аппаратом, – подмигнув ему, ответила Настасья. – Там, куда ты не заглянул.

Он не успел опомниться, как девица вскинула ружьё и выстрелила в одного из ближайших зомби, выведя того из смутного состояния подобия жизни на неопределённое время. Молич оценил точный выстрел и пожалел, что у него нет такой же игрушки. С другой стороны, он понял, что тут не обойтись и без кувалды. Конечно, можно наделать много «подранков» в толпе зомби, но это их не убьёт, а только задержит на короткое время, после чего они рванут вперёд ещё более ретиво, чем раньше, – уж это бывалый гладиатор хорошо знал. Он прекрасно владел своим любимым холодным оружием и знал, как нанести удар так, чтобы отключить зомбаря всерьёз и надолго. При точном и выверенном ударе даже таким тупым орудием, как молот, можно было снести шатуну голову, поскольку шейные позвонки у живых мертвецов были слабыми и не исполняли необходимой функции удержания безмозглой и злобной головы на плечах так, как надлежало.

Для этого, решил Ефим, им с боевой девчонкой, нужно составить слаженный тандем.

Настасья сделала ещё несколько выстрелов по трём зомбьям, заставив их остановиться. Молич крикнул девушке, чтобы она прекратила пальбу, и бросился вперёд, нанося кувалдой сокрушительные удары, после которых немногие из шатунов оставались стоять на ногах. В то же время волна нападающих зомби нарастала, окружая их со всех сторон. Быстро оглядевшись, Молич заметил, что зомби появились даже со стороны степи, вылезая из-за здания автозаправки, хотя ещё пять минут назад их там не было. Они возникали там, где их меньше всего можно было ожидать, почуяв близость жертв, доказывая тем самым свою дурную репутацию вездесущих тварей. Инфицированных не было, когда их ждёшь, но они появлялись, когда этого совсем не нужно.

Ефим подумал, что дело плохо. Им даже некуда отступить – зомби везде, на шоссе и в степи. Они с девчонкой даже не смогли бы влезть на крышу автозаправки, потому что её попросту не было.

«Что же делать, драться до последнего? – спросил себя Молич. – До последней капли крови, пока силы не оставят их, и они не смилятся со своей участью, или бежать, пока ещё есть остаток сил?»

– Настя, – крикнул Ефим. – Их слишком много. Нужно рвать отсюда, пока ещё не поздно.

– Вот уж нет, – со смехом отозвалась девушка. – Двадцать

пять зомбарей мы уложим как минимум. А чего ты испугался? Ты ведь гладиатор, ты не можешь жить без риска. Посмотри, вот он – настоящий риск! Я давно хотела попробовать его на вкус.

Молич сплюнул, и как следует заехал по шее молотом ещё одному зазевавшемуся зомбарю. Девушка подошла почти вплотную к одному из шатунов и, хладнокровно приставив ему ствол ко лбу, выстрелила, снеся полчерепа. Это привело её в бешеный восторг, и Ефим изумился гримасе дикой радости, застывшей на её лице.

В этот момент он всё понял. Его разыграли, причём как мальчишку. Когда Ефим впервые увидел её, она показалась ему заплаканной маленькой девочкой, попавшей в передрагу. Но ей даже не пришлось выдавливать слёзы, ведь у неё была вода, которой так просто смыть дешёвую косметику, а затем артистично размазать её по лицу с одной простой целью – закраситься в доверие. И доставили его сюда лишь затем, чтобы он помог поучаствовать в игре обычной избалованной девки из крепости, которой надоел привычный пир во время чумы, и которая, со свойственной её возрасту тягой к романтике, решила на это приключение, или, возможно, выиграла его в какой-нибудь лотерее.

Внезапно ему показалось, что он слышит рёв машины. Со стороны моста на бешеной скорости мчался тот самый грузовик, на котором его сюда привезли – большая военная машина, выкрашенная в защитный тёмно-зелёный цвет с огром-

ным кенгурятником на бампере. Грузовик с лёгкостью снес несколько шатунов, попавшихся ему на пути, и притормозил у бензоколонки.

Из кабины выпрыгнул грузный человек в камуфляжной униформе с автоматом и помахал девице.

– Ещё чуть-чуть! – проныла она, поспешно перезаряжая обрез и стреляя уже наугад. – Ещё десять патронов.

Человек в камуфляже выпустил очередь из автомата по толпе зомби, посеяв внутри неё временное смятение. Молич опустил кувалду на землю, глядя со смешанным чувством уважения и отвращения, как девушка по очерёдности расстреливает зомбарей, видимо, приходя в экстаз от картины простреленных черепов, изрешечённых дробью.

Когда в патронташе осталось всего три патрона, она оглянулась на Ефима и сказала:

– Слушай, боец! Ты мне понравился. Я возьму тебя с собой в крепость, там у тебя будет всё, что ты захочешь. Может быть, даже я... Мой отец – комендант, так что бери, пока дают.

Ефим смерил её придирчивым взглядом. Что ж, она была недурна собой и вдобавок так похожа на него. Она тоже не могла обойтись без адреналина, это было видно даже его единственным здоровым невооружённым глазом. Девица искала риск, и что самое важное, добилась своего – она его нашла.

Через минуту они вдвоём уже сидели в кузове, и Настасья

выпустила последние три заряда в головы самым настырным шатунам, попытавшимся догнать разгоняющийся грузовик.

Переезжая через мост, Ефим увидел ту апокалиптическую картину, о которой упоминала его спутница. Вдоль по пересохшему руслу реки медленно продвигался поток человеческих тел, бесцельно, по закону толпы направлявшихся неизвестно куда и неизвестно зачем.

– Я всё-таки не пойму, боец, – сказала Настасья. – Почему ты ещё не стал одним из них?

– В моём организме антитела, – спокойно ответил Молич. – Иммунитет, что непонятного?

– Ого, ты выработал иммунитет против вируса! – в восхищении произнесла девушка. – Это круто!

Ефим нахмурился, вспомнив, как четыре дня назад костоправ, осматривавший его после каждого боя, закрылся с ним в медицинском боксе, доверительно поведав о новой проблеме. Организм победил инфекцию, но не до конца. Глазное яблоко кишело ДНК вируса, – из-за этого преобразался и глаз, и красивым преобразованием назвать это было нельзя. Врач сказал, что волноваться особо не о чем, но, скорее всего, его левый глаз придётся удалить, когда он окончательно ослепнет. И не следует забывать о том, что он, Ефим, всё ещё является носителем инфекции.

Сидя в кабине своего бронированного «Хаммера», братья Хильштейны проводили взглядом уносящийся вдаль грузо-

вик.

– Жаль терять такого бойца, – сказал тот, что сидел за рулём. – Но против крепости не попрёшь. У них крылатые ракеты в бойницах.

Второй насмешливо посмотрел на брата и возразил:

– Ну почему, посмотрим, как скоро она падёт.

– С чего бы это?

– С того, что они везут к себе Ефима. Ты забыл, что сказал костоправ? Вирус никогда так просто не уходит.

Абсолютная стерильность

Параграф 29. Захватчики домов.

В последнее время освободилось много комфортабельных домов, квартир и помещений, в которых можно жить и продуктивно работать. В связи с тем, что первостепенной задачей современного человека является выживание, правительство предоставило возможность всем и каждому занимать практически любое освобождённое от прежних хозяев жилище, а также присваивать чужое имущество в неограниченных масштабах – другими словами, любой гражданин эры Армагеддона может взять ровно столько, сколько сможет унести, а потом ещё столько же и ещё столько же, пока он не устанет или ему не надоест. Он может вселиться в дом соседа, если соседа нет, или отобрать его, выселив оттуда (или перебив) всех зомби. Эта мера была призвана облегчить тяжёлую жизнь всех нормальных дееспособных граждан современного общества. Надо сказать, что, прикрываясь этим негласным законом временного правительства, многие начали менять дома, машины и прочее движимое и недвижимое имущество, как перчатки, а у некоторых даже появилось нечто вроде психического отклонения. Эти маньяки решили, что им всё позволено, и поэтому в среде более скромных граждан начал назревать бунт. С тех пор война против зомби перестала быть одно-

значной и однобокой. Отныне в этой войне появилась третья сила – маньяки-захватчики домов.

Оружейный магазин был пуст. За прилавком стоял лишь один продавец, неподдельно просиявший при виде только что вошедшего клиента:

– Доктор Стаменов, давненько вас не видел! Здравствуй-те! Что, закончились патроны? Прошу вас, подходите, у нас новая партия.

Игорь Стаменов беглым взглядом осмотрел заваленные горами огнестрельного оружия стеллажи и отрицательно покачал головой.

– Нет, сегодня нужен большой топор и капкан на большого зверя.

– Не на зомбака, случайно?

– На него, – стиснув зубы, с ненавистью процедил доктор.

– Ну, тогда прошу внимания, – продавец поставил на стол предмет, напоминавший капкан на медведя, только чуть с более видоизменённой конструкцией. – Последняя разработка, новейший капкан на зомби. Из ключевых достоинств: мощнейший захват, замок с секретом плюс защита от «изгоев». Самый умный шатун не сумеет открыть, чтобы выбраться. Ему придётся перегрызть себе ногу, но от этого, как говорится, ни один зомбак не застрахован, – продавец весело хохотнул. – Подробная инструкция входит в комплект.

– А топор?

– Для отсекания головы – наилучшая модель, шведская

сталь, удлинённое топориче под заказ и удобный кожаный чехол на ремешке. Возможна замена топорича на более дорогое, ручной работы, но это для особых ценителей, если вас не устроит стандартное, а оно тоже в умелых руках ломается очень редко.

Стаменов принял топор из рук продавца, взвесил в руках, пару раз взмахнул и рассёк воздух лезвием, чтобы убедиться, что орудие ему подходит.

– Чем будем рассчитываться? – спросил хозяин.

– У меня есть несколько мясных консервов, – Стаменов похлопал по боковым карманам пиджака, с трудом уместивших по две небольшие жестяные банки.

– Консервы, – поморщился торговец оружием. – Впрочем... у моей супруги недавно разболелся зуб, доктор. Боюсь, как бы не случилось осложнений.

– Ох, это не беда! Пусть приходит завтра после полудня в отделение хирургии, посмотрим, что можно сделать.

Продавец с довольной улыбкой передал клиенту упакованные покупки и раскланялся с неизменным и вежливым призывом:

– Заходите ещё!

После этого он в одиночестве долго думал о том, не прогадал ли, отказавшись от консервов и согласившись на типичный бартер, но в итоге пришёл к выводу, что здоровье любимой жены превыше всего, ведь в конце концов это – не вредная теща.

Выйдя из магазинчика, доктор Стаменов улыбнулся – он был только рад столь выгодной сделке, ведь выдернуть большой зуб для него было проще пареной репы. Это было даже скучно, а он уже давно испытывал мучение из-за недостатка по-настоящему интересной работы, – например, такой, чтобы не просто ампутировать кому-то конечность, а восстановить её; чтобы не подвергнуть необратимо инфицированного эвтаназии, а вернуть его к здоровой жизни; наконец, чтобы не убить зомби путём четвертования, а, напротив, излечить его от этой ужасной дьявольской болезни раз и навсегда.

Пока об этом можно было лишь мечтать, хотя в его распоряжении находилась крупнейшая в городе лаборатория инфектологии, небольшой штат сотрудников, к сожалению, периодически сокращавшийся в силу известных причин и, конечно, неоценимый, накопленный за последние несколько лет опыт естествоиспытателя. Иногда ему казалось, что в своих исследованиях он нащупал путь к открытию века, панацею от зомби-вируса, что он в одном шаге от создания вакцины, которая спасёт этот обезумевший мир, но каждый раз, когда его сознание затуманивала эта иллюзия, он понимал, что впереди ещё много работы. Зачастую это могло спровоцировать нешуточный нервный срыв, но Стаменов находил в себе силы сохранить самообладание и продолжить исследования с усиленным рвением.

Впрочем, его характер был закалён за годы зомбиапока-

липсиса, и он не собирался сдаваться так просто. Характер и рассудок проходили испытание на прочность ежедневно. Даже в тот вечер, когда он покинул здание больницы на полчаса раньше обычного, чтобы успеть заехать в оружейный магазин, случилось нечто неприятное. Он выходил через главные двери здания, когда сверху раздался звон битого стекла, и неподалёку от него с высоты шестого этажа, где находилось отделение хирургии, на землю шмякнулось человеческое тело. Как потом выяснилось, раненый человек, узнав о том, что инфицирован, решил таким образом свести счёты с жизнью, пока не обратился в зомби окончательно. Он был ещё жив, и его быстро отволокли в подвал больницы, в карантин, а доктор Стаменов, обменявшись с каким-то медиком понимающим взглядом и бессильно разведя руками, направился дальше к парковке, где стоял его новенький чёрный «Мерседес».

Он катался на нём уже около месяца и был очень доволен до тех пор, пока кто-то не повадился по ночам царапать его полировку. Сначала царапина была одна, длиной всего сантиметров шесть, оставленная чем-то острым вроде гвоздя на правой передней двери роскошного седана, и можно было не обращать на это внимания, но спустя сутки Игорь обнаружил рядом на той же двери новую, вдвое длиннее и заметнее первой, а на третью ночь кто-то оставил на капоте и вовсе уродливую кривую отметину. Это серьёзно взбесило Стаменова, из-за чего он и решил на крайнюю меру – по-

ставить капкан на хулигана. Конечно, можно было подыскать себе новую машину, не хуже последней, но это было уже делом принципа. Действительно, кто помешает неизвестному зловеру изуродовать и новую машину, а менять машины, как делают небезызвестные «захватчики домов», доктор не собирался. Он был выше этого и презирал тех психопатов, которые жировали на чужом горе, – оставленном не по доброй воле имуществе, машинах и особняках. Поменять средство передвижения было проще простого – ничейных автомобилей в городе ещё было предостаточно, но уподобиться мародёрам, сновавшим по городу в поисках чужого имущества, было бы последним делом.

Стаменов с трудом представлял, что сделает с пакостником, окажись он обычным человеком, но точно знал, какие предпримет меры, если в капкан попадётся зомби. Для этого он и купил топор.

В любительских рекламных роликах, изредка транслируемых по телевидению (в те редкие дни, когда оно работало), он много раз видел, как умельцы орудуют боевыми топорами, мачете и косами, но никогда не делал этого сам. Пару раз он воспользовался дробовиком, когда его жизни угрожала реальная опасность от зомби. Дробовиков у него было даже три: один дома, второй в машине и третий – на седьмом этаже университетской больницы, где он работал последнее время, – просто для того, чтобы не таскать оружие повсюду с собой.

Надо сказать, он был не в восторге от огнестрельного оружия, каким бы действенным оно ни было. Стаменов уже убедился на собственном опыте, что если уж решился стрелять, делать это нужно уверенно и крайне осмотрительно. В первый раз он едва не уложил картечью вместе с зомби ещё четверых ни в чём не повинных людей, отделавшихся царапинами, а во второй – повредил свою собственную машину и только раззадорил нападавшего зомби вместо того, чтобы его остановить. В таких случаях всегда спасают ноги, и доктор Стаменов мог гордиться тем, что научился бегать не хуже лучших бегунов, бравших медали на спортивных стадионах в мирное время.

Его дом также не был куплен на личные сбережения, а занят с тех самых пор, как он лишился своей собственной квартиры в центре. Это был небольшой особнячок, стоявший на берегу живописного озера. Внутри он оказался вполне пригодным для жилья, а площади более чем хватало для него одного (Игорь потерял всю семью в тот самый день, когда лишился и своей прежней квартиры в тяжёлые времена первой вспышки пандемии). У дома был, пожалуй, лишь один недостаток – он был без гаража, поэтому машину приходилось оставлять на улице.

Вернувшись домой, Стаменов нашёл там обычное запустение. В районе, где он проживал, было тихо, однако на озеро спустилась большая стая уток. Жители окрестностей вышли на берег поглазеть на птиц, которые в кои-то веки

появились в пределах города и спокойно скользили по водной глади, время от времени ныряя под воду в поисках еды. Можно было подумать, что великая война живых и мёртвых закончилась, и мирные птицы возвращаются из тёплых краёв, чтобы наконец-то составить конкуренцию воронам. По берегу сновали то ли крысы, то ли нутрии, превратившиеся в тех же хищных городских крыс, жадно поглядывая на уток.

Насладившись этой вечерней умиротворяющей картиной, Стаменов захлопнул ставни во всём доме, повесил на входную дверь несколько засовов и отправился спать в обществе домашнего дробовика. Засыпая, он подумал о раскрытом капкане, оставленном возле машины, и машинально сжал кулаки. Услышит ли он, когда в него попадётся обидчик? Впрочем, даже если не услышит, продавец пообещал ему, что никто не сможет открыть потайной замок капкана: ни зомби, ни человек, и оставалось поверить ему на слово.

«Только попадись!» – подумал Игорь, проваливаясь в бездну сна.

Рано утром он поднялся и первым делом выглянул из окна, выходящего на улицу. Стаменов возликовал, заметив у машины чью-то скрюченную фигуру. Схватив топор, он выскочил из дома и через секунду смог подробно рассмотреть свою добычу, – конечно, это был зомбарь! Отвратный с виду, как и все зомбари не первой свежести, клацающий челюстями, как загарпуненная акула, он тщетно пытался вырваться из зажима капкана, который был надёжно прикован цепью

к машине. Его рука лежала на створке передней правой двери, будто приклеенная, и, присмотревшись, доктор Стаменов понял, что его обидчик угодил в капкан, видимо, в тот самый момент, когда совершал своё гнусное преступление. Длинные загнутые ногти его правой руки оставили несколько параллельных полос, а один ноготь, в прочности которого сомневаться не приходилось, даже застрял в двери, проткнув металл. Это несколько не удивило Игоря, ведь он был наслышан о мутациях и сверхъестественных способностях некоторых зомби. В тот момент единственное чувство, которое он испытывал – необузданную ярость к этому мерзкому существу, дрыгавшемуся возле его изуродованной машины.

В порыве исступления Стаменов размахнулся топором и обрушил его на шею монстра. Голова откатилась по тротуару на несколько метров, будто мяч, однако тело, к изумлению доктора, не упало, а лишь поджало колени, вцепившись костлявой рукой в дверь, словно всё ещё держалось за жизнь. Наконец коготь зомби соскользнул вниз, оставив последнюю поперечную полосу, и тело существа распласталось на асфальте. Топор выскользнул из ослабленных рук Игоря и упал к его ногам. Он с каким-то патологическим интересом смотрел на бескровный срез на шее трупа – крови не было, впрочем, как и должно было быть в случае с зомби. Казалось бы, можно ликовать, но вместо этого у Стаменова появилось странное ощущение, как будто он совершил жестокую непрофессиональную ошибку и теперь почувствовал

себя нелепо и неуютно.

Понемногу вокруг начал собираться народ. Один из прохожих подобрал с тротуара голову и бросил её к ногам доктора, участливо заглянув ему в глаза.

– Это ваше? – задал он вопрос, показавшийся Стаменову диким.

Другой с ободрением похлопал его по плечу и пробасил:

– Молодец! Мне вот тоже на днях всю машину исцарапали. Думал, найду ублюдка, не посмотрю, кто он такой, живой или мёртвый, а просто башку откручу. Чистая работа, вы случайно не мясником работаете? Я вас где-то видел.

Третий, какой-то спесивый толстяк злобно произнёс:

– Эти зомбаки вообще обнаглели! Царапать машины и пробивать покрышки – это же какое-то мелкое вредительство! В первый раз вижу, чтобы зомби опускались до такого... И правильно сделали, что поставили капкан, я тоже сегодня куплю – нужная вещь!

Четвёртый, худощавый человек лет тридцати поднял топор и осведомился:

– С вами всё в порядке?

Стаменов взял оружие, невнятно пробормотал какие-то слова благодарности и полез под капот машины, чтобы отсоединить цепь. Заботливый прохожий помог открыть капкан, высвободив из него ногу шатуна.

– Что будете делать с трупом? – спросил он.

– В смысле?

– Ну, некоторые чудаки распиливают своего первого зомби себе на охотничьи трофеи. Это же ваш первый? Я понял по тому, как вы растерялись.

– Это не первый, – ответил доктор. – Хотя, да, вы правы, наверно, первый, которого я по-настоящему убил.

– Первый мёртвый зомби – это круто! – кивнул прохожий. – Это можно отметить. Но оставлять его на улице не следует, здесь бегают дети. Знаете, начнут играть в зомбаков, ещё чего доброго, в футбол с головой – это не дело! Вы ведь на машине, давайте закинем его в багажник. Крематорий находится в центре города, работает круглосуточно – сдадим тело прямо туда, чтобы не париться с могилой вам самому.

Стаменов согласился, что это наилучший вариант для утилизации инфицированных останков и с благодарностью принял помощь из рук незнакомого добропорядочного горожанина. Они засунули тело в багажник седана доктора, сели в машину и отправились к крематорию. Пока они ехали, выяснилось, что его новый знакомый – Влад тоже примерно год назад остался без семьи. На его счету было около десяти зомбарей. Администратор крематория оказался его хорошим приятелем, и через пять минут они уже избавились от тела безо всяких ненужных проволочек.

Узнав о том, что Стаменов – врач, Влад заявил, что он сам по профессии фельдшер и не хотел бы задерживать его ни минуты, но ликвидацию первого зомби нужно отметить. И сделать это проще всего сразу, не откладывая дело в дол-

гий ящик, прямо здесь, в крематории. Администратор, седоватый сухопарый человек в строгом тёмно-сером костюме с таким же однотонным галстуком согласился составить им компанию, и проводил их в свой личный кабинет – сумрачную комнату без окон.

Здесь, при холодном свете люминесцентных ламп, хозяин крематория с торжественным видом откупорил бутылку дорогого коньяка, плеснул в бокалы благородного напитка, и все трое чокнулись в честь первого обезглавленного Стаменовым зомби.

– Над чем вы работаете, доктор? – спросил Влад, откинувшись в одном из роскошных чёрных кожаных кресел, расставленных вокруг круглого стеклянного стола, в центре которого стояла открытая бутылка.

Оценив вкус и аромат коньяка, Игорь благодушно улыбнулся и ответил:

– Над лекарством.

Администратор отрешённо смотрел куда-то в сторону, словно всё, что происходило в кабинете, его не касалось.

– Очень интересно, – воскликнул фельдшер. – У меня бывают боли, знаете ли, тут и тут, и ещё вот тут, – он указал на свои худые бока, – я подозреваю ожирение печени, почек или что-то вроде этого. Вы случайно не по этой части?

– Нет, я микробиолог. Раньше работал в институте, но после вспышки инфекции его разбомбили, и моей группе выделили место в центральной больнице – на верхнем этаже. Я

работаю над вакциной против Z-вируса.

– Того самого, – понизив голос, проговорил Влад.

– Именно так.

– Ну и... каковы успехи, доктор? – в голосе фельдшера просквозило какое-то благоговение и скрытая надежда.

– Ну, пока особо никаких. Хотя... Дело в том, что, как выяснилось, зомби-вирус крайне устойчив и практически неубиваем. Мы долго экспериментировали с лабораторными крысами, пока совершенно случайно мне под руку не попался вид плотоядной летучей мыши из Индии, на котором мы и провели ряд последних испытаний. Она оказалась очень интересным материалом для опытов, а состав её крови почти безупречным ингибитором вируса, очень сильным антагонистом, если вы понимаете, о чём я говорю.

– В крови мыши – антитела? – спросил Влад. – Против зомби-вируса?

– Скажем так, это не вполне зомби-вирус, а скорее его мутация, атакующая клетки этого вида. Но из крови этого животного можно получить иммунную сыворотку, а затем испытать её на людях.

– Ну, и как успехи, доктор?

– В том-то и проблема, что речь идёт о вакцинации. Прививать антитела заражённому человеку – бессмысленная трата времени и средств, тут против вируса бороться сложно, это уже проверено тысячу раз. Впрочем, можно привить вакцину совершенно здоровому, провести полноценный дли-

тельный тест, но даже тогда я не поручусь, что это абсолютно безопасно. Может случиться и так, что вакцина окажется бесполезной, и тогда пострадают здоровые люди, а я как врач не могу этого допустить. Да и потом никто не согласится на добровольную прививку от такой, с позволения сказать, нехилой инфекции.

Администратор закончил медитировать и впервые посмотрел на Стаменова взглядом холодных, чтобы не сказать почти равнодушных глаз. Его голос, раздавшийся немного позже, чем-то напоминал утробные голоса зомби – почти такой же низкий и неестественный:

– Вы не собираетесь провести этот опыт сначала на самом себе, доктор?

– Что ж, такие случаи известны в истории, – ответил Игорь, помолчав. – Многие естествоиспытатели погибли при попытке совершить переворот в науке. Но поверьте, я и так рискую изо дня в день. Я и моя группа на поле боя ежеминутно, ежедневно, а наше оружие – пробирки, мензурки и электронный микроскоп.

– Я вас понимаю, – сказал Влад. – Вы совершаете подвиг, и это вне сомнений!

– За подвиг! – буркнул администратор, хватаясь за бутылку.

Видимо, бренд, изображенный на красочной этикетке, был тем единственным в этой бренной жизни, к чему он проявлял настоящий интерес.

Отпив из своего бокала, Влад с воодушевлением воскликнул:

– Когда-нибудь вы создадите эту вакцину, доктор, и мир вздохнёт спокойно и расправит плечи!

– Я буду работать над этим, – ответил Стаменов, смакуя коньяк.

– Вы слышали, что зомби модернизируются с каждым днём? — обратился к доктору хозяин крематория. – Некоторые из них настолько умные твари, что научились пришивать отрубленные головы своим собратьям. Анекдот, да и только!

– Среди них есть зомби-хирурги? – с удивлением спросил фельдшер.

– Видимо, да.

– И что, те, кому их пришили, снова оживают? – недоверчиво спросил Игорь.

– Говорят, что да. Впрочем, может быть, это просто байки. Слухов и сплетен много ходит, но стоит ли верить всему? Поговаривали ещё, что стали появляться какие-то двойники – точные копии живых реальных людей, но это уж точно какой-то бред, – усмехнулся администратор. – Не хотел бы я столкнуться в тёмном переулке со своим двойником, да к тому же ещё и с зомби!

Неожиданно фельдшер вскочил с кресла и громко произнёс:

– Доктор, я бы хотел, чтобы вы это сделали, и пусть всё катится в ад!

– Что именно?

– Испытайте вашу вакцину на мне.

На минуту в комнате воцарилась поистине гробовая тишина.

– Вы уверены? – спросил Стаменов, облизнув пересохшие губы, в то время как администратор суетливо плеснул в бокалы остатки содержимого бутылки.

– Абсолютно! Кому-то ведь нужно будет первым предложить вам свою помощь.

Стаменов встал из-за стола с бокалом в немного дрожащей от охватившего его волнения руке.

– В таком случае, завтра ко мне в лабораторию. И если дельце выгорит, вам воздвигнут памятник при жизни, Влад!

– Будем надеяться, что выгорит, доктор! – улыбнулся фельдшер.

Параграф 32. Народный фольклор.

Интересно наблюдать, какие изменения претерпевает народный фольклор в связи с явлением вездесущих зомби. Поменялось даже значение некоторых известнейших пословиц и поговорок, многие из которых утратили свой первоначальный смысл и приобрели новый. Вот несколько простейших примеров:

Без труда не выловишь и зомби из пруда;

Сколько зомби не корми, а он всё на вас смотрит;

Прикончил зомби, гуляй смело;

Голодному зомбарю в зубы не смотрят;

Не так страшен зомбарь, как его малюют;

Лучший друг не тот, кто похмелит, а тот, кто не обратится в зомби;

Не имей сто рублей, а убей сто зомбей.

Детей принято пугать байками про зомби. Например, широко известна детская страшилка про шатуна, собирающего в мешок непослушных детей. Детская литература также пополнилась новыми шедеврами. Многочисленные персонажи новых сказок – это зомби, которые живут на крыше, ожившие мумии-тролли, упыри в Стране Чудес и так далее и тому подобное.

Всё это говорит о неисчерпаемом творческом потенциале и таланте простого народа, никогда не унывающего даже в самые тяжёлые времена и с успехом преодолевающего самые серьёзные испытания.

Стаменов опоздал на работу в этот день на несколько часов.

В больнице вовсю кипела деятельность. Все проходы в отделение хирургии замуровывали кирпичной кладкой и любым подвернувшимся строительным мусором. Отделение Стаменова находилось прямо над ним и, поднявшись на лифте, он увидел нескольких рабочих, взмокших от пота. Все ходы на лестничную клетку, по которой можно было спуститься ниже в хирургическое отделение, как оказалось, ещё со вчерашнего дня были загромождены старыми шкафами, койками, стульями так, что теперь они представляли

собой непроходимую баррикаду, разобрать которую было бы уж точно сложнее, чем собрать. Но в это утро рабочие получили новое распоряжение и теперь поспешно возводили кирпичные стены, воспользовавшись для транспортировки стройматериалов грузовым лифтом.

Стаменова встретила его ассистентка по имени Иветта, длинноногая и стройная красotka лет двадцати пяти. В её поведении была одна странная черта – девушка всегда загадочно улыбалась ему, когда он о чём-то спрашивал или что-то говорил, и доктора это очень смущало.

Причину возведения баррикад она объяснила вчерашним инцидентом в отделении, когда один из медработников совершил попытку суицида, выбросившись из окна. Администрацией больницы было принято решение закрыть отделение на карантин и во избежание возможных эксцессов, перекрыть все входы и выходы.

– Получается, что в отделении ещё кто-то есть? – спросил Игорь.

– Не кто-то, а зомби, – бросил в ответ один из рабочих. – Вспышка инфекции, доктор. Нам приказано замуровать их всех, как крыс в клетке, чтоб не вылезли.

Стаменов прикинул, что теперь, если в случае какого-то ЧП ему с медперсоналом придётся срочно покинуть больницу, он сможет сделать это только на лифте или по аварийной лестнице, поднявшись на крышу семиэтажного здания. В таком случае, вся надежда только на лифт, который, кстати го-

вора, работал с перебоями.

В этот день Стаменов недосчитался ещё нескольких сотрудников. Как он узнал от Иветты, двое не пришли, сославшись на недомогание, а третий совершенно точно обратился в зомби и, к счастью, был остановлен по дороге на работу нарядом полицейских. Именно этот невезучий сотрудник обычно по совместительству исполнял роль бдительного стража, присматривавшего за лестничной клеткой на случай непредвиденного появления зомби. Стаменов не подвергал сомнению всю важность своей работы, и поэтому первым делом заботился о безопасности. Но теперь, когда они остались с Иветтой одни на всём пространстве седьмого этажа, без особого желания ему пришлось возложить эту обязанность на его единственную сотрудницу.

Пока Стаменов корпел в лаборатории над образцами крови летучих мышей и своей драгоценной сывороткой, у раскрытых дверей с дробовиком в нежных тонких руках с таинственной улыбкой на лице дежурила Иветта, приглядывая за рабочими, глазевшими на её стройную фигурку в белом халатике с не меньшим интересом, если не открытым вождением.

Увлёкшись работой, доктор не заметил, как прошёл день. Рабочие закончили кирпичную кладку и спустились на лифте вниз.

Солнце клонилось к закату, когда в лаборатории зазвонил телефон внутренней связи. Это был дежурный охранник на

входе в больницу.

– Доктор, простите за беспокойство, – сказал охранник, – но вас спрашивает какой-то человек. Я передам ему трубку.

Игорь не успел удивиться, когда услышал знакомый хрипловатый голос:

– Доктор Стаменов, извините, я просто хотел уточнить, как там моя жена?

– Жена? – переспросил Игорь.

Этот голос он точно уже слышал, и не раз, но, видимо, пёстрый калейдоскоп культур микроорганизмов, размножившихся в чашках Петри под микроскопом в течение всего дня, настолько одурманили его разум, вырвав из действительности, что он никак не мог вспомнить, кому он принадлежит и при чём тут чья-то жена?

– Ну да, моя Светлана. Время беспокойное, так что я решил заехать за ней. Надеюсь, вы уже закончили? Починили ей зуб?

Осознание того, кто с ним разговаривает на другом конце провода, внезапно пронзило его мозг, точно молния. На несколько секунд доктор застыл на месте, сжав в руке телефонную трубку. Наконец-то он вспомнил человека, обладавшего хриплым уверенным голосом, и с ужасом понял, о чём идёт речь.

Да, у него было тяжёлое утро и день, который он провёл без обеда за кропотливой работой, требовавшей повышенного внимания, осторожности и ответственности, что, без-

условно, никоим образом не умалит его вины в глазах продавца оружейного магазина, с которым они накануне договорились о бартере. У него совершенно вылетело из головы, что он назначил жене продавца приём в хирургическом отделении, где был стоматологический кабинет, в котором он и намеревался выдернуть больной зуб измучившейся женщине. Несмотря на нехватку знаний в области стоматологии, уж это он точно смог бы сделать без посторонней помощи, рассчитавшись за дорогостоящий капкан и топор. Но самое страшное в том, что приём был назначен в отделении, которое до сих пор считалось небезопасным – там могли находиться инфицированные.

Нужно было срочно как-то выходить из этого нелепого положения, и доктор ляпнул первое, что пришло ему на ум:

– Да-да, она здесь... но дело оказалось сложнее, чем я думал. Нужно время.

Продавец тихо спросил:

– С ней всё в порядке, доктор?

– Да, безусловно, просто нужно время... Возвращайтесь домой, это займёт ещё несколько часов.

– Хорошо доктор, надеюсь на вас, – грустно ответил продавец и повесил трубку.

Стаменов опустил на стул с трубкой в руке, коря себя за то, что сразу же по-детски опустил до откровенного вранья. Его сердце бешено заколотилось в груди, когда он понял, чем ему это грозит. Видимо, он выглядел настолько по-

трясённым, что таинственную улыбку на лице Иветты сменила озабоченность.

– Что случилось, доктор? – спросила она. – Вам плохо?

Стаменов угрюмо покачал головой, и его взгляд остановился на дробовике, который держала девушка. Нужно было действовать, причём немедленно. Тот факт, что жена продавца, несмотря на поздний час, всё ещё не вернулась домой, наводил на определённые подозрения. Можно было предположить, что, ничего не зная о карантине, пройдя мимо дежурного, она поднялась на лифте в отделение хирургии, и о том, что произошло с ней после этого, можно было только гадать. Либо она ушла оттуда, не дождавшись доктора, в целостности и сохранности, либо, что самое трагичное, осталась там в обществе зомби. Так или иначе, это предстояло выяснить Стаменову собственноручно. И в этом деле ему как раз поможет дробовик.

– Иветта, – сказал доктор Стаменов, – мне нужна ваша помощь, но учтите, это связано с риском.

– Я готова, – ответила девушка, – что мне делать?

Игорь быстро объяснил ей, что произошло и каков его план. Они спустятся на лифте этажом ниже, и пока Иветта будет ждать его, придерживая лифт открытым, он попытается найти в отделении Светлану.

На сборы ушло немного времени. Стаменов взял в руки топор, который прихватил сегодня утром с собой из машины. Они вызвали лифт, и доктор не без колебания нажал

кнопку шестого этажа.

– Давайте заблокируем дверь каким-нибудь предметом, и я пойду с вами, – предложила Иветта.

– Это исключено! – отрезал Игорь. – Я не могу подвергнуть вас такой опасности.

Двери лифта открылись, и доктор осторожно высунул голову наружу. В поле его зрения не попало ничего подозрительного, но это могло быть всего лишь видимостью, за которой таилась реальная угроза. Он прислушался к тишине, царившей в отделении, но не услышал ни звука. Тогда он решил выйти из лифта, как вдруг девушка схватила его за руку и прошептала:

– Я с вами, доктор, и не вздумайте спорить! Я вас не оставлю.

Подобный героизм со стороны хрупкой длинноногой красавицы смутил Стаменова, и он решил, что вступать в пререкания по этому поводу бессмысленно. Неподалёку на полу валялся опрокинутый стул, и доктор поставил его между дверьми лифта. Иветта самоотверженно шла впереди, поднимая ствол дробовика; доктор, озираясь кругом, следовал за ней с топором. Это не было трусостью с его стороны, просто на тот случай, если его верный оруженосец в юбке вдруг начнёт палить картечью по возникшей впереди цели, будет меньше риска, что его зацепит шальной дробиной. Однажды Стаменов своими глазами увидел, как Иветта пользуется карабином. Она отнюдь не была изнеженной барышней,

не умеющей обращаться с оружием, но в тот момент в обуревающей её истерии девушка не успокоилась, пока не истратила весь запас патронов, что у неё был, всего на одного единственного зомбаря, рваные останки которого после этого расстрела было жутко созерцать.

В отделении царил беспорядок, указывавший на те драматические события, происходившие здесь совсем недавно, когда заражению подверглись несколько человек. Можно было ожидать, что кое-кто из них всё ещё скрывался здесь в поисках своих жертв, но, как ни странно, никого не было видно. Одно из окон в коридоре было разбито, и осколки стекла в изобилии валялись на полу – именно из него вчера выпрыгнул самоубийца, о дальнейшей судьбе которого доктору ничего не было известно. Зачастую многие инфицированные оживали после самых тяжёлых травм, что называется, несовместимых с жизнью, и успешно продолжали своё демоническое существование в облике зомби. Потому-то несчастного и отволокли сразу в карантин, не теряя времени.

Параграф 31. Лечебно-охранительный режим в медицинском изоляторе (карантин).

Лечебно-охранительным режимом в медизоляторе называют комплекс профилактических мероприятий, направленных на обеспечение максимального психического покоя потенциальных зомби.

Также медицинский персонал обязан помнить о клинической гигиене, включающей в себя регулярное применение ги-

гигиенического душа, ношение опрятной одежды, снабжённой латами и щитками, обеспечивающей защиту от зомби, занятия физической культурой, спортом и бодибилдингом, периодическую стрижку волос и ногтей, трёхуровневую обработку рук, включающую двукратное намывливание рук, дезинфекцию 70 градусным спиртом или раствором хлоргексидина и, наконец, одевание стерильных перчаток. Метод трёхуровневой обработки рук применяется, как правило, перед вскрытием зомби, поскольку оперировать его бесполезно.

Медперсонал обязан помнить, что работы по дому и саду, а также расправу над бушующими зомби вне пределов больницы или карантина, следует выполнять в кожаных перчатках. Это стильно, удобно и надёжно. Медперсонал никогда не должен забывать о стерильности. Стерильность превыше всего!

Отделение по-прежнему не подавало признаков жизни. Стаменов с Иветтой осторожно обследовали палату за палатой, но везде их взору представала одна и та же картина – пустые койки, тумбочки, неряшливо брошенные на пол личные вещи, ампулы, шприцы и кое-где осколки битого стекла. Казалось, эта часть больницы полностью вымерла. Однако Стаменов не решался повысить голос, чтобы позвать Светлану – это могло привлечь внимание, возможно, затаившихся ходячих мертвецов.

Понемногу они приблизились к операционному блоку.

Жестом Игорь указал на санпропускник, предлагая проверить и его. За ним находились помещения операционной. Ещё оставалась надежда, что они найдут Светлану там, хотя в этом лабиринте комнат и подсобных помещений могла скрываться и реальная опасность. Тут они не могли чувствовать себя относительно уверенно, например, как на открытом пространстве обширных коридоров, и оба одновременно почувствовали сильный прилив адреналина.

Иветта бесстрашно перешагнула порог санитарного пропускника, оказавшись в комнатке со шкафчиками для переодевания. Бардак здесь был похлеще, чем в некоторых палатах – на полу валялись обрывки окровавленной одежды и несколько белых халатов с багровыми пятнами. Кровавые следы на полу вели в душевую, откуда доносился какой-то шум. Заглянув туда, доктор с ассистенткой обнаружили на редкость неприятную и отталкивающую даже для врачей картину – пол, выложенный плиткой, был залит лужами крови, которую частично смывал поток горячей воды, бившей из душевой лейки. Душевая комната напоминала парилку, обволакивая всё вокруг клубами белого пара. Доктор Стаменов закрыл вентиль, перекрыв воду, и едва не поскользнулся на ещё не застывшей крови, которая здесь обильно покрывала не только пол, но и кафельные стены.

Они поспешно перешли во вторую комнату пропускника, где было уже чуть более чисто и прилично, чем в первой. Тут так же не было ни души, но неожиданно Игорю показалось,

что в глубине оперблока раздался чей-то вполне осмысленный мужской голос, а затем ещё один, более похожий на женский.

– Там кто-то есть, – прошептал он Иветте, и девушка, кивнув, шагнула в полутьму следующего помещения.

Предоперационная была погружена в пугающий непроницаемый мрак, и они быстро прошли мимо в направлении операционной, откуда лился слабый голубоватый свет ультрафиолетовых бактерицидных излучателей и доносились приглушённые голоса.

Заглянув внутрь, Стаменов увидел картину, которую можно было бы вполне ожидать при иных обстоятельствах или в более мирное время, но только не сейчас. Посреди комнаты над операционным столом, освещённым бестеневыми лампами, склонился хирург, делая последние стежки шва на ране неподвижного пациента. Рядом с ним стояла его ассистентка, – видимо, старшая медсестра. Оба были строго одеты, как и подобает при операции: в стерильных белых халатах, масках, резиновых перчатках и с бахилами на ногах.

Заметив двоих гостей, вооружённых карабином и топором, хирург с медсестрой уставились на них, совершенно забыв о человеке, лежавшем на столе. Впрочем, на человека это было мало похоже, – скорее, на какие-то останки. Стаменов обратил внимание сразу на несколько существенных деталей, в которых на первый взгляд не было ничего шокирующего, но почему-то вселило в него нешуточную тревогу

– это была женщина средних лет и у неё отсутствовали обе руки. Эти две ампутированные конечности лежали тут же на соседнем передвижном столе. Хирург, по-видимому, заканчивал операцию, обрабатывая культы этих рук.

Последующие слова неизвестного врача, невнятно прозвучавшие из-под стерильной повязки, ввергли Стаменова в ещё большее изумление и добавив немало оснований для подозрений.

– Она прекрасна, как Венера, не правда ли, доктор?

– Что здесь происходит? – спросил Игорь.

Хирург переглянулся с медсестрой и воскликнул обиженным и даже негодующим тоном:

– Я бы тоже хотел это знать! Ассистент, почему в операционной посторонние?!

– Отделение заражено, – ответил Стаменов. – Мы искали женщину... Светлану.

– Светлану? – повторил хирург. – Но зачем же её искать? Она здесь, перед вами. Мы удалили ей больной зуб, но заметили некрозные образования на руках и решили удалить их тоже. Вот и всё. Правда, Иветта? – спросил он у медсестры.

– Иветта, – выдохнул Стаменов, покосившись на свою ассистентку, не спускавшую с хирурга прицела карабина.

– Конечно, доктор Стаменов, – ответила медсестра голосом, хоть и приглушённым четырёхслойной маской, но удивительно похожим на голос его собственной ассистентки.

– Надеюсь, вы продезинфицировали ваш топор, доктор

Неизвестно кто, – проговорил хирург и залился противным истерическим смехом, которому вторило ехидное хихиканье стоявшей рядом девушки в стерильной одежде, столь умело имитировавшей голос Иветты.

– Нет, я больше не могу смотреть на эти физиономии, – крикнул хирург, срывая с лица повязку.

Иветта вскрикнула, едва не выронив карабин из рук, и в испуге посмотрела на доктора Стаменова, который слегка наклонил голову, начиная осознавать, что в операционной происходит нечто в высшей степени противоестественное – на него смотрел его двойник. Когда же маску сняла и медсестра, то он увидел, что это – почти точная копия его ассистентки. Они были похожи, как будто братья и сестры-близнецы.

– Я доктор Стаменов, а это – мой ассистент Иветта, – закончив смеяться, совершенно серьёзным тоном произнес хирург-двойник, глядя на микробиолога в упор холодным взглядом.

Можно сказать, если бы Игорь не знал, что всё вышесказанное – откровенная ложь, он мог бы поверить в наглую настырность и кажущуюся убедительность этих слов. Но в том-то и дело, что, возможно, единственное отличие, которое ещё можно было обнаружить между ними, крылось во взгляде двойника – он был каким-то хищным и сумрачным, точно взгляд совы.

– Прошу прощения, – сказал Игорь, – но доктор Стаменов

– это я!

– Неужели? – съязвил самозванец.

Двойник Иветты презрительно фыркнул и взвизгнул:

– Доктор Стаменов – гениальный хирург! А вы – проходимцы. Убирайтесь вон из нашей операционной! Доктор, я полагаю, нам придётся заняться ногами пациента – рук может не хватить.

– Вы что, издеваетесь, – бросил Игорь, замахиваясь топором. – Вы удаляете ей конечности, чтобы сделать из них стейки?

– Это зомби, – предположила Иветта, снова нацеливая на них карабин. – Какие-нибудь «изгои».

– Да-да, полагаю, что так, – кивнул Стаменов. – Как раз недавно я слышал, что появились какие-то двойники, выдающие себя за живых людей. Ребята, вы случайно не из пластической хирургии? Хорошая работа, надо сказать!

– Послушай, мерзавец, – взорвался хирург-двойник. – Что ещё за ересь? Я, по крайней мере, сделал свою работу, пока ты бродил неизвестно где. Этой женщине была нужна срочная помощь, а ты забыл обо всём. Ты же врач, как ты мог так поступить? Ты надрался в крематории с двумя придурками, позабыв обо всём на свете, забыв о главном, о своей миссии Авиценны, о клятве Гиппократы, об обещании помочь больному человеку, ну и, наконец, забыв о долге за капкан. Зато ты страшно обрадовался, когда отсёк голову живому мертвецу за то, что он поцарапал твою машину, хотя это мог

быть даже не он. Как низко ты пал за последние несколько дней... Нет, я думаю, что смогу тебя полноценно заменить, благо, прогресс развивается не только у вас, но и у тех, кого вы называете зомби. Мы становимся более креативными, это правда. Так что, я думаю, вам лучше поскорее отсюда уйти, пока нам не пришлось причинить вам крайние неудобства. У нас ведь тоже есть холодное оружие, – двойник с озлобленной ухмылкой указал на стол с хирургическим инструментарием, в который входили скальпели, огромные клещи и большие хирургические пилы.

– Иветта, помните, действовать нужно методично, – проговорил вполголоса Стаменов. – Выстрел – удар топора, выстрел – удар топора. Вы стреляете, я отсекаю голову, только в таком порядке. Поняли?

– О чём это вы там шепчетесь? – сердито бросил двойник, протягивая руку к передвижному столу, на котором лежал арсенал медицинских инструментов. – Иветта, милая моя, открывайте огонь!

К изумлению доктора, двойник Иветты вытащил откуда-то из-под операционного стола точно такой же карабин, какой был у его настоящей ассистентки, и со злобной ухмылкой направил ствол на них. Иветта выстрелила на долю секунды раньше своего двойника, которого тут же отбросило назад. Заряд картечи, выпущенной из ружья зомби, изрешетил всю боковую стену, частично отрикошетил и лишь каким-то чудом не зацепил микробиолога и его помощницу.

Стаменов с остервенелым криком ринулся вперёд, замазываясь топором и обрушивая его на шею лже-ассистентки. Голова зомби отлетела в сторону, и тело, растопырив руки со скрюченными пальцами в стерильных перчатках, завалилось за операционный стол.

Двойник Стаменова, зловеще осклабившись, взглянул на обезглавленное тело, перевёл взгляд на Игоря и внезапно, судорожным движением попытался достать до него хирургическим электро-резаком, прожужжавшим в воздухе в нескольких сантиметрах от его шеи. В ответ Стаменов снова взмахнул топором, как вдруг топорище выскользнуло из его рук, и тяжёлое орудие отлетело в сторону. Руки доктора были изнежены тонкой ювелирной работой с микроскопами и прочей медицинской утварью, и теперь не стоило удивляться, что он недолго смог управляться с таким грубым и увесистым инструментом, как боевой топор. Однако его двойник получил преимущество в схватке и с яростным воем уже летел на него с жужжащим, точно стая ос, резаком, видимо, намереваясь отомстить за утрату своей демонической напарницы.

Стаменов отпрянул назад, наткнувшись спиной на стену и, осознав, что уже не успеет ничего сделать, зажмурил глаза, когда прогремел выстрел. Иветта с близкого расстояния выпустила заряд картечи в спину самозванца-хирурга, заставив его остановиться. Затем, бросив ружьё, не медля ни секунды, она подхватила с пола топор и обрушила его на голову двойника доктора. Удар оказался на удивление точен, и ещё

одно обезглавленное тело рухнуло под операционный стол.

Девушка выпустила непомерно тяжёлое для неё орудие из рук, жалобно всхлипнула и прильнула к доктору, который заключил её в объятия. Стаменов подумал о том, что всё было сделано как нельзя более «методично» и своевременно, и ещё о том, что если объятия продлятся хоть немного дольше, то это может закончиться более серьёзно, чем ему хотелось бы в данный момент.

К сожалению, убийством двух коварных зомбаков-изгоев ужас не закончился. Нужно было завершить начатое этими двумя демонами, столь искусно замаскировавшимися под них с Иветтой. Как это ни омерзительно, нужно было закончить операцию, которую начали эти монстры, а именно не дать несчастной Светлане очнуться. Одного взгляда Стаменову хватило, чтобы понять, что женщина была обречена. Пульс не прощупывался, значит, она умерла, скорее всего, несколько минут назад, и соответственно, скоро может открыть глаза уже в обличье изуродованного, лишённого обеих рук, ходячего мертвеца. Поэтому Игорь надел резиновые перчатки, нацепил четырёхслойную повязку и защитные очки на лицо, взял электро-резак и сделал то, что считал необходимым.

В более чем подавленном состоянии микробиологи вернулись в своё отделение.

– Что теперь мы будем делать? – спросила Иветта, которая рыдала всю дорогу, пока они шли назад, и только теперь

стала понемногу приходить в себя.

– Что делать?.. А вот что! Рано или поздно наших двойников найдут и примут за нас. После этого решат, что нас уже нет в живых.

– Но мы ведь живы! Ты о чём сейчас вообще говоришь, Игорь?

– О том, что нам нужно сворачивать лабораторию и уезжать из этого города, пока есть возможность. Иначе у нас будут неприятности. А если мы сейчас уедем, у нас будет шанс начать всё сначала. Открыть новую лабораторию в другом городе, таком же тихом и закрытом, как этот. Нас никогда не найдут, если мы сами этого не захотим. Ты бы поехала со мной, Иветта?

Девушка грустно улыбнулась:

– С тобой хоть на край света!

– Мы даже можем забрать с собой всю лабораторию. Сделаем её мобильной.

– Как это? – удивилась Иветта.

Стаменов огляделся вокруг, прикидывая, что им нужно взять в первую очередь: пару-тройку микроскопов, необходимые инструменты для генно-инженерных операций, дневники исследований, ну и, конечно, клетку с семейством индийских летучих мышей. Всё это, не говоря уже о банках, склянках и мензурках, можно запросто закинуть в любой микроавтобус или трейлер. Впрочем, зачем в любой?

– Сейчас в гараже полно машин скорой помощи, стоящих

без дела, – сказал доктор. – Одолжим одну из них, включим мигалки и отправимся в путь.

Неожиданно Стаменов вспомнил недавний разговор со своим новым знакомым, состоявшийся в крематории, и добавил:

– Но прежде чем уехать, я бы хотел ещё кое-что выяснить.

Стаменов не знал, где живёт Влад, и чтобы разузнать это, направился на их новой машине скорой помощи в крематорий. Однако двери в это мрачное монументальное здание оказались заперты на замок.

Найти человека в городе за один день было практически невозможно, поэтому, смирившись с этой печальной новостью, доктор направил машину к своему дому, чтобы забрать несколько личных вещей, в том числе и запасной карабин с запасом патронов. Иветта сидела рядом, положив ружьё на колени, и украдкой улыбалась какой-то своей тайной мысли.

За квартал от дома, неожиданно на дороге перед их машиной выскочил какой-то человек, оживлённо жестикулируя и что-то крича. Стаменов не сразу понял, что человек просил всего-навсего о скорой медицинской помощи, что на самом деле было вполне логично.

Доктор направил машину следом за незнакомцем, который привёл их в какой-то переулок. Выйдя из кареты скорой помощи, Игорь услышал возглас человека:

– Скорее, доктор, наверно, его ещё можно спасти!

Стаменов увидел с десяток горожан, вооружённых ломами и топорами, обступивших неподвижное тело, лежавшее возле какой-то машины. Пробившись сквозь толпу, он склонился над телом и обомлел. Это был Влад. Он узнал его, несмотря на то, что его лицо было покрыто кровоподтёками, а тело превратилось в решето, очевидно, от ударов тех ломов, который держали в руках чем-то не на шутку разъярённые люди. Похоже, Влад был уже мёртв от потери крови.

– Что здесь произошло? – спросил Стаменов.

– Что-что? Этот мерзавец исцарапал мне всю машину, вот что! – отозвался в толпе какой-то толстяк.

Игорь ещё раз осмотрел тело и лишь теперь заметил отвёртку в сжатом намертво кулаке покойного. Его ступня была зажата в большом капкане, прикованном к машине, капот которой был покрыт царапинами, вероятно, от той же отвёртки.

– И поделом ему! Осторожней, доктор, он скоро начнет оживать. Позвольте нам его укоротить...

Кто-то с силой оттолкнул Стаменова, и он в потрясении побрёл назад к карете скорой помощи, где ждала его Иветта.

Неожиданно поблизости раздался рёв мотора приближающейся машины. Стаменов едва успел отскочить в сторону, как вдруг из-за поворота вылетел ревущий чёрный катафалк и на огромной скорости врезался в толпу остервенелых горожан. Почти никто из них не успел ускользнуть, не избежав участи быть раздавленными под колёсами большого тяжёло-

го автомобиля. Несколько человек, увернувшись от него в последний момент, бросились врассыпную, но их всех достала очередь из автомата, с которым, как оказалось, администратор крематория управлялся не хуже, чем со своей машиной.

Администратор всё в том же строгом костюме с галстуком посмотрел на остолбеневшего Стаменова, кивнул ему и, обведя презрительным взором скрюченные распластавшиеся тела раненых горожан, провозгласил:

– Это за друга!..

Вскоре в вечерних сумерках карета скорой помощи покинула этот город навсегда, ненадолго огласив тишину безлюдных окраин прощальным воем сирены.

Крысиная нора

Параграф 15. Борьба личного состава спецподразделений.

Хотелось бы указать на использование личного состава спецподразделений в борьбе против зомби. Морская пехота успешно отлавливает живых мертвецов в морях и океанах, мотострелковые части расстреливают их в упор в ущельях, пустынях и степях нашей необъятной родины, войска дяди Васи без особых проблем расправляются с шатунами, не способными противостоять этой бравой силе в чёрных, голубых и краповых беретах. Один опытный спецназовец способен раскидать с дюжину зомби в один присест, а уж одного он уложит и простым щелбаном, как младенца. Однако не нужно расслабляться и терять бдительность, когда рядом бродит не десять и не сто, а целое полчище, армада, сонмище живых мертвецов. Солдат, если ты увидишь ребёнка в окружении группы зомби, не вздумай обидеть его, поскольку это противоречит Уставу. Но не забудь и о том, что ребёнок в окружении десятка шатунов представляет серьёзную опасность для любого, даже самого смелого спецназовца, закалённого в боях. Солдат не может обидеть ребенка, и зомби наверняка этим воспользуются, чтобы хитростью выбить бойца из колеи, заставить растеряться, ввести в ступор, повалить на землю и победить не мощью, но массой – мерзкой толпой, пока они используют несчастное дитя в

качестве приманки. Солдат, бойся детей в окружении зомби и беги от них, как от огня! Но помни, что с тех самых пор, ты не солдат, ты – мародёр!

Пленник космоса открыл глаза, приподнял голову и с удивлением осмотрел пятерых человек, обступивших его со всех сторон и глядевших на него с не меньшим интересом, чем он сам. Незнакомец отнюдь не был похож на большинство внешне спокойных, уравновешенных и статных членов экипажа корабля, подобравшего его спасательный челнок. Взгляд затравленных глаз, всклокоченная шевелюра, заметная ссадина на щеке и следы запёкшейся крови на лице и разодранном лбу не располагали к доверительной беседе после трёх лет анабиоза, из которого всех пятерых почти одновременно вывел искусственный интеллект корабля, когда в поле видимости его оптических сенсоров случайно попал летевший навстречу космический челнок.

Первым нашёл нужные слова бортовой врач, молодой человек со взъерошенными, вычурно окрашенными ярко-голубыми волосами, до того момента изучавший медицинские данные пациента на мониторе у изголовья передвижной кушетки, стоявшей посреди отсека:

– Не волнуйтесь, вы на борту космического корабля «Посейдон» межпланетной корпорации «Галактион». Вы понимаете меня?

Незнакомый всем членам экипажа мужчина слабо кивнул, снова откинув голову на подушку и уставившись на бледную

обшивку потолка. Внезапно он поморщился, словно от приступа боли, затем попытался встать, но доктор остановил его крепкой хваткой, совсем не вязавшейся с его не самым атлетическим с виду телосложением.

– Лежите, и всё будет в порядке. Вы пробыли в анабиозе месяц, но это не повод сразу вскакивать на ноги и бежать. Просто ответьте нам на несколько вопросов, после этого вам дадут время прийти в себя. А вставать мы с вами будем вместе и не так быстро. Капитан, – он выразительно взглянул на высокого широкоплечего человека лет пятидесяти, – теперь ваша очередь.

– Капитан Каменский, – представился тот, придвинувшись к кушетке чуть ближе. – Судя по маркировке вашего спасательного челнока, вы с научно-исследовательского корабля «Платинум», который вылетел к Плутону на полгода раньше нас. На челноке, кроме вас, никого больше не было. В связи с этим у нас к вам единственный вопрос: что случилось с вашим кораблём? Я отправил запрос на Землю, но ответ придёт ещё нескоро. Связь в космосе, сами знаете, пока не ахти, так что жду от вас ответа.

Незнакомец попытался что-то сказать, но закашлялся и смог произнести всего несколько неразборчивых слов:

– Я всё вам расскажу... Хм-м-м, на Земле.

– К сожалению, мы не можем переправить вас отсюда на Землю, – терпеливо проговорил капитан, переглянувшись с бортинженером, низкорослым мужчиной лет сорока. – Во-

первых, если вы не знаете, лететь туда небезопасно. Во-вторых, мы направляемся на Плутон, на «Аркту», откуда летели вы сами. Так что наши маршруты в корне не совпадают.

Каменский бросил взгляд на единственную женщину в красном костюме, выделяющуюся на фоне подтянутых четверых мужчин в тёмно-синей космической спецовке. Стелла Логан, миллионерша с Земли, вдобавок, обворожительная красотка, вызывавшая лично в нём смешанные чувства симпатии и некоторого предубеждения против женщины на борту корабля. Конечно, это могло показаться архаичным и банальным, но капитан «Посейдона» испытывал неприязнь и опаску к лучшей половине человечества, если та находилась с ним на одном корабле, подобно тем старым морякам, которые ещё в средние века ходили под парусом и были интеллектуально темны и суеверны.

– Тут с нами космический турист, – добавил он, – который не захочет поворачивать вспять после трёх потерянных лет в криокапсуле. Верно, Стелла?

– Мне жаль, – ответила та, прикоснувшись рукой к аккуратно уложенным пышным каштановым волосам, – но я боюсь, что тогда уже не доживу до того заветного дня, когда увижу планету моей мечты, чудесный и таинственный Нептун, который у нас по пути. К тому же я не тороплюсь возвращаться на Землю. Расстояния просто несусветные, уж простите, мой дорогой. Кстати, как вас зовут?

– У него же есть опознавательный значок, – встрял в раз-

говор бортинженер Елисеев. – Ян Вязов, борттехник «Платинума».

– Совершенно верно, – слабо проговорил пациент, с каким-то испугом осматривая всех пятерых. – То, что я расскажу, может показаться вам бредом, но в том-то всё и дело...

Вязов с какой-то мольбой посмотрел на экстравагантного доктора, стоявшего рядом:

– Простите, я ещё не готов. Это было ужасно...

Доктор вопросительно посмотрел на капитана:

– Ладно, командир, может, хватит для первого раза? Надо дать ему выспаться, накормить и тогда...

– Он и так уже слишком долго спал, – отрезал Каменский. – Хорош уже кудахтать и говори, что стряслось?!

Неожиданно, опираясь на плечо доктора, с гримасой боли и злобы, космонавт с «Платинума» каким-то звериным рывком встал на ноги, покачнулся, едва не растянувшись на полу, но всё же сохранил равновесие, хоть и не без помощи врача. К последнему тут же пришёл на помощь молодой борттехник «Посейдона» Веденский.

– Эй, спокойнее, дружище! – весело воскликнул он. – Не сердись, просто капитан хочет докопаться до сути. Мы всё-таки в открытом космосе, коллега, пойми.

– Да, я слишком долго был спокоен, это верно, – ответил Вязов не слишком дружелюбно, хоть и с некоторым почтением покосившись на капитана. – Я расскажу прямо сейчас.

Будьте готовы к неприятностям.

При поддержке врача и товарища по специальности, он присел на край кушетки и мрачно оглядел всех пятерых.

– Нужна срочная связь с Землёй. Должен вас известить, что на нашем корабле проводились биологические эксперименты. Видимо, в ходе опытов произошла утечка какого-то вируса или бактерии, как это нередко бывает. Я не хочу никого запугивать, но настоятельно рекомендую доктору проверить меня, что называется, с ног до головы. Впрочем, если я до сих пор в здравом уме и твёрдой памяти...

– Продолжайте! – сказал капитан. – Что конкретно вы видели, симптомы, сколько человек заражено?

– Все, кого я видел, были уже мертвы.

– То есть как?!

– Это произошло мгновенно. Погибли все члены экипажа буквально в один час, если не в одну минуту. Это может показаться невероятным, но, как мне показалось, никто даже не успел понять, что произошло. Вначале все попадали замертво, а потом... встали и пошли. Мёртвые встали, как живые. Это было потрясающе и жутко!.. По какой-то непонятной причине, зараза не коснулась лишь меня... видимо, мне просто повезло. Как бы то ни было, я не стал терять времени, тем более, что научный блок был заблокирован после утечки, и все учёные, кто там оставался, скорее всего, тоже подверглись заражению.

– Так, – мрачно произнёс капитан. – Это перестаёт казать-

ся забавным.

Он выразительно посмотрел на доктора и сказал:

– Панк, ты понимаешь, что к чему? На «Аркте», вероятно, разрабатывали секретное биологическое оружие. Всего три года назад на Земле вспыхнула эпидемия, зомбиапокалипсис, когда мёртвые начали вылезать из своих могил, а мы вовремя смылись оттуда на «Посейдоне». Половина учёных покончила с собой, вторая половина свихнулась, не в силах объяснить этот феномен. Неужели это одна из тех самых чудовищных ошибок прогресса, когда совершенство техники приводит к смерти своих создателей? Так случалось уже не раз! Неужели всему виной космический вирус, созданный людьми?!

Доктор лишь в недоумении развёл руками.

– Так значит, ты единственный, оставшийся в живых? – сказал Елисейев, и в его голосе почувствовался скепсис.

– Ну, конечно, говорю вам, мне нереально повезло! Я сел в челнок, ввёл программу автопилота и отправился на Землю. Разумеется, я не знал, что меня ждёт такая удача, и мой челнок по дороге перехватите вы. Кстати, где он?

Вопрос показался всем членам экипажа на редкость нелепым, однако бортовой врач вовремя вмешался и постарался ответить на него как можно более серьёзно:

– В свободном шлюзовом отсеке. Мы заранее позаботились о карантине. Но если ты говоришь правду, он может быть инфицирован, и лучше было бы... – доктор перегля-

нулся с командиром, – отстыковать его немедленно.

– Хорошо, – согласился тот. – Я через пять минут отдам приказ Цибеле, и пусть челнок летит подальше от Земли и поближе к Солнцу!

– Вы не обнаружили внутри ничего странного? – задал Вязов ещё один несуразный вопрос.

– Следов вируса? – переспросил доктор. – Наш корабль не снабжён нужными биодетекторами, но мы позаботились о герметичности.

– Очень хорошо! Значит, одной проблемой меньше. И теперь вам осталось разобраться лишь со мной.

– Ненавижу ЧП в космосе, – недовольно проговорил командир, оставшись один на один с доктором в рубке управления. – Что думаешь, Панк? – Каменский зачастую называл борт-врача не по имени, а по прозвищу, укоренившемуся в их дружной команде.

– У меня смешанные чувства, – ответил Панк. – Во-первых, я ничего не знаю об испытаниях с вредными штаммами. С точки зрения профессиональной этики, эта тема даже не должна обсуждаться. В космосе таких вещей раньше не делали. Хотя я не исключаю, что он говорит правду, и тут приложили руку военные. Кто же, кроме них?.. Кстати, связь этих секретных биоразработок на «Аркте» и Армагеддона на Земле вполне очевидна. Я тоже не знал об этом, но кто мы такие, как не мелкие сошки – для власть предержащих, коварных масонов, которые, как всегда, заварили кашу. Исто-

рия, древняя, как мир, – он безрадостно усмехнулся.

– А сам Вязов-то здоров? – спросил Каменский, испытующе глядя на доктора в упор. – Или нас всех скоро пробежёт кровавая чесотка, мы превратимся в зомбарей, встанем и пойдём искать своих жертв... Правда, искать тут будет уже некого, нас всего шестеро на небольшом межпланетном корабле, затерянном в просторах пятого океана. – Каменский говорил в своей обычной высокопарной и немного театральной манере.

– Пока никаких симптомов зомбивируса я не обнаружил, – ответил доктор, помедлив. – Мне он кажется честным парнем... Впрочем, думаю, стоит за ним на всякий случай понаблюдать. С другой стороны, он уже имел контакт со всеми нами, и тут уже, как говорится, или пан или пропал...

– Лучше не придумаешь! – с досадой бросил капитан.

Доктор стоял рядом, ожидая, к какому решению придёт командир экипажа.

Наконец Каменский, ничего не утверждая и не приказывая, осторожно спросил:

– Что планируешь, Панк?

– Хочу ещё раз перепроверить анализы и данные сканеров нашего непрошеного гостя. А потом, наверно, приготовлю праздничный обед.

– Зачем это ещё? – нахмурился капитан. – Я думал через час залечь по новой в криокапсулы. Нам лететь ещё три года!

Бортовой врач загадочно улыбнулся:

– Хочу посмотреть, в какой наряд облачится наш прекрасный «интурист».

– Надеешься приволочиться? Она ведь не собирается возвращаться на Землю, и её несметных богатств тебе всё равно не видать.

– Меня бы устроил и скромный брак в открытом космосе, – с иронией в голосе ответил Панк. – Или ты хочешь поспорничать, командир?

Каменский рассмеялся:

– Да нет, забирай её себе, Панк!

Добродушно махнув рукой доктору, капитан повернулся в сторону переговорного пульта, обеспечивающего прямую видеосвязь со всеми отсеками корабля.

Широкий экран отобразил сразу с десятков помещений. Нажатием клавиши командир выбрал отсек медблока и с минуту наблюдал за чужаком, ворочавшимся на кушетке. Затем он увидел доктора, вернувшегося на своё рабочее место. Врач ненадолго склонился над новым пациентом, о чём-то у него спросил, после чего уселся в стороне за свой рабочий стол, уткнувшись в монитор компьютера.

Быстро потеряв интерес к медицинскому блоку, Каменский бегло пробежался по рабочим отсекам и остановился на закутке, предназначавшемся для космических туристов – пятизвёздочный номер их межпланетной гостиницы. Он увидел Стеллу Логан, прихорашивавшуюся перед зеркалом. Стелла успела переодеться в вызывающее красное платье с

блистательными (хоть и несколько устаревшими) «лабутенами» на ногах и в данный момент занималась макияжем, наращивая, видимо, очень дорогой французской тушью ресницы. Внешне она казалась очень собранной и бодрой. Это его немного удивило и даже заставило взглянуть на неё по-новому, с некоторой долей уважения.

Теперь до пункта назначения оставалось чуть меньше трёх лет полёта, – конечно, при успешно развитой второй космической скорости. Возможно, дальше Нептуна они не полетят, хотя за ним есть ещё и Плутон со всеми его спутниками и самой научной базой «Арктой». Однако, если существует риск заражения базы, делать там теперь абсолютно нечего.

Ему никогда не нравилось присутствие туристов на корабле, тем более, женщины, от которой он ждал несчастий, подобно тем старым морским волкам из седой старины, считавших женщину на борту корабля – вестником всех бед. Конечно, она была неотразима, и половина экипажа сразу на неё, что называется, «запала», пожирая её обворожительную фигуру глазами сверху донизу. Однако Каменский, был непоколебим и неприступен, как скала, и он никогда не опустится до таких низких связей, о каких мечтали остальные... наверное, никогда.

А они явно мечтают или скоро начнут грезить об обладании этой слабой женщиной. И тогда начнётся маленький Армагеддон в пределах их межпланетного корабля. Вероятно,

всё начнется с ссор, скандалов, постепенно дойдёт до драк, а возможно, и перестрелки... Впрочем, этого он не допустит. Код к замку оружейной только у него, и ни один программист никогда не сможет вскрыть секретов Цибелы, центрального процессора корабля.

Склонившись над приборной доской, капитан не без нарастающего во всём его теле возбуждения, негромко произнёс в микрофон:

– Вызываю Цибелу! Повторяю, вызываю Цибелу!

Спустя минуту свет в отсеке почти полностью погас, и перед приборной доской возник нечёткий силуэт женщины в полупрозрачной накидке, похожей на старомодное negligé. Под накидкой просвечивали соблазнительные части обнажённого тела: стройные ноги и вздёрнутая грудь, всё было достаточно пропорционально, и, конечно, представляло собой всего лишь виртуальный облик компьютерной программы, разработанный самим Каменским и подведённый под его личные критерии женской красоты. Лица виртуальной женщины почти не было видно под вуалью.

– Чего изволите, мой повелитель? – пропел негромкий, но внятный, приятный женский голос.

– Приказ №1, – скомандовал капитан. – Отстыковать челнок из шлюза А-3.

– Слушаюсь, мой господин. Он уже отстыкован.

– Прекрасно, Цибела! Ты меня восхищаешь, как всегда.

– Что-нибудь ещё?

– Приказ №2. Назначить курс на перевалочную базу «С-5» на орбите Нептуна. Дальше мы не полетим. Мы остановимся там... навсегда.

– Навсегда?

– Именно!

– У нас женщина на борту?

– Да, и что с того, Цибела? Ты тоже женщина.

– Она будет так прелестна сегодня на праздничном обеде в своём платье и красных «лабутенах».

– Неужели ты ревнуешь, милая моя! – улыбнулся капитан. – Успокойся, на этом корабле у тебя нет соперниц. Конец связи!..

Параграф 20. Один из способов борьбы с бессонницей.

Если вам трудно уснуть, воспользуйтесь простейшим испытанным средством. Не считайте, слонов, овец, ворон перед сном! На ночь глядя, выйдите из своего убежища на улицу, сквер или даже парк. Наверняка при бледном свете луны вы увидите сразу несколько праздношатающихся зомби. Впрочем, не следует думать, что бродят они бесцельно. Отнюдь нет, они голодны и блуждают в поисках своей жертвы день и ночь. Однако именно ночью при свете полной луны они наиболее активны!

Постарайтесь, не теряя времени, привлечь к себе внимание нескольких зомби. Наверняка они заметят или учуют вас и побегут за вами, ускоряя шаг. Уже давно подмечено, что зомби обмениваются между собой какими-то неизвест-

ными импульсами на расстоянии, и очень скоро на голодные стоны двух-трёх шатунов со всего района сбегится целая орда. Вам придётся изрядно потрудиться и попотеть, чтобы уйти от этой толпы целым и невредимым. Поэтому скорее всего, когда вы вернётесь домой, вас тут же свалит усталость, и вы уснёте спокойным глубоким сном.

Четверо мужчин в столовой уже успели заскучать, когда к ним наконец присоединилась Стелла Логан.

Веденский поспешил сделать «интуристке» комплимент:

– Стелла, вы обворожительны в этом наряде! Красный цвет идёт вам как никогда!

– Благодарю, – с улыбкой ответила миллионерша, присаживаясь между ним и Елисеевым. – Вы, как всегда, очень учтивы... Что у нас сегодня на обед?

– Синий картофель, – объявил доктор Панк, снимая крышку с большого блюда. – Лучший картофель из моей теплицы. Ну и, конечно, мясные консервы.

– Очень мило, – без энтузиазма, тихо заметила иностранка.

– И красное вино, – добавил Веденский, хватаясь за бутылку из зелёного стекла, чтобы первому предложить даме. – То, что так необходимо в открытом космосе.

– А что, наш гость с «Платинума» к нам не присоединится? – спросила Стелла, сдержанно улыбнувшись молодому бортехнику.

– Он остался в медблоке, – ответил врач. – Я дал ему сно-

творного, он слишком слаб. Да и потом, я хотел бы ещё за ним немного понаблюдать... чисто в научных интересах.

– По-моему, чуваку просто повезло, что он остался в живых, – заметил Веденский. – Нам нужно быть к нему снисходительными. Да и на зомби он совсем не похож.

– В тебе говорит сочувствие к коллеге по работе, – сказал Елисеев, сосредоточенно снимая пунцовую кожуру с варёного синего клубня.

Неожиданно Каменский встал с места, держа в руке наполненный бокал с вином и громко, с расстановкой произнёс:

– Друзья мои! Я должен вам кое-что разъяснить.

– Это тост? – хихикнула Стелла.

– В общем, это спич! – серьёзным тоном ответил командир экипажа, видимо, не оценив юмор космической туристки. – Не знаю, понравится ли вам он или нет, но я должен рассказать вам о моих планах именно сейчас. Ведь после обеда, спустя несколько часов, мы разойдёмся по своим криокапсулам, чтобы уснуть ещё на три года.

Все притихли, воззрившись на Каменского.

– Должен сказать, что теперь у нас, как и у нашей обаятельной космической туристки, билет на гранд-турне в один конец. Всем известно, что на Земле вспыхнула страшная эпидемия, зомбиапокалипсис, который проник даже в космос. Лететь на «Аркту», как было запланировано, опасно. У меня есть основания верить борттехнику с «Платинума» на

слово, следовательно, на «Аркте» нас может ждать то же, что и на Земле. Но тогда имело бы смысл вернуться на родную планету, не так ли? И поэтому я принял решение остаться на перевалочной базе «Нептуна», на которой есть всё, что нужно для жизни в течение тридцати лет, запас провианта, видео, книги и даже спортзал. Стелла, вы не только увидите планету своей мечты, Нептун, но и останетесь на ней до конца своих дней.

К его удивлению, та засмеялась и захлопала в ладоши:

– Прекрасно! Я мечтала об этом всю свою жизнь!

Доктор Панк громко зевнул.

– Существует некоторая проблема неуставных отношений, – добавил командир, помолчав и с каким-то смущением взглянув на космическую туристку. – В первую очередь, Стелла, это касается вас. Так случилось, что вы остаётесь одна в обществе четырёх взрослых сильных мужчин. Вы понимаете, к чему я клоню?..

Женщина беззаботно ответила:

– Не имею ни малейшего понятия, капитан.

– Тогда я объясню популярно, мадам. Возможно, кто-то из нас, безусловно, лишь только в силу основного инстинкта, захочет продлить человеческий род вдали от родной планеты. Возможно, это будут все без исключения. И тогда между нами вспыхнет кровная вражда и ненависть. Но мы – цивилизованные люди, и я бы хотел, чтобы наш дружный коллектив пришёл к какому-то единому соглашению насчёт буду-

щей совместной жизни. Да-да, это более актуально, чем вы думаете, Стелла. И вот, что я скажу... Выпьем за новую совместную жизнь! – командир быстро опрокинул содержимое бокала себе в рот и сел, потупив взгляд.

Женщина сидела молча, также подавленно опустив глаза.

– Безобразие, командор! – прохрипел Елисеев, сердито бросая картофелину обратно на тарелку. – Что вы себе позволяете, в конце концов! Эта прекрасная женщина не заслуживает подобного отношения.

– Именно потому, что она прекрасна, мой друг, она его и заслуживает, – заявил Каменский. – Но в любом случае, мы начнём «новую жизнь», за которую я выпил, только через три года, когда прилетим на Нептун. И у нас будет время ещё раз всё подробно обсудить.

Командир выдержал паузу и обратился к доктору:

– Панк, обед был хорош, спасибо!

– Не за что, командор!

– Ровно через три часа ты проследишь, чтобы все крио-капсулы были подготовлены, затем проводишь нас всех, начиная со Стеллы, в блок крио-сна, ну а Цибела, как всегда, позаботится о тебе самом, приятель.

– Слушаюсь, командор! Только не торопитесь расходиться, у нас ещё запланировано чаепитие и десерт. Я приготовил нежнейшие эклеры и торт «Наполеон» по лучшему из своих рецептов. – Доктор откупорил ещё одну бутылку вина и под одобрительные возгласы присутствующих принялся

разливать его по бокалам.

Спустя три часа Панк влетел в медицинский блок с возбуждённой улыбкой на разруганном лице. Космический гость вскочил со своей шконки без малейших признаков усталости. Ему просто чертовски надоело лежать под белым покрывалом, прикидываясь спящим под присмотром видеокамер, установленных по всем углам помещения. Он с любопытством посмотрел на доктора, который взирал на него самого с каким-то ликованием в обезумевшем взгляде.

– Ну вот, у нас появился шанс! Они будут дрыхнуть сутки, пока не очнутся на Нептуне. Но Цибела уже не объявит командиру, что корабль пристыкован к перевалочной базе. Центральный процессор выйдет из строя, а Стелла Логан не увидит планету своей мечты хотя бы потому, что здесь нигде нет иллюминаторов, и командору не останется ничего другого, как придумать новую игру.

– Новую игру? – переспросил Вязов. – Насколько я понимаю, теперь мы можем говорить без обиняков, перемигиваний, коротких шифрованных записок, ну и так далее, верно?

– Да, пока все спят. В анабиозе... летят на Нептун, идиоты. Так что у нас есть немного времени, чтобы закончить дело.

– Что это, сумасшедший дом? – спросил космический гость. – Мы в палате №6? В том, что мы не в космосе, я не сомневался с первой же минуты, когда очнулся. Это было бы

уже слишком, хоть мне порой казалось, что я и сам свихнулся на почве всего того, что происходит на Земле.

На мгновение Вязов припомнил обстоятельства своего заключения на мнимом корабле «Посейдон». Его машина мчалась через безграничную степь по неровной дороге на предельной скорости, когда лопнула одна из покрышек, и автомобиль съехал сначала в глубокий кювет, затем скатился в показавшийся бездонным овраг, на дне которого оказался ещё более внушительный провал, вероятно, образовавшийся в результате сильного подземного толчка. Неудивительно, ведь эти засушливые края совсем недавно оказались в эпицентре мощного землетрясения. Вязов уже не мог справиться с управлением, и ему только оставалось с ужасом наблюдать, как машина проваливается под землю во тьму и летит с добрый десяток метров вниз, пока не врежется в поверхность какой-то каменной глыбы. Так ему показалось за секунду до того, как он сильно стукнулся головой об лобовое стекло, едва не вылетев наружу, и потерял сознание.

Когда он очнулся, перед ним стоял человек в белом халате с растрёпанными синими волосами, вытаскивая пинцетом у него из носа кусочек битого автомобильного стекла. Вязов преспокойно поднялся, отряхиваясь и заодно вытряхивая из носа и ушей ещё несколько таких же небольших квадратных осколков, после чего снова потерял сознание, затем снова очнулся в свете бестеневой лампы, увидел уже знакомого ему крашеного молодого человека и хладнокровно спросил, где

он находится?

Незнакомец в халате ответил ему, что находится он на космическом корабле «Посейдон», а ему самому следует хорошенько запомнить, что если он хочет сохранить себе жизнь, ему придётся принять определённые правила игры. Так и получилось, что против своей воли он оказался запертым в каком-то подземном бункере и выучил легенду о космическом корабле «Платинум», на котором якобы вспыхнула опасная ситуация, спровоцированная Z-вирусом. В самом деле, это было бы самым правдоподобным объяснением, тем более, что этот вирус с необычайной скоростью уже давно распространился по всей Земле, и только под самим её покровом, на глубине нескольких десятков метров ещё оставались какие-то островки безопасности, сомнительной, относительной, но всё же реальной. Или, возможно, всего лишь её иллюзия.

– Нет, это нечто среднее между Бедламом и крысиной норой, в которой затаились несколько маньяков, – ответил доктор на вопрос Яна. – Вставай и пошли за мной, хочу тебе кое-что показать, чтобы ты всё окончательно понял.

Они вышли из медблока и двинулись вдоль однообразных серых стен, обшитых пластмассовыми панелями. Отчасти строение действительно напоминало изнутри космический корабль, какой он мог бы быть в далёком будущем, или каким его зачастую изображали в старых фантастических кинолентах. Из одинаковых сенсорных плафонов, встроенных

в потолок, включавшихся по мере их продвижения вдоль длинных коридоров, струился слабый свет. Внезапно Вязову показалось, как впереди за одним из поворотов, погружённых в полумрак, промелькнула какая-то тень. Он обратил на это внимание своего провожатого, но тот лишь отмахнулся.

– Все спят, – коротко бросил врач, делая быстрые торопливые шаги и заставляя своего спутника самому ускорить ход, чтобы не отстать и не затеряться в лабиринте бесконечных проходов.

Вполне очевидно, что клаустрофобия в этой обстановке могла бы разыгаться даже у человека с крайне устойчивой психикой, не говоря уже об измотанном невзгодами, бегством и последней довольно тяжёлой травмой головы, незваном «космическом» госте.

Наконец они упёрлись в стеклянную перегородку, за которой размещалось помещение, напоминающее зимний сад. Толкнув дверь в этой прозрачной стене, Панк шагнул в полутьму, поманив за собой Вязова. Когда они оказались по ту сторону перегородки, щёлкнул оптический сенсор, и помещение залил яркий свет. Ян с удивлением осмотрел огромное пространство, которое заполняли зелёные заросли. Именно заросли или даже дебри, поскольку ухоженными грядками это уж точно никак нельзя было назвать. Безусловно, когда-то здесь была оранжерея, в которой могли выращивать благородные сорта растений, овощей и злаков, но теперь это были какие-то отталкивающие своим видом джунгли.

– Я пытался привести здесь всё в порядок, но к тому времени, как я тут появился, было уже слишком поздно. Из полезных плодов тут сохранились лишь несколько сортов картофеля и паслёновых, а вот остальное пространство занимали сорняки да непроходимые заросли табака и марихуаны, которые, похоже, везде пробьют себе дорогу. Подобно тебе, я попал сюда случайно, спасаясь от толпы зомбарей. Я попытался скрыться в овраге и скатился на дно этой крысиной норы, вывихнув ногу, которую потом пришлось лечить. На плоской крыше бункера находился небольшой люк. Он открылся, и обитатели норы – они же члены экипажа космического корабля «Посейдон», – затащили меня внутрь. Меня приняли довольно дружелюбно, но я бы не назвал этой большой удачей в своей жизни. За те полгода, что я здесь провёл, мне довелось ознакомиться с местными порядками и возненавидеть практически всех соучредителей местного клуба.

– А что это за бункер? – спросил Вязов.

– Сложно сказать. Скорее всего, военный. Я уже давно понял, что он закупорен со всех сторон, а единственный выход наверх, на поверхность земли то ли взорван, то ли завален после подземного толчка. Землю в этом регионе начало серьёзно трясти через год после начала всей этой апокалиптики... Зброшенный военный бункер, в котором нашли пристанище несколько сумасшедших, видимо, начитавшихся фантастики и обкуривших марихуаной. Я действительно когда-то учился на фармацевта, и потому знаком с воздей-

ствием некоторых фармакологических препаратов. В оранжерее я нашёл цветущий дурман, растение, плоды которого обладают интересными наркотическими свойствами. Передозировка экстракта из его семян способна привести к делирию, а слабая доза – всего лишь к гипомании, шизе в слабой форме. Я быстро завоевал доверие командора, и он назначил меня смотрителем теплицы, а заодно и главным шеф-поваром.

– А кто он такой, этот командор?

– Каменский... он интересная личность. Когда ему надоела одна игра, он тут же придумывает новую, и все беспрекословно принимают его условия и правила, будто под гипнозом. К примеру, когда я сюда угодил, они выживали на марсианской станции. Каменский, конечно, был главой экспедиции. По сценарию Марс одолевали пылевые бури, и все члены клуба сумасшедших играли роли космонавтов, ожидающих спасательного корабля. Впрочем, «марсианские хроники» быстро закончились, и Каменский успешно и без проволочек отправил всех на Нептун.

– Ну, и как ты всё это объяснишь? Массовым умопомешательством?

– Частично, может быть, ты и прав. Но я не стал бы сбрасывать со счетов и силу внушения командора, а гипноз, как известно, усиливается под воздействием наркотических веществ... Я уже давно играю в опасную игру с капитаном и, кстати говоря, не один. Мне повезло найти себе союзника в

команде Каменского.

– Цибела! – крикнул доктор в сторону приоткрытой двери. – Не бойся, выходи.

Спустя минуту Вязов увидел симпатичную девушку невысокого роста в джинсовом костюме. Она неуверенно перешагнула порог двери в теплицу, с опаской глядя на Яна.

– Он с нами, – сказал Панк. – Я надеюсь...

– Конечно, – согласился «космический» гость. – Ну, и каковы наши дальнейшие планы?

– Я засандалил им в вино побольше экстракта из семян дурмана, чтобы они подольше не просыпались. А планы просты... – и доктор сказал нечто такое, от чего Вязов поначалу усомнился, стоило ли ему брать на веру всё сказанное человеком, выдававшим себя за врача.

– Мы улетим отсюда на ракете. Советую быстрее проследовать на космодром.

Параграф 34. Мифы Армагеддона.

Вокруг явления зомбиапокалипсиса всегда ходило много мифов. Один из них – миф о космическом вирусе, занесённом из космоса. Нужно сказать, что его нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Конечно, этот вирус вполне мог быть занесён из космоса. Только не метеоритом, а самими людьми. Это более достоверно ввиду того, что в первые дни эры Армагеддона в прессе и, пока ещё влачившей жалкое существование, сети Интернет, появились фотографии астронавтов, приземлившихся в спасательной капсуле где-то в тайге во вре-

мя, возможно, последней из орбитальных экспедиций. На их лицах была запечатлена жуткая гримаса злобы и ярости, с которой они вылезли из своей капсулы на бrenную землю. Местные аборигены, жители тайги в ужасе разбежались от них в разные стороны, будто от зомби. Впрочем, вероятно, эта ярость астронавтов была вызвана и не заболеванием, а ярым негодованием в адрес координаторов полёта, назвавших им неточные координаты приземления. Так что миф остаётся всего лишь мифом.

– Это что, шутка? – спросил Вязов, недоверчиво переводя взгляд с улыбочивого лица Панка на растерянное личико Цибелы.

Доктор весело рассмеялся:

– Знаю, о чём ты подумал! Конечно, идея была изначально безумной, но... Я совершил невозможное! Почти за шесть месяцев я умудрился собрать ракету, пока остальные члены клуба пребывали в наркотрипе или спали в «криокапсулах». Нелёгкое дело, скажу я тебе, собрать ракету своими руками, да ещё и заставить её взлететь. Впрочем, аэродинамические свойства моего летательного аппарата мы ещё проверим. Следуйте за мной, друзья мои!

Панк выскользнул из оранжереи, и все трое долго шли по коридору протяжённостью метров в пятьсот, пока не оказались в просторном зале с высокими сводами, представлявшем собой, скорее всего, опустошённый склад. В потолке зияла пробоина диаметром в несколько метров. Под ней Вязов

увидел нечто, напоминавшее ракету очень отдалённо. По-видимому, корпус фюзеляжа был сварен из листов тонкого металла с уплотнением из каких-то более лёгких подручных материалов. По форме сооружение немного напоминало веретено диаметром в два с половиной метра и высотой метров в семь с тремя стабилизаторами по бокам. Ракета была закреплена на импровизированной направляющей – трёх толстых, сваренных между собой швеллерах, упирающихся в потолок, и глядела обтекателем прямо в зиявшую пробоину.

– Двигатель... существует? – в изумлении спросил Ян.

– Конечно! – с гордостью ответил Панк. – Я ведь не только врач, но и механик. Он уже установлен. Между ним и обтекателем – отсек для трёх пассажиров, то есть для нас.

– А топливо?

– Керосин и окислитель. Все необходимые компоненты я нашёл на оружейном складе в другом конце бункера. Это ведь военный бункер. Ну а фитиль я сделал сам из обычной верёвки. Пока он будет гореть, мы успеем влезть в отсек, задраить люк и помолиться. Всё уже проверено, кроме последнего...

– И ты уверен, что мы не поджаримся на этом топливе?

– Я уже сделал мини ракету-прототип и проверил её на прочность и аэродинамику, а все пропорции для оригинала я рассчитал со всей тщательностью – для чего ещё у меня в медблоке стоит компьютер?

– И что потом, когда мы взлетим... если взлетим. Улетим

на Марс?

– Понимаю твою иронию. Но выслушай меня спокойно, – с улыбкой сказал доктор. – Когда мы поднимемся на высоту более километра, автоматически катапультируемся в том же отсеке, в котором взлетим. Топлива немного, оно сгорит, и мы спокойно откроем парашют – он встроен в обтекатель, конструкцию которого я разработал лично сам, – и спокойно опустимся на землю. Риска практически нет. Хотя... если ты боишься, можешь остаться здесь, в крысиной норе.

Вязов подошёл к «пусковой установке», если её можно было так назвать, и посмотрел вверх через дыру в потолке. Где-то очень высоко смутно проглядывал кусочек ясно-голубого неба. Он понял, что находится в подземелье, откуда и впрямь нет выхода. Просвет слишком высоко, чтобы до него добраться своими силами, если только не рискнуть собственной жизнью. С другой стороны, он понимал всю бредовость и опрометчивость замысла доктора. Вполне определённо, можно было сгореть на месте при запуске этой чудо-ракеты, сделанной кустарно, незатейливо и, конечно, ненадёжно. И тогда, безусловно, лучшим решением было бы остаться здесь, в бункере навсегда, хоть и в обществе отрезанной от мира, погребённой заживо секты спасающихся от безумия реального мира в безумии мира вымышленного, отпетых наркоманов и маньяков.

А что, если всё сработает? И они выберутся отсюда на этой адской ракете? Тогда они вернуться в мир, из которого бежа-

ли в страхе и ужасе.

– И когда намечается полёт? – спросил Вязов, теща себя надеждой, что у него останется ещё достаточно времени на раздумья, сомнения и борьбу с самим собой.

– Сейчас или никогда! – заявил Панк. – Ни секундой позже! Цибела, ты готова?

Девушка энергично закивала головой, вперив в него взгляд широко раскрытых, испуганных глаз.

Панк подтащил подобие трапа – алюминиевую лестницу к раскрытому входу в пассажирский отсек ракеты и посмотрел на Вязова.

– Ну что, ты с нами?

Ян смерил взглядом хрупкую девушку, которая как будто не боялась уже ничего, и кивнул в ответ.

– Тогда на борт, живо! – крикнул Панк, наклоняясь над концом толстого фитиля, тянувшегося к двигателю ракеты, и чиркая спичкой.

В этот момент произошло непредвиденное. Вначале из коридора стремглав выскочило несколько упитанных крыс, с писком промчавшихся мимо застывшей троицы и скрывшихся где-то под низом «пусковой установки». Спустя мгновение из глубины коридора донеслись чьи-то гулкие шаги, и в помещение ввалился Каменский. Шатаясь, как пьяный, он сделал несколько неверных шагов в сторону беглецов и обвёл всех троих мутным блуждающим взглядом, остановив его на Панке.

– Ага, я так и знал, – проревел он зычным басом. – «Посейдон» заражён, и вы решили слинять, грязные предатели!

Он перевёл взор на Цибелу, и глаза его сверкнули в неподдельной ярости.

– Что я вижу! Цибела, ты тоже предала меня?

Внезапно в его руке появился пистолет, он навёл прицел на девушку, но в последний момент перед выстрелом пошатнулся, и пуля пролетела мимо, отрикошетив от бетонной стены.

– Командор, вы разгерметизируете свой корабль! – кричал доктор, отступая.

Каменный лишь остервенело расхохотался, выстрелив наугад в его сторону – реакция капитана явно не успевала за моторикой, в то время как последняя включалась достаточно быстро. Сообразив, что в этой ситуации нужно действовать мгновенно, Вязов набросился на капитана, сбив его с ног, и без труда отобрал у него пистолет.

Неожиданно со всех сторон донёсся какой-то гул, напоминавший далёкий раскат грома, который шёл не сверху, а, казалось, из самых недр земли.

– Что это? – в испуге проговорил Ян.

– Подземный толчок, – отреагировал Панк, и, схватив его за рукав, поволок за собой к ракете. – Поднимайся вверх!

Вязов взлетел по лестнице в отсек, где уже сидела, затаившись, Цибела. Не прошло и нескольких секунд, как за ними поднялся и доктор, отбросив лестницу и хлопнув само-

дельный люк, чем-то напоминавший автомобильную дверь без оконного проёма.

– Ну вот и всё, – прошептал Панк. – Поехали! Матерь богов, – он посмотрел на Цибелу, – не оставь нас в эту трудную минуту!

– Ты уверен в том, что... – начал было Вязов, но доктор его оборвал:

– Сейчас я ни в чём не уверен!..

Спустя несколько минут катапульта, созданная инженерным гением Панка, сработала; парашют успешно раскрылся, и некоторое время они парили в воздухе, ослеплённые лучами вечернего солнца. Теперь их спасательный отсек представлял собой подобие корзины, высунувшись из которой, они могли увидеть местность, над которой постепенно снижались. Стояла безветренная ясная погода, и было видно, что они не слишком отделились от того провала, над которым совсем недавно взмыли ввысь на ракете.

Вскоре на место восторгу пришел страх – они спускались над степной местностью, буквально наводнённой не десятками, а сотнями зомби, стекавшимися сюда со всех окраин подобно голодным гиенам. Чёрт знает, что их сюда влекло, но они будто чувствовали, что скоро к их ногам спустятся с небес трое отчаянных смертных.

Панк заранее позаботился не только о провианте, но и вооружении на случай столь нежелательного контакта с шатунами, однако даже он не ожидал, что они попадут в окруже-

ние целой орды.

Спасательный отсек приземлился в центре смертельного кольца живых мертвецов, уверенно направивших свои стопы прямо к ним.

– Сколько у нас автоматов? – спросил доктор, вылезая из-под сложившегося парашюта.

– Три, – ответил Вязов.

– Сколько магазинов?

– Семь?

– А сколько топоров?

– Один.

– Всего один?.. – Панк огляделся, оценивая обстановку. –

Ну что ж, мы ещё поборемся!

Последний Шапито

Параграф 16. Использование транспортных средств в борьбе против зомби.

Во времена эры Армагеддона стало небезопасно путешествовать по странам и континентам на привычных видах транспорта. С некоторых пор стали актуальными новые модификации некогда известных марок легковых и грузовых автомобилей. Так, например, для расчистки дорог в период летней засухи рекомендуется использовать бронированный зомби-кар с мощным щитом, установленным спереди на капоте. На скорости чуть более ста километров в час этот грузовой автомобиль с лёгкостью расчищает дорогу от орд зомби.

На все без исключения, вне зависимости от мощности двигателя, легковые машины рекомендуется устанавливать кенгурины. Это повышает шансы водителя остаться в живых и сохранить покраску автомобиля при столкновении с бродячими живыми мертвецами.

С некоторых пор среди автолюбителей стала довольно популярной карета скорой помощи, на которой можно быстро разогнать небольшую толпу зомби. Особым спросом пользуются машины со встроенным люком, через который можно, к примеру, прицельно бросать в зомби коктейли Молотова. Впрочем, люк имеет также и небольшой минус, —

зазевавшись, водитель рискует не заметить атаковавшего машину шатуна, который непременно попытается влезть в салон через люк, воспользовавшись им вместо двери.

Большой грузовик с железным крытым кузовом нёсся по ухабистой песчаной дороге, пересекавшей безжизненную степь.

К одному из узких окошек кузова примкнул покрашенный тушью глаз и нос неестественных размеров, напоминавший круглую ярко-красную картофелину. Глаз внимательно наблюдал за тем, что творится на дороге, изредка подмечая на обочинах останки ходячих мертвецов. Именно останки, поскольку на протяжении вот уже примерно тридцати километров пути, глаз наблюдателя не выявил ни одного невредимого шатуна, – практически все они были обезглавлены, а, следовательно, совершенно неподвижны и мертвы, являясь лёгкой добычей воронья и прочих стервятников. Стаи чёрных птиц с насмешливыми истошными криками кружились над останками, раздирали тела ходячих трупов в клочья, дрались за обглоданные кости, предаваясь своей птичьей вакханалии, словно потешаясь и радуясь столь бесславному концу некогда устрашающих всех и вся солдат армии мёртвых.

Заметив маленькую фигурку, которая понуро брела вдоль обочины, наблюдатель неожиданно оживился, бросился к сплошной перегородке, отделявшей кабину от кузова, и со всей силы забарабанил по ней кулаками с воплем:

– Кински-и-и-й! Остановись!..

Грузовик проехал метров двадцать и затормозил, подняв стену жёлтой пыли. В кузове очнулись ещё двое дремавших до той поры пассажиров, испуганно посмотрев на нарушителя спокойствия.

– Что случилось? – спросил один из них.

– Одевайтесь! – скомандовал наблюдатель. – Я видел девочку.

– Ну и что? – недовольно сказал второй проснувшийся. – Поехали! Нечего останавливаться из-за каждой ерунды.

– Несчастный брошенный ребёнок – это ерунда? – в ярости воскликнул наблюдатель.

– Ладно, одеваемся, – кивнул первый, нехотя потянувшись к вороху смятой цветастой одежды, скинутой в углу. – Покажем ей пару фокусов, может, у неё есть с собой что-нибудь съестное.

Наблюдатель на секунду закрыл лицо руками и вполголоса проговорил:

– Куда катится этот мир?! Что случилось с нами со всеми? Или мы больше не артисты?..

Маленькая чумазая бродяжка при виде трёх клоунов, выпрыгнувших из кузова прямо перед ней, не проявила даже намёка на испуг или недоверие. При виде их шутовских гримас и ужимок, с которыми они начали своё представление перед единственным зрителем не более десяти лет от роду, она почти сразу заулыбалась, а ещё через пять минут уже от

души смеялась и, взяв их за руки, закружилась с ними в хороводе. Три клоуна были мастерами своего дела. Они ловко надували воздушные шары, превращая их в игрушечных животных, потешно издевались друг над другом, делая подножки, влепляя оплеухи, толкаясь и падая. По ходу разученной пьесы они показывали множество нехитрых фокусов, от которых наивная девочка приходила в сумасшедший восторг.

Поспешно закончив представление, все трое раскланялись и один из них, с огненно-рыжей шевелюрой жалобно спросил:

– А теперь не угодно ли будет нашему замечательному зрителю бросить нам монетку?

В ответ девочка мгновенно изменилась в лице, потупив взгляд, и всхлипнула.

– У меня ничего нет, – сказала она. – Честно, ничего. Простите меня, уважаемые клоуны.

Рыжий переглянулся с долговязым партнёром, одетым в несуразный белый балахон, с длинным колпаком на голове и лицом, также выкрашенным в белый цвет. Тот ответил ему невыразительным взглядом, слегка пожав плечами, словно говоря: «Ну что с неё взять?»

Третий, одетый вообще непонятно во что, в идиотском сиреновом берете, с фиолетовым носом и нарисованными веснушками, долго с грустью смотрел на девчушку с тощим рюкзачком за спиной и сжимавшую в ручонках разодранного будто после нападения зомби, плюшевого медвежонка,

пока наконец не произнёс:

– Как его зовут? Миша?

Девочка мотнула головой, не поднимая глаз.

– Тедди?

– Нет.

– Может быть, Арни?

Девчушка улыбнулась и ответила:

– Зубастый.

– Странное имя, – заметил клоун в берете, многозначительно взглянув на своих спутников, и со вздохом добавил:

– Хорошо. А тебя как зовут?

– Лика, – тихо ответила девочка, осмелившись наконец поднять глаза на клоунов.

– Поедешь с нами? На дороге одной опасно.

– А куда вы едете? – спросила девочка.

– Расскажем, если согласишься.

Разумеется, иных вариантов быть не могло, и малышка, очевидно, измотанная долгим путешествием под палящим солнцем, не стала себя долго упрашивать.

– Кинский, заводи мотор! – крикнул Рыжий за перегородку в кузове и с силой стукнул по ней кулаком, словно это должно было каким-то образом стимулировать водителя.

Машина, издав рёв усталого загнанного зверя, кашлянула, заскрипела и тронулась дальше по степной дороге, понемногу набирая скорость.

Девочка забралась в свободный угол и притихла, прижав

к себе медвежонка. Пассажиры грузовика также расселись по свободным углам и некоторое время с интересом глазели на неё.

– Так куда вы едете, уважаемые клоуны? – повторила свой вопрос Лика.

– В Изумрудный город, – подал голос Белый, но Рыжий тут же сердито махнул ему рукой.

Девчушка, хитро прищурившись, сказала:

– Я не верю в сказки. Волшебство закончилось, когда... мои мама и папа...

– Не продолжай, – нахмурившись, прервал её Рыжий. – Всё понятно.

Но девочка не послушала и закончила:

– Они вступили в армию Тьмы.

– Скажи, а ты действительно не веришь в сказки? – поспешно спросил Рыжий. – Ни капельки, ну хоть чуть-чуть?

– Нет, ведь мы уже давно живём в сказке, – ответила маленькая путешественница чрезвычайно серьёзным тоном, – только в страшной. Ну, как в сказке про Снежную Королеву или Белоснежку. И верить в неё уже не требуется, всё сбылось. Вокруг ходят чудовища, и с ними борются странствующие рыцари... вроде вас.

– Не награждай нас чужими титулами, – ответил Рыжий. – Мы – шуты. Наш бродячий цирк сгорел, а мы остались.

Лика грустно улыбнулась, на минуту уделив внимание своей плюшевой игрушке. Она прошептала медвежонку

несколько слов, которые никто из клоунов не расслышал, будто тот как никто другой сейчас нуждался в её утешении. Тем не менее, все присутствующие взрослые поняли, насколько важна сейчас для малышки эта забота о её плюшевом спутнике.

Затем Лика снова обратилась к мужчинам в клоунских рядах:

– Значит, у вас был цирк?

– О да, был, бродячий Шапито, слышала о таком? – спросил Рыжий. – Мы разбивали наш шатёр возле деревень и городов и показывали ребятишкам представления. Это было не так, как ты сегодня видела. Всё было намного красивее и веселее. Но месяц назад на цирк напала орда зомбаков, начался пожар и всё сгорело. Почти все были инфицированы... ты же знаешь, как это происходит? Ты уже взрослая и умная девочка.

Лика кивнула.

– Каким-то чудом из этой адской передраги выбрались лишь мы втроём, да ещё Кинский, наш водитель.

– А как вас зовут?

– Зови нас просто, как звали все ребята, так же, как о нас писали на афишах: Рыжий, Белый и Раздолбай.

Девочка внимательно оглядела всех троих. Белый молча и безучастно смотрел на неё, напоминая мраморную статую, на которую надели простыню, а клоун в сиреновом берете вежливо, хоть и немного наигранно поклонился.

– Вы едете в город? – спросила Лика.

Рыжий посмотрел на Белого, и тот с какой-то издёвкой сурово изрёк:

– Ну, скажи ей правду, она ведь уже почти взрослая.

Рыжий ответил:

– Нет, мы едем не в город, а в крепость. Она обнесена глубоким рвом и высокими бетонными стенами – грозная цитадель, которая сопротивляется натиску ходячих мертвецов уже несколько лет. Комендант этой крепости объявил по радио турнир для всех желающих. Тот, кто победит в этом турнире, расправившись на арене со всеми зомби, и останется в живых, получит в жёны красавицу дочку коменданта и всю крепость в придачу. А это означает практически беззаботную и счастливую жизнь для победителя.

– Ах, как это интересно, – всплеснув руками, воскликнула девчущка. – Прямо как в романе про странствующих рыцарей! И что, вы все будете участвовать в турнире?

– Да, мы так решили.

– И Кинский тоже?

– Нет, Кинский отказался. Он – псих.

– Какие вы герои! – не успокаивалась впечатлительная девочка. Нет, вы не шуты, вы – настоящие воины!

Белый клоун скептически хмыкнул, а Раздолбай не нашёл ничего более умного, как отвесить новый поклон.

Неожиданно перегородку сотряс оглушительный грохот, видимо, теперь по стенке с той стороны стучал уже водитель.

– Эй, Кинский, не шали! – сердито крикнул в сторону кабины Рыжий.

В ответ из-за стенки донёлся хриплый вопль:

– Покажите мне её! Я хочу рассмотреть эту крошку по-лучше...

– Обойдётся, – отрезал Рыжий. – Крути баранку, нам нужна бензоколонка или магазин. А то застрянем в этой пустыне навсегда.

Хамоватый водитель умолк, видимо, согласившись с доводом клоуна и снова сконцентрировав внимание на дороге. Подсев к девочке, Рыжий протянул ей флягу и кусок чёрствого ржаного хлеба.

– Это пока всё, что у нас есть, – сказал он. – В ближайшем магазине постараемся найти консервы. Хотя... надежды на это мало.

Девочка жадно отпила воды из фляги, надкусила сухарь и поблагодарила.

– Теперь вы можете снять грим, господа клоуны. В нём вам, наверно, жарко.

Рыжий отрицательно покачал головой.

– Мы не будем его снимать и раздеваться, потому что надеемся встретить ребятишек, таких же, как ты... – он хотел было добавить: «и их родителей», но вовремя осёкся, – и постараемся заработать на хлеб насущный. И перестань называть нас господами, мы простые циркачи.

– И всё-таки, Рыжий, – насупившись, ответила девочка, –

постарайтесь со мной не нянчиться, как с маленькой. Я уже почти взрослая.

Она отвернулась и ещё крепче прижала к себе медвежонка.

Клоун улыбнулся и сказал:

– Знаешь, ты напомнила мне одну историю, которую рассказал мой папа, когда я был такого же возраста, как и ты.

Лица посмотрела на него, обиженно поджав губы:

– Я же сказала, что не верю в сказки!

– Может, это и не сказка, потому что отец поклялся мне тогда, что это истинная правда. Но лучше я расскажу эту историю тебе на ночь, чтобы лучше спалось, конечно, если ты согласишься её выслушать.

Параграф 9. На что способны зомби?

В одном из первых параграфов вы ознакомились с некоторыми из подвидов зомби. Исходя из этого, можно ошибочно прийти к выводу, что мы знаем, чего от них ждать. Предупреждён, значит вооружён? Отнюдь нет! Можно сказать, что чем больше мы узнаём о зомби, тем беззащитнее становимся, как ни парадоксально это звучит.

В этом параграфе мы расскажем, на что способны некоторые зомби. Бытует миф об их неповоротливости и медлительности, которую в определённом смысле компенсирует их дьявольская ярость и кровожадность, однако многие из них порой демонстрируют невероятные чудеса выносливости, ловкости и, если позволите, спортивной под-

готовки. Так, в своё время был замечен уникальный шатун, жонглировавший коктейлями Молотова не хуже любого профессионального жонглёра. Случайно он подорвал целый склад боеприпасов и обратил в бегство армию малообученных солдат. Кое-где были замечены «двухэтажные» зомби. Они становились друг на друга, как заправские эквилибристы, запугивая мирных граждан одним своим видом. Но рекорд антипопулярности побил шатун, ходивший на руках, поскольку он был лишён обеих ног. С тех пор дурную славу приобрели бродячие цирки, поскольку эксцентричность свободных артистов невольно приравняла их к шатунам.

Спустя час тряски по пыльной дороге, Кинский неожиданно остановил грузовик.

– Эй, чего встал? – сердито окликнул его Белый клоун.

– Гляньте на дорогу, – прохрипел водитель, и все трое с любопытством прильнули к оконцам кузова.

На обочине явно происходило что-то, напоминающее серьёзную потасовку. Посреди кузова лежала груда всевозможного оружия: огнестрельного и холодного. Рыжий и Белый выбрали себе из неё по карабину, а Раздолбай вооружился огромным, по-настоящему цирковым тесаком. Затем клоуны вылезли наружу и тут же стали свидетелями необычного зрелища, которое и заставило их водителя дать по тормозам. Впереди на обочине от толпы шатунов отбивалась ещё одна тройка простых смертных, двое мужчин средних лет и одна девушка лет двадцати пяти в джинсовом костюме. Их окру-

жали с десятков зомби, стекавшихся сюда со всех сторон, видимо, благодаря своему дьявольскому чутью. Один из мужчин с крашеными синими волосами и девушка были вооружены автоматами, стреляя по шатунам короткими очередями, а второй, более крупного телосложения, умудрялся использовать и автомат, и топор, ловко удерживая его в левой руке, которой, видимо, орудовал не хуже, чем правой. Он лихо отсекал живым мертвецам, введённым во временный ступор дозой свинца, их, в большинстве своём, до омерзения обезображенные головы.

Рыжий вспомнил о множестве обезглавленных трупов, лежавших вдоль дороги, и понял, что, скорее всего, это дело рук той самой героической троицы. Судя по всему, их действия были на редкость слаженны и натренированы, но шатунов отнюдь не становилось меньше, и было видно, что незнакомцы начинают выдыхаться. Одежда мужчин насквозь промокла от пота, а на измученное лицо девушки вообще нельзя было смотреть без сострадания.

Рыжий подошёл к кабине грузовика и постучал прикладом карабина по закрытой двери. Оконный проём сбоку был заварен листовым железом, а лобовое стекло прикрывала толстая решётка, так что водителя было практически невозможно рассмотреть. Шофёр приоткрыл дверь, но всего лишь на несколько сантиметров, так как полностью раскрыться ей не позволяло что-то вроде цепи, сдерживающей дверь изнутри.

– Слушай, Кинский, – сказал клоун, заглянув в узкий проём. – Разгонись и попробуй раздавить толпу зомбарей. По-моему этим ребятам справиться с ордой.

– Это ещё зачем? – сварливо пробурчал водитель. – Ты же знаешь закон, наша хата с краю!

– Ну хотя бы затем, что у них может быть вода. Мы возьмём её с них за помощь.

Поразмыслив несколько секунд и, похоже, согласившись с замыслом клоуна, Кинский захлопнул дверь и дал газ. Грузовик разгонялся медленно, но верно, и наконец, раскочегарившись до более-менее сносной скорости, въехал в толпу неповоротливых шатунов, подминая и прессуя их кости под огромными колёсами.

Рыжий с Белым направились в сторону бойни, стреляя по самым агрессивным шатунам, пытавшимся подобраться к ним поближе, а Раздолбай проявлял чудеса ловкости, отсекая тем головы своим тесаком. Девочка с медвежонком в руках следовала за ними на безопасном расстоянии, посматривая в то же время по сторонам, чтобы к ней не подобрался какой-нибудь коварный зомби.

Трое незнакомцев смогли наконец перевести дух и встретили спасителей с самым искренним радушием. Вшестером они довольно быстро смогли добить оставшихся выживших шатунов и крепко пожали друг другу руки. Девушка с нежностью привлекла Лику в свои объятия и расцеловала, будто родную дочь.

– Ну, мужики, – сказал один из незнакомцев, тот, который орудовал автоматом и топором, – скажу вам честно, никогда так не был рад клоунам, как сегодня! Вы нам круто помогли.

– Не стоит благодарности, – махнул рукой Рыжий. – Мы рады познакомиться с нормальными людьми, да ещё с такими серьёзными бойцами.

– Мы боролись, это правда. Но патронов почти не осталось, а размахивать одним топором в степи, кишасей зомбями, дело не самое благодарное.

Раздолбай, засунув тесак за пояс, наигранно поклонился девушке и по-аристократически поцеловал ей руку.

– Вы откуда и куда? – спросил Белый.

Незнакомцы, казалось, ненадолго замялись, прежде чем ответить на этот вопрос.

– Зовите меня Панк, – наконец ответил мужчина с волосами, выкрашенными в синий цвет. – А мои друзья – Ян и Цибела. Мы... пришли с востока, идём на запад. На данный момент цель у нас одна: найти колёса, бензин, запастись водой и провиантом и закатиться в какой-нибудь тихий городок, обнесённый высокой бетонной стеной, так как в мегаполисах, говорят, сейчас очень небезопасно.

– А мы – Рыжий, Белый и Раздолбай, а вот эта малышка – Лика. Наш цирк сгорел, и мы направляемся в крепость... в Кербер.

– Жениться на дочери коменданта, – вставила Лика, и все трое клоунов не удержались от смеха.

– Ну, на всё воля Провидения, – ответил Рыжий, хитро щурясь. – Мы хотя бы поучаствуем в турнире.

– Они прямо как рыцари, – шепнула девочка Цибеле. – Храбрые и отважные!

– Значит, у вас ничего нет? – спросил Белый, неодобрительно посмотрев на двоих мужчин.

– Ну почему же ничего, пара консервов в мешке найдётся, – ответил Панк.

– Всё, что мы можем предложить, – обратился к нему Рыжий, – это глоток воды и место в кузове, как говорится, в тесноте да не в обиде. Если я не ошибаюсь, где-то впереди должен быть супермаркет, а за ним – крепость, куда мы едем. Там, откуда мы держим путь, располагается зона торнадо и смерчей. Можно сказать, за нами следует один сплошной смерч, иссушающий реки, убивающий всё живое на своем пути, – жуткая картина для тех, кто её видел, скажу я вам, и укрыться от него можно только в крепости.

– Смерч? – переспросил Панк, оглядываясь по сторонам. – Я бы назвал это ураганом, который забрал души миллионов.

– Это слишком громко сказано, – заметил его спутник по имени Ян. – Поначалу в прессе это называли эпидемией, вполне реальной инфекцией.

– Ну да, кто-то из ботанов ещё пытался доказать, что это мутировавший вирус, – поддакнул Белый. – И он убивает не только людей, но и всё живое. Растения гибнут, реки высы-

хают, шатуны собираются в толпы и шествуют в одном направлении, причём тоже на запад.

– Но дело в том, что с востока действительно наступает разрушительный смерч, – сказал Рыжий. – Те, кто наблюдал эту природную аномалию, конечно, на почтительном расстоянии, попросту сходили с ума. Они говорили, что видели, как разверзлась земля под целыми городами и даже мегаполисами, а потоки воздуха сверхъестественной силы уносили ввысь машины и людей, будто те были игрушечными.

– Не пугайте малышку, ей и так до чёртиков страшно, – произнесла Цибела, прижимая к себе девочку, однако та попыталась отстраниться от её объятий, и, нахмурившись, ответила:

– Я уже почти взрослая, и мне не страшно. Всё самое-самое страшное уже позади.

– Ну, может, всё-таки не будем ждать смерча и отправимся в путь, пока не начало темнеть? – предложил Ян, взглянув на водительскую кабину. – А ваш водила неплохо «упакован». Защита от шатунов?

Клоуны не ответили, только предложив жестом следовать за ними в кузов.

Проходя мимо закрытой кабины, Рыжий стукнул по ней кулаком и громко крикнул:

– Кинский, мы едем дальше!

Солнце начинало клониться к закату, и степь понемногу окрашивалась в тяжёлые рыжевато-красные, под стать буй-

ному парикю клоуна, тона, напоминая виды с марсианских фотографий. Кругом простиралась унылая однообразная пустыня, почти лишённая растительности.

С полчаса, трясясь в кузове, они разговаривали на самые разные темы, связанные как с явлением зомби, так и их прежней, некогда мирной, спокойной и реалистичной жизнью до Армагеддона. Белый клоун проявил крайне необычную для себя словоохотливость, травя какие-то нелепые цирковые байки и рассказывая мрачные анекдоты, то и дело стреляя глазами в сторону Цибелы, прикорнувшей на плече Панка.

Рыжий сидел рядом с Ликой, сняв наконец свой парик и пластмассовый нос, чем обнаружил довольно привлекательную внешность молодого человека лет тридцати и развлекал её разнообразными фокусами, пока она со снисходительной улыбкой не напомнила ему:

– Классные фокусы, но ты обещал мне что-то рассказать перед сном.

– Ах да! – воскликнул он, собирая пышный веер из игральных карт и ловко пряча их в потайной карман своего оранжевого балахона. – Для начала скажи мне, знаешь ли ты, кто был первым человеком, высадившимся на Луне?

– Да, знаю, – гордо сказала девочка. – Американец Нил Армстронг.

– Ха-ха, как бы не так! Первым человеком на Луне был наш с тобой соотечественник Арчибальд Вершинин, быв-

ший работник цирка Шапито, в котором служил и мой отец. Видишь ли, у нас старинная цирковая династия, и в нашем роду были жонглёры, фокусники и даже эквилибристы. В 1969 году ему было десять лет, когда он услышал эту историю от первоисточника, то есть от самого Вершинина. Я родился в том же Шапито в 1996 и спустя ровно десять лет отец рассказал мне ту же самую историю. Их обоих уже давно нет в живых, но история великого подвига, который совершил Арчибальд Вершинин, слетав на Луну, осталась жить. И сейчас ты её услышишь.

Рыжий говорил вполголоса, так, чтобы не привлекать внимание остальных, видимо, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что этот рассказ не для ушей взрослых.

– Арчибальд родился необычным человеком, – продолжил клоун спустя минуту, дабы восстановить старинную, почти забытую историю в памяти во всех деталях. – Он был лилипутом, не более семидесяти сантиметров ростом. Как ты знаешь, эти люди не вырастают, даже когда взрослеют. И если остальные лилипуты переживают свой недостаток относительно сносно, для бедняги Арчибальда это была трагедия. Мало того, что в цирке его с самого детства пинали ногами, толкали, посмеивались, – может, и не всерьёз и не со зла, но знаешь, какие эмоции порой переполняют души уязвимых людей? Помимо этого, когда ему стукнуло двадцать, он влюбился на свою беду в одну из первых красавиц бродячего цирка, эквилибристку Ванессу Шлеер. Поверь мне, она

знала себе цену, но странное дело, когда он признался ей в любви, накопив денег на громадный букет цветов, она не отшила его сразу, как и должна была поступить. Нет, она дала ему шанс – на первый взгляд, недостижимый и, в общем, он был равносителен отказу. Но Ванесса была хитра и решила сохранить расположение лилипута хотя бы на первое время. В общем, она сказала, что выйдет за него замуж, только если он слетает на Луну и привезёт ей настоящий лунный камень. Ты скажешь, что это было форменное издевательство, и мы доподлинно не знаем, что ей было нужно от низкорослого доходяги. Известно лишь, что у Арчи был серьёзный соперник – шапитмейстер Буратинни...

Услышав это имя, Лика запрокинула голову и весело рассмеялась, чем ненадолго привлекла внимание остальных пассажиров грузовика.

– Зря ты смеёшься, – изобразив обиду, пожурил девочку Рыжий. – У него действительно была такая фамилия. Впрочем, неважно, дело не в этом. Только шапитмейстер поклялся, что выживет несносного лилипута из цирка, или он не шапитмейстер... Надо сказать, что с тех самых пор дела у Арчибальда круто не заладились. В цирке Буратинни имел большую власть, и ему ничего не стоило делать лилипуту гадости, даже не прикладывая к этому особых усилий. На исходе каждого тяжёлого дня, отягощённого придирками шапитмейстера, ему оставалось возвращаться в свою каморку, где у него был один единственный друг – дрессированный

гусь Рузвельт. Они ложились спать рядышком, и гусь ласково накрывал его одним крылом, под которым Арчи сладко засыпал. И так проходили дни за днями... – Рыжий украдкой покосился на Лику, чтобы проверить, не уснула ли она под его тихий вкрадчивый голос, но девочка посмотрела на него вполне ясными и заинтересованными глазами и сказала:

– Так что же было дальше?

– Дальше? Арчи был безутешен, и жизнь постепенно превращалась для него в кошмар, когда одно событие неожиданно изменило всё. В один прекрасный день возле разбитого шатра цирка остановилась чёрная машина. Из неё вышли двое людей в штатском в сопровождении ещё двоих в военной офицерской форме. Вначале они прошлись вдоль вагончиков, приглядываясь к артистам. Судя по всему, представление их совсем не интересовало. Они прибыли сюда по другой причине. Директор цирка и шапитмейстер сразу пропали, словно провалились сквозь землю, однако директора быстро нашли где-то неподалеку от каморки Арчи – он был слишком велик ростом, чтобы спрятаться под крылом Рузвельта. Шапитмейстеру повезло больше – его друг-фокусник успел спрятать его в одном из ящичков для распиливания тел и выкатил прямиком на арену, где блюстители закона его, конечно, не заметили. Впрочем, беспокоились наши герои напрасно, потому что неожиданные гости явились лишь затем, чтобы забрать с собой Вершинина. Стоит ли говорить, как отлегло от сердца у директора, который, видимо, уже пред-

ставлял, как его увозят по этапу куда-нибудь в Сибирь. А уж радости шапитмейстера вообще не было предела, когда он узнал, что лилипута забирают, скорее всего, навсегда.

Несчастный Арчибальд даже не успел попрощаться с Ванессой и гусем и только услышал себе вдогонку жалобный крик Рузвельта, когда его запихнули в машину и увезли в неизвестном направлении.

– Куда же его увезли? – прошептала девочка, слушая клоуна с неподдельным живым интересом.

– Его везли несколько суток, пересаживая из машины в машину, с одного поезда на другой, но обращались с ним достаточно учтиво. На вопрос, куда всё-таки его везут, ему отвечали, что это секретная информация, но скоро он всё узнает. Наконец его привезли в открытую степь, где находился... что бы ты думала? Космодром! Он оказался в зоне закрытого доступа в окружении невозмутимых людей в штатском, в офицерских мундирах и белых халатах. Там же он увидел и нескольких лилипутов, таких же, как и он сам, – ростом не выше семидесяти сантиметров. Они также ничего не знали о причине своего насильственного препровождения в запретную зону и лишь разводили руками на его вопрос. Отнюдь не все они оказались циркачами, и в отличие от Вершинина, привыкшего лазать по канатам, смертельно боялись высоты.

Настал момент, когда в сопровождении нескольких учёных и одного генерала перед ними возникла высокая широкоплечая фигура человека в шляпе и кожаном пальто с

приятным лицом и сосредоточенным взглядом добрых глаз. Оглядев всех лилипутов, он улыбнулся и спросил, не хотят ли они стать первыми космонавтами на Луне? Само собой, никто из них не поверил своим ушам, но незнакомец настойчиво повторил свой вопрос, объяснив свой выбор маленьких людей небольшими размерами лунохода, который должен был управляться вручную на поверхности спутника Земли с целью собрать образцы лунного грунта. По словам незнакомца, сделать это мог только живой человек. Главный конструктор, – а это был он, – пояснил, что операция по высадке живого человека на Луну будет засекречена, поскольку на данном этапе им нужен только грунт для исследований. А это значит, что о совершившемся подвиге мало кто узнает, и мировая слава им не светит, но герой, вернувшийся с Луны, будет до конца жизни как минимум обеспечен материально. Конструктор признался, что полёт будет небезопасен, но кто не рискует, тот, как говорится, не пьёт шампанского. Как рассказывал Арчи, практически все лилипуты пришли в ужас от такой перспективы. На лице одного Вершинина застыла глупая счастливая улыбка. Он навсегда запомнил тот момент, когда главный конструктор подошёл к нему, склонившись, как добрый великан, и ласково похлопав по плечу, спросил:

– Ну, а ты, парень, тоже боишься слетать к звёздам?

Сердце бешено заколотилось у него в груди, и Вершинин ответил:

– Я полечу! Я буду на Луне.

– И ты вернешься, обещаю, – уверенно воскликнул конструктор, обняв его, будто родного и на мгновение оторвав от земли.

Рыжий умолк на секунду, посмотрев на Лику. На её лице застыло бесконечное восхищение перед храбростью и мужеством лилипута, который не преминул пойти на явный риск ради достижения своей заветной цели.

– Он поставил всего одно условие, согласившись на полёт – его возлюбленная, Ванесса Шлеер должна быть официально осведомлена о его предстоящем полёте, и ей должны быть предоставлены все возможные доказательства его участия в космическом проекте, включая запись на киноплёнку. На какой-то момент ему показалось, что он запросил слишком много, но главный конструктор отнёсся к его просьбе со всей серьёзностью и пониманием ситуации, дав слово, что его условие будет исполнено. Через неделю на космодром привезли и Ванессу, и Вершинин виделся с ней в коротких промежутках между тренировками и медицинскими обследованиями. В такие моменты они беседовали о звёздах, безмерном космосе и, конечно, россыпях лунных камней, один из которых он должен был ей подарить в день, когда она согласится стать его женой.

Наконец наступил тот долгожданный момент, когда ракета должна была вывести космический корабль Вершинина в космос, отправив его на Луну. Запуск ракеты прошёл успеш-

но. Арчибальд довольно легко пережил перегрузки, поборов в себе страх и шок перед неизвестностью и бездной космоса, открывшейся ему, когда ракета вывела его корабль на орбиту.

Он оказался совсем один, беззащитный перед этой чёрной бездной, полагаясь лишь на надёжность техники. Корабль был невелик, но вдобавок ко всем неудобствам, Арчи должен был провести всё время, сидя в луноходе. Он летел четверо суток, исполняя все предписания и четко радируя Центру управления о том, как проходит полёт, когда корабль достиг окололунной орбиты и на специальном лунном модуле Арчибальд спустился на поверхность одного из лунных морей. Моря на Луне являются большими участками с относительно ровной поверхностью, поэтому там лучше всего «прилуняться». Из модуля Арчи с триумфом выехал на своём луноходе и прокатился «с ветерком» по поверхности моря. Конечно, на Луне не бывает ветров, но зато гравитация там намного меньше, чем на Земле, так что на поверхности морей можно устраивать хорошие гонки.

– А он не видел там лунатиков? – спросила Лика.

– Кого?

– Жителей Луны, ну или инопланетян?

Рыжий рассмеялся:

– Отец рассказал мне, что в своё время он спросил у Арчибальда о том же, и тот поклялся, что ничего подобного не заметил. Хотя он и заикнулся, что, возможно, на обрат-

ной стороне спутника Земли что-то и существует, поскольку ему постоянно казалось, что за ним будто кто-то следит. Итак, прокатившись на луноходе, сделав несколько снимков на фото и кинокамеру, собрав несколько килограмм лунного грунта и, конечно, водрузив над лунной поверхностью флаг Советского Союза, Вершинин поскорее вернулся на модуль, а затем и на корабль, который спустя ещё четверо суток наконец-то доставил его обратно на Землю.

– Надо же, какой он молодец! – воскликнула Лика, которая, судя по блеску глаз, была уверена в правдивости рассказа клоуна.

– Я подхожу к концу истории, – сказал Рыжий, отводя взгляд. – И должен тебе сразу сказать, что финал её оказался не слишком весёлым. Разумеется, вся команда учёных во главе с главным конструктором встретила его со всеми почестями – он получил даже звезду героя Советского Союза и, можно сказать, купался в славе несколько дней. Конечно, первое, что он сделал – это преподнёс Ванессе кусочек лунного грунта, само собой, прошедшего предварительный карантин, добился от неё согласия на обещанный брак и попросил главного конструктора быть свидетелем на его свадьбе. Они сыграли свадьбу прямо там, на космодроме и, возможно, должны были прожить счастливую совместную жизнь, если бы не вернулись в родной Шапито. После медового месяца они продолжили там привычную работу, ибо ни один настоящий циркач не откажется от дела всей своей жизни,

насколько бы она ни была опасна, но во время одного из представлений Ванесса сорвалась с троса, упала с головокружительной высоты и разбилась.

– Что! – в ужасе выкрикнула девочка, и все пассажиры грузовика удивленно уставились на неё.

На глазах Лики выступили слёзы и покатались по щекам, она больше не могла произнести ни слова. Рыжий ласково погладил её по голове и сказал:

– Не плачь, малышка. Порой в жизни так бывает, и даже у тебя всё самое страшное уже позади, верно?

Лица с трудом подавила в себе судорожный плач, вытерла ручонками слёзы и закивала клоуну.

– Что было... дальше? – немного заикаясь, спросила она.

– Вершинин не знал, сможет ли он жить без своей погибшей возлюбленной, но каким-то образом пережил эту боль от утраты со всем мужеством, которое было ему свойственно. Ходили упорные слухи о том, что несчастный случай подстроил мстительный шапитмейстер, но не прошло и недели после трагедии, как случилась ещё одна. Участвуя в одном из фокусов своего друга-иллюзиониста, шапитмейстер застрял в одном из потайных ящиков, и фокусник случайно (а может быть, и нет) проткнул его шпагой. Так что его похоронили вслед за Ванессой на том же кладбище. Вершинин год спустя рассказал по секрету эту историю моему отцу, а тот рассказал её впоследствии мне. И знаешь, зачем я рассказал теперь её тебе, Лика?

Девочка, всхлипнув, помотала головой.

– Потому что ты не веришь в сказки, а они, порой, сбываются... и не только страшные.

Рыжий замолчал, подмигнув Лике. Девочка обняла плюшевого мишку, сильнее прижав его к себе.

– Но чтобы тебя хоть как-нибудь утешить, малышка, – добавил Рыжий, – я скажу тебе, что каким-то удивительным образом в цирке у Вершинина с тех пор заметно прибавилось друзей. Никто его больше никогда не пинал, не толкал и не насмехался, и обращались к нему всегда только уважительно и со всей добротой, на какую только были способны окружавшие его люди. Иногда по ночам, когда Луна появлялась на небе во всей своей красе и на её видимой стороне можно было различить большинство морей, на одном из которых Арчибалд в своё время побывал, он выходил из своей каморки вместе с самым закадычным и преданным другом, гусем Рузвельтом и рассказывал ему о том незабываемом полёте, который он совершил на борту космического корабля, чтобы привезти своей любимой обломок лунного камня, навсегда связавшего их сердца.

Вскоре девочка, окончательно успокоившись, уснула, склонив голову на плече Рыжего, но так и не выпустив из рук плюшевого мишку.

Параграф 10. Как удивить своих непрошенных гостей неожиданным приёмом, если они ещё способны удивляться.

В предыдущем параграфе вам стало известно о том, на

что способны некоторые зомби, чтобы удивить или напугать вас. А теперь мы расскажем, чем вы можете удивить их. Во-первых, мы не станем принуждать вас взлетать ввысь, как эквилибристы, вставать друг на друга или жонглировать ножами. Немногие из вас это могут.

Однако можно устроить настоящий фейерверк. Для этого нужно запастись канистрой бензина или чем-то огнеопасным. Когда зомби приблизится к вам на расстояние вытянутой руки, облейте его бензином и подожгите. Вы сделаете из него пугало для других заражённых. Он побежит в их сторону, а те будут убегать от него. Таким образом, вы на время избавитесь от всей оравы зомби.

После того, как Лика заснула, грузовик проехал ещё с часа полтора и остановился. Клоунов это не удивило, они поняли, что Кинский остановился на ночлег. Он вёл машину целый день, сидя в душной и раскалённой от солнца кабине, и имел полное право на отдых. Они по-прежнему находились где-то в степи, которая теперь погрузилась в ночную тьму.

Белый клоун закрыл почти все узкие прорези окон самодельными ставнями изнутри, оставив всего одно под самой крышей, как отдушину. На памяти бродячих циркачей бывали случаи, когда зомби умудрялись просовывать свои костлявые руки сквозь щели оконных проёмов-бойниц, пытаясь добраться до них тонкими хищными пальцами. Для защиты от таких настырных упырей и были сделаны железные став-

ни.

После этого Белый под покровом темноты попытался добраться до тощего рюкзачка спящей девочки, собираясь основательно в ней порыться, но получил сильную затрещину от бдительного Рыжего. Белый клоун метнул на него злобный взгляд, но промолчал.

В дальнейшем ночь прошла без эксцессов. Рыжий проснулся раньше всех перед самым рассветом. Он снова открыл все окна-бойницы и стукнул кулаком по перегородке.

– Кинский, проснись! – крикнул он, разбудив заодно и всех остальных.

Водитель что-то сердито пробурчал в ответ, но спустя пять минут всё-таки завел мотор, и грузовик снова двинулся дальше по степной дороге, растолкав на своём пути капотом несколько встречных шатунов, стоявших как пугала и бессмысленно размахивавших руками под стать каким-нибудь ветряным мельницам.

Клоуны уже давно стёрли весь грим с лиц, но оставались всё в тех же цирковых нарядах, видимо, на случай возможного представления. Одно время они забавляли своих новых спутников весёлой тренировкой – толкались, жонглировали, показывали фокусы, создав в парилке кузова, быстро нагретого под ярким утренним солнцем, атмосферу беззаботного веселья. Особенно всё это радовало Лику и Цибелу, в то время как двое мужчин взирали на это с интересом, но не без некоторого скепсиса. Наконец Ян занялся разборкой и

чисткой своего «калаша», а Панк начал вести какие-то подсчёты карандашом на скомканном клочке бумаги.

– Что вы пишете? – поинтересовалась у него Лика, когда клоуны, вдоволь отрепетировав, снова устало расселись по своим местам.

– Видишь ли, малышка, я учёный, – ответил Панк. – И чтобы не заржаветь в этих условиях, мне также, как и твоим друзьям, надо тренироваться, но только в математике.

– А что вы изобрели?

– Ну, до изобретений пока ещё не дошло. Но одну ракету я уже построил.

– Вы хотели полететь на Луну? – заинтересованно спросила девочка.

– Ну Луну? – удивился Панк, а Ян саркастически хмыкнул. – Нет, мне бы не хватило запасов топлива, но с одного космического корабля мы всё-таки отстыковались.

Внезапно Кинский дал по тормозам, так что доктор Панк выронил из рук карандаш, закатившийся под грудку оружия, и из-за стенки донёсся грубый хриплый бас:

– Вылезайте, мы приехали!

Рыжий осторожно открыл дверь и высунулся наружу. Его лицо обдал порыв горячего суховея с востока, взметнувшего столб степной пыли. Грузовик стоял на пустынной площади какого-то провинциального городка; в нескольких метрах находилась относительно прилично сохранившаяся бензозаправка, а чуть дальше – обугленные развалины двухэтажно-

го здания, которое, по-видимому, когда-то выполняло функции местного универсама. Над городом кружилась крикливая стая ворон – довольно заурядный антураж для подобных покинутых и разграбленных провинциальных городков.

Все семеро пассажиров, не забыв вооружиться, вылезли из кузова, и, озираясь по сторонам, направились к заправке. Пока ничто не говорило о возможной близости шатунов.

Неожиданно Раздолбай заголосил:

– А вот и я, а вот и я, а вот и я! Нашим и вашим – за копейку спляшем!

– Заткнись! – прикрикнул на него Белый.

– Тут могут быть люди, – обиженно откликнулся Раздолбай.

– Ага, как же! Никого тут нет, разве только шатуны бродят по развалинам.

– Может, мы пока пройдемся в магазин? – предложил Панк, указав на обгоревший остов здания впереди.

– Думаешь, там что-то ещё сохранилось? – спросил Рыжий.

– Ну мало ли? Например, консервы. Они же не горят.

– Ладно, идите, а мы пока проверим бензоколонку. Лица, побудь пока с Кинским. Только не слушай, что он будет тебе говорить, он – идиот.

– Хорошо, – послушно кивнула девочка.

Панк, Ян и Цибела довольно быстро скрылись в утробе полуразрушенного здания универсама, а клоуны оцепили

бензозаправку. Пока Белый осматривал окрестности, Рыжий с Раздолбаем, проверили все колонки одну за другой, но в итоге лишь развели руками – бензина в них не оказалось.

Лица от нечего делать обошла грузовик кругом, пытаясь заглянуть через решётку, которой было забрано лобовое стекло, но так и не смогла разглядеть лица водителя. Неожиданно он сам открыл дверь кабины, но так, чтобы в проёме оставалась лишь небольшая щель. Через неё, казалось, водитель молча некоторое время рассматривал девочку, стоявшую в нескольких шагах от него.

Наконец, набравшись храбрости, она первая завела разговор:

– Вам не жарко? Вы хотите пить?

Таинственный водитель промолчал, видимо, наблюдая за клоунами, о чём-то оживлённо переговаривавшимися между собой.

Затем он нарушил молчание глухим низким басом:

– Бензина нет... Облом!

Внезапно дверь кабины раскрылась полностью, и девочка увидела мужчину, вцепившегося обеими руками в рулевое колесо. На вид ему можно было дать лет тридцать пять-сорок. Чёрные волосы на небритом худом лице были взъерошены, глаза смотрели на Лику с какой-то озлобленной насмешкой из-под нахмуренных кустистых бровей.

Водитель, оглядев девочку, добавил:

– О, да ты красавица!

– Рыжий сказал мне не слушать вас...

– А ты всё равно слушаешь, – съязвил Кинский и сделал движение, точно хотел спрыгнуть с водительского сиденья, но ему будто что-то помешало, и он остался на месте.

Лица расслышала какое-то бряцанье, – любопытство в ней пересилило страх, и она подошла на несколько шагов ближе к кабине. Лишь тогда она увидела, что от запястий рук и лодыжек ног водителя тянулись железные цепи, которые, видимо, и удерживали его в кабине всё это время. Он был буквально прикован к приборной панели.

– За что они так с вами?.. – в изумлении спросила Лица.

– За что?! Наверно, бояться, – ответил Кинский с каким-то безумным смешком. – Зато я могу закрыться сам изнутри от зомбарей, и хрена они до меня доберутся.

Несколько секунд водитель не сводил с девочки странного упёртого взгляда, затем сказал:

– Сколько тебе лет?

– Десять, – ответила та.

– Прекрасный возраст. Ты могла видеть всё в радужном цвете, а вместо этого видишь всё в кровавом. У тебя ведь тоже крыша едет, а? Или уже съехала?

Лица насупилась, стараясь не смотреть на странного шофёра.

– Знаешь, что, – добавил тот. – Мы с тобой в чём-то похожи. Хочешь я буду тебя охранять?

– Как странствующий рыцарь-спаситель? – с надеждой в

голосе спросила девочка.

– Ну да, типа того! – закивал водитель, скаля неровные зубы. – Ты вырастешь, и когда тебе стукнет восемнадцать, ты выйдешь за меня замуж, мы будем жить долго и счастливо и умрём... почти в один день, – Кинский уставился на совершенно растерявшуюся Лику и вдруг истерически захохотал.

Отголоски этого тупого ржания, видимо, достигли ушей Рыжего, потому что он заторопился назад к машине. В этот момент со стороны универсама раздалась короткая очередь из автомата. Спустя минуту из дверей магазина вылетели все трое их новых спутников, отстреливаясь от кого-то, кого пока не было видно за стенами обгоревшего здания. По их жестам и выражению лиц, клоуны поняли, что их преследуют зомби и рванули к машине огромными неестественными прыжками, проявляя потрясающие гимнастические данные.

– Заводи! – проорал Рыжий Кинскому, и тот схватился за ключ зажигания, однако грузовик не отреагировал.

Мотор заупрямился, упорно не желая заводиться.

Теперь стали уже видны несколько фигур рослых и весьма прытких шатунов, направлявшихся следом за тройкой беглецов. Неожиданно Лика заметила ещё несколько неуклюжих силуэтов, возникших с другой стороны площади. Те тоже явно почуяли близость добычи и, прихрамывая, брели прямо на грузовик.

Кинский, яростно ругаясь и кляня старый грузовик по чём свет стоит, пытался завести машину, но безуспешно.

Рыжий подбежал к кабине и крикнул:

– Что случилось?

– Ничего, просто в баке мало топлива, – бросил в ответ водитель. – Вот и не заводится. Где топливо, чёрт вас, клоунов, возьми!

Внезапно Раздолбай, указав рукой в сторону, заверещал:

– Там ещё десяток! Они идут со всех сторон! Смотрите, сколько их!

Рыжий ловко взобрался с подножки на капот, а с него и на кабину грузовика и огляделся.

– Ого! – воскликнул он. – Их тут сотни, и все идут сюда. Учужали нас, сволочи!

– Надо делать ноги, – хладнокровно констатировал Белый. – Мы не сможем противостоять целой сотне. Это невозможно, нам рук не хватит отбиваться.

К тому времени к ним подбежали их новые спутники, взмокшие и раскрасневшиеся от бега.

– Их в магазине около полусотни, – известил Панк. – Мы ничего не нашли, зато зомбарей там...

– Грузовик не заводится, – ответил Рыжий. – Надо спастись бегством... Короче, ноги в руки – и вперёд.

Цибела присела на корточки от изнеможения и, казалось, была готова разрыдаться, но её поддержала на удивление собранная Лика, обняв и погладив её по голове.

– Надо бежать, но куда? – спросил Ян, глядя в сторону ближайших шатунов, до которых оставалось не более пяти-

десяти метров.

– Если соберёмся в группу, то пробьёмся через тех, – Рыжий указал на отдалённую толпу внешне не слишком активных шатунов, – и продолжим путь на запад. Нам надо добраться до крепости.

– Рыжий, – сказал Белый клоун, мрачно посмотрев прямо ему в глаза. – Ты прекрасно знаешь, что в крепость не пускают детей. И с нами она не пойдёт!

Несмотря на грозившую опасность и прилив адреналина, все взрослые внезапно застыли на месте, посмотрев на Лику. Девочка услышала слова Белого, но, казалось, не уловила их страшный и жестокий смысл.

Рыжий бросился перед ней на колени и обнял с чрезмерной силой, ненароком причинив ей физическую боль, от чего та громко вскрикнула, попытавшись отстраниться.

– Лику, прости меня, но... это правда, – на глазах клоуна блеснули слёзы. – Мы надеемся спастись в крепости, но детей они действительно не берут. Экономят на всём... Дети для них обуза.

Внезапно Кинский яростно забренчал цепями и завопил:

– Снимите с меня цепи, ублюдки! Куда это вы все?..

– Можешь оставаться, – крикнул Рыжему Белый, – а мы с Раздолбаем уходим.

Клоуны с карабинами наперевес метнулись в сторону за-слона из «ленивых» зомби. Панк, Ян и Цибела мгновение будто колебались, но в итоге последовали за клоунами. Кин-

ский отпустил им вслед несколько отборных ругательств и перевёл весь свой гнев на Рыжего.

– Сними замки с цепей! – провизжал он. – Или дай мне ствол, я покончу собой.

Видимо, Рыжий слишком хорошо знал о тёмной стороне надломленной психики своего водителя, поэтому даже не отреагировал на его призывы.

Клоун остался рядом с девочкой, обхватив её за плечи.

– Я в ответе, – едва слышно прошептал он, будто самому себе.

Они увидели, как отколовшаяся от них группа их бывших товарищей, образов нечто вроде «клина» прорывается сквозь толпу шатунов. Зомби вблизи от смертных становились заметно агрессивнее и, самое главное, грозили подмять их одной своей массой, поскольку их становилось с каждой минутой всё больше и больше – они будто крысы выползали из самых скрытых и незаметных щелей города, обуреваемые яростью и голодом, двумя чувствами, которые, собственно, и превращали ходячих мертвецов в сущих монстров. Рыжий заметил, как один из шатунов изловчился и укусил Раздолбая, у которого переклинило пулю в стволе карабина. В один миг, толпа зомби набросилась на него, и несчастный непутёвый клоун исчез под месивом голодных шатунов. Что случилось с остальными, Рыжий так и не понял.

– Этот долбаный старый пылесос так и не будет заводиться?! – проорал Кинский, гремя цепями и молотя кулаками

по приборной панели, как вдруг машина, к их общему изумлению, завелась.

– В машину, мигом! – рявкнул Кинский, захлопывая свою дверь.

Лица, вскрикнув от восторга, влетела вместе с Рыжим в кузов, и грузовик, неистово взревев, помчался по площади, беспощадно давя шатунов на своём пути.

Поезд-призрак

Параграф 17. Кто есть кто?

Ходят нелепые слухи о том, кто же сочинил известное учебное пособие «Почти всё о зомби», книгу, являющуюся настольной для многих выживающих простых смертных, книгу, занимающую самые высокие места во многих книжных рейтингах, книгу, побившую рекорды популярности и сравниваемую с самыми известными шедеврами современности, такими как: «О этот жуткий, жуткий мир», «Быт и социум в эру Армагеддона», «Они идут» и «Они уже здесь», а также «Справочник по разновидностям зомби».

Некоторые злые языки утверждают, что автор сей рукописи – псих и параноик, обкурившийся наркоман, сбежавший из палаты №6. Другие полагают, что это опытный учёный и естествоиспытатель, посвятивший жизнь изучению и систематизации способов борьбы с зомби.

Мы должны сказать, что и то и другое верно в той же степени, как и неверно, если вы понимаете, о чём мы говорим, уважаемый читатель. Автор хотел бы только дать одну подсказку для тех особо настойчивых искателей, кто желает разобраться в этом вопросе. Читатель, ты можешь встретить автора данной книги в любой момент, даже об этом не подозревая, на улице, в общественном транспорте, в кинотеатре, в чате, среди болельщиков хоккея, на

сцене Малого театра, в зале Большого, в прокуренном шалмане или на выставке картин. Короче говоря, этим автором можешь быть ты сам. И если ты об этом узнаешь, то очень удивишься.

Передавив на своём пути по меньшей мере с дюжину ша-тунов, грузовик проехал пару километров по пустынной, испещрённой трещинами и выбоинами, магистрали, и Кинский притормозил, не выключая двигатель.

– Будем ждать отставших? – проорал он.

Рыжий переглянулся с Ликой.

– Будем их ждать? – спросил у неё клоун. – Ну, Раздолбая мы теперь точно не дождёмся, а вот остальных...

– Если хотите знать моё мнение, – прохрипел шофёр, – я бы забил на этих уродов, пусть топают пешком.

– Вы очень жестоки и бесчеловечны, господин Кинский, – строго сказала девочка.

– О, я жесток не по-детски, малышка, – ответил водитель.

– Ну, Белого, может, брать и не стоило бы, но других-то можно, – заметил Рыжий.

– Внимание! – вдруг воскликнул Кинский. – Навстречу нам едет «скорая». Предлагаю остановить и отобрать у них бензин.

– Нет, нет! А если они везут больного? – запротестовала Лика. – Мы лишим его скорой медицинской помощи!

– Чёрта с два они везут больного, – рявкнул шофёр. – В этих-то дебрях?.. Рыжий, бери ствол и выходи на дорогу, жи-

во, иначе мы застрянем тут навсегда. Или сними с меня цепи, я всё сделаю сам.

– Нет уж, лучше я, – со вздохом сказал клоун, выпрыгивая из кузова с карабином в руках.

Скорая приближалась довольно медленно, видимо, из-за нежелания водителя растерять все колёса на ухабистой дороге. Рыжий вскинул карабин, направив дуло на лобовое стекло микроавтобуса, и, заметив это, его водитель притормозил. Уверенности ему явно недоставало, зато Рыжий, до того момента не испытывавший особой охоты останавливать скорую, почувствовал, что удача на его стороне и сделал несколько твёрдых шагов вперёд. Медицинский автофургон остановился в нескольких метрах от грузовика. Внезапно обе передние двери открылись, и из кабины выскочили мужчина и женщина в белых халатах, – у обоих в руках было по одноствольному ружью. Мужчина выстрелил первый, и у самых ног Рыжего откололся большой кусок асфальта. Это был не прицельный, а предупредительный выстрел, но Рыжий понял, что не рассчитал своих возможностей – преимущество было у медиков, которые, видимо, просто не пожела-ли давить его на машине, но были настроены не менее бескомпромиссно, чем сам клоун.

– Брось карабин! – скомандовал мужчина. – И отойди в сторону. Дай нам проехать. Иветта, держи его на мушке!

– Конечно! – ответила девушка в стерильном халате. – Я не промахнусь.

– По-моему, это не «изгой», но я могу и ошибаться, – сказал медик, наставив дуло своего ружья на кабину грузовика. – Если ваш водила шевельнётся, первая пуля попадет в него, вторая – в тебя.

– Что ж, как вам будет угодно, – проговорил Рыжий, осторожно положив карабин на асфальт и отходя на обочину. – Наш водитель безоружен. Мы просто хотели предостеречь вас, чтобы вы не ехали в ту сторону.

– Это ещё почему? – подозрительно спросил врач.

– Там орды зомби, мы сами с трудом оторвались. Ну, и не буду скрывать, мы хотели попросить у вас немного бензина.

– У нас самих его почти не осталось. Так что давайте разойдёмся по-хорошему, кровопролитие нам не нужно. В конце концов, мы – врачи, – ухмыльнулся медик.

– Без проблем. Езжайте, если хотите, но вы найдёте там только выжженную землю и толпы ходячих мертвецов.

– Мы это проверим, и, если что, всегда успеем повернуть назад.

– Смотрите сами, – ответил Рыжий, в глубине души довольный оттого, что ему не пришлось проливать кровь таких же живых нормальных людей, как и он сам, да к тому же ещё и врачей.

Как знать, не придётся ли когда-нибудь ему обратиться к ним за помощью?

– Поверьте, мне жаль, что я не могу помочь вам с бензином, – сказал медик.

– А если обмен? Хотя... у нас почти ничего нет, кроме фляги воды и сухарей. Но... с нами маленькая девочка.

Словно в доказательство его слов, из раскрытой двери кузова появилось чумазое личико маленькой пассажирки грузовика.

– Не дави на жалость! – выкрикнула спутница врача. – Игорь, нам надо ехать.

– Сочувствую, но помочь ничем не смогу, – смущённо обронил медик и отступил назад к фургону.

Они с медсестрой запрыгнули обратно в кабину и по свободной полосе отправились дальше в направлении городка, наводнённого зомби.

– И всё-таки мне жаль бедную девочку, – произнёс доктор Стаменов, когда грузовик остался далеко позади. – Дети в наше безумное время страдают больше всего.

– Она не одна, – ответила Иветта, – а вместе со взрослыми. С ней всё будет в порядке... Ты думаешь, тот парень был прав насчёт того, что нам не стоит туда ехать?

– Я хочу это проверить, – сказал Игорь. – В каждом крупном городе должна быть больница, ну или хотя бы медпункт. Нам нужно специально оборудованное помещение, в фургоне продуктивно вести исследования невозможно, ты это знаешь. Нам нужно искать помещение, искать его всюду, где только возможно, и не слушать никого. А уж первого встречного я точно слушать не собираюсь.

– Ты вёл себя очень мужественно, – заметила Иветта, вос-

хищённо посмотрев на доктора.

– Мы должны вести себя мужественно, милая, иначе мы погибнем, – ответил Стаменов.

Внезапно он разглядел впереди на шоссе какое-то оживление и расслышал несколько выстрелов. По дороге навстречу им, отстреливаясь от толпы преследовавших их на удивление прытких зомби, бежали несколько человек, один из них был наряжен в белый клоунский балахон.

– Нужно возвращаться, – сказал доктор, притормаживая и разворачивая фургон. – Видимо, город реально наводнён шатунами.

Трое мужчин и одна девушка были уже всего метрах в двадцати от «скорой помощи», и до Игоря и его спутницы донеслись их жалобные крики. Внезапно Стаменов дал по тормозам.

– Ты что? – спросила медсестра.

– Там живые люди. Надо их подобрать.

– Игорь, нет, ты с ума сошёл! Это могут быть бандиты, мародёры или убийцы. Не нужно этого делать!

Доктор в ярости взглянул на медсестру.

– Знаешь, о чём я подумал? Только так зомби одолеют нас! Только если мы будем разобщены, тем самым, опираясь на свой эгоизм и вероломство, мы выроем себе огромную могилу и столкнём в неё друг друга.

Иветта промолчала, стиснув зубы, не найдя, что на это возразить.

– Открой заднюю дверь, – приказал Стаменов.

Иветта не без колебания выполнила волю доктора и дождалась, пока все четверо беглецов не запрыгнут в фургон, после чего захлопнула дверь, и Стаменов нажал на газ.

Отдышавшись, один из мужчин с крашеными синими волосами поблагодарил медсестру. Иветта вернулась на своё место в кабине, но села, развернувшись лицом к незнакомцам, крепко держа в руках ружьё.

– Ещё немного, и они бы нас достали, – сказал тот, кто сразу удосужился поблагодарить своих спасателей. – У нас почти закончились патроны...

– Что ж, будем знакомы? – добродушно сказал Стаменов, покосившись на напрягшуюся медсестру. – Меня зовут Игорь, а это – Иветта.

– Я Панк, просто Панк, не удивляйтесь. Мои друзья: Ян и Цибела. А этот мрачный клоун...

– Неважно, говори за себя, – огрызнулся Белый.

– В городе много зомби? – спросил Стаменов.

– Там их больше, чем тараканов в старой «хрущёвке», – ответил Панк.

– Где же теперь искать медпункт? – проговорил доктор.

Расслышав его слова, Белый подал голос:

– Километрах в ста отсюда на запад должна быть крепость. Там есть всё, должен быть и медпункт. Думаю, там с радостью примут врачей. Кстати, Панк тоже доктор.

– Ну, скорее, я доктор технических наук, – уточнил тот.

– Что ж, – ответил Игорь, – делать нечего, едем на запад.

Кинский втопил педаль газа, и грузовичок, скрипя и пых-тя, казалось, из последних сил покатился по шоссе. По пути эксцентричный шофёр долго возмущался и пытался доказать своим пассажирам, что будь у него ствол, он бы сделал из «скорой помощи» решето и спокойно отобрал бы бензин.

Ли́ка набралась храбрости и парировала ему, что, исходя из его намерения продырявить фургон, если бы дробинка с искрой пробила бензобак, то произошло бы возгорание и никакого бензина бы им не досталось, соответственно, стрелять надо аккуратнее. Ненадолго Кинский умолк, то ли согласившись с доводом девочки, то ли просто уйдя в свой собственный безумный внутренний мир, но вскоре снова разразился новым залпом проклятий в адрес Рыжего, проехавших мимо медиков и, в целом, всего Армагеддона, будь он неладен. В конце своей тирады он добавил, что «горючки» осталось километров на десять, не больше, и заявил, что съезжает с шоссе на просёлок.

– Это ещё зачем? – с недовольным удивлением спросил Рыжий. – На какой ещё просёлок?

– Кто из нас водила? – крикнул Кинский. – Может, сядешь за баранку вместо меня, умник? Вы, циркачи, сами меня сюда посадили, так что помалкивай в тряпочку, трубадур.

– А что, если я вышибу дробом тебе все мозги? – угрожающе изрёк клоун, и Ли́ка испуганно посмотрела на Рыжего.

– Валяй, храбрец. Сделай своё дело! Могу даже притормозить ради такого случая.

– Что ты задумал, зачем сворачивать? – сменив тон на более миролюбивый, спросил Рыжий.

– У меня есть кое-какие наброски, планирование, мотивация, – словно издеваясь, деловито ответил шофёр. – К тому же, я знаю, что впереди на сотню километров нет ничего, кроме степи. Те обдолбанные медицинским спиртом врачи улепётывали оттуда так быстро, как только могли, поэтому ехать в данном направлении было бы не совсем логично, согласен? Зато я вижу справа насыпь железной дороги и просёлок, ведущий вдоль неё. И ещё я нутром чую, что нам туда. Где-то там жизнь, продукты, докторская колбаса, копчёности, красная и чёрная икра, консервированные томаты в банках... там жизнь, дружище!

– Икра?... – пролепетала, закатив глаза от голода, Лика.

– Не слушай его, он бредит, – сказал клоун.

– Хотя... – добавил он спустя минуту. – Делай что хочешь, Кинский. Может, мы там что-то и надыбаем.

Рыжий подумал о том, что в первую очередь им необходима вода, – без неё они долго не протянут. Полфляги воды на троих – это смешно. Даже голод не столь страшен, как жажда при сумасшедшей жаре, которая в душном кузове ощущалась особенно мучительно. Клоун не переставал удивляться необыкновенной стойкости маленькой девочки, которая проявляла невероятную выдержку и силу воли, и, глядя на

неё, ему хотелось самому собрать остатки сил и улыбнуться перед лицом смертельных невзгод и лишений, хотя пару раз за день он был на грани обморока от усталости и обезвоживания. Девчушка тихо сидела, прижав к груди своего медвежонка по кличке Зубастый, и ни разу даже не всхлипнула.

Как и предрёк Кинский, машина заглохла минут через пятнадцать, и завести её больше не удалось. Рыжий с Ликой покинули кузов, и клоун открыл дверь кабины со стороны водителя.

Кинский вперил в него суровый взгляд и сказал:

– Ну вот и всё, приехали! Снимай с меня цепи, циркач, живо!

Рыжий не спеша оглядел окрестности. Их грузовик стоял на грунтовой дороге, тянувшейся вдоль железнодорожного полотна. Вокруг не было ни души и ни одного силуэта шатуна, что можно было назвать большим плюсом в сложившейся ситуации. Присмотревшись, клоун разглядел вдалеке крышу какого-то здания, примостившегося у железной дороги.

– Там какой-то полустанок, – тут же прокомментировал Кинский. – На это я и рассчитывал. Посмотрим, что там? Может, раздобудем воды.

– Ну, тогда мы с Ликой сходим, а ты пока сиди, – сказал Рыжий.

Шофёр уставился на него изумлёнными глазами и в ярости заорал во всю глотку:

– Ты что, очумел?! А ну-ка быстро освободи меня, грёба-

ный Пеннивайз!

– Правда, – проговорила девочка, с удивлением и тревогой взглянув на клоуна, – мы не можем его тут бросить!

– Конечно, малышка, вы не можете! – вопил Кинский, пытаясь вырваться из крепких стальных оков.

Внезапно цепь, удерживавшая его правую руку, оборвалась, однако остальные всё ещё надёжно держали его в кабине.

– Не психуй, Антон, – Рыжий впервые при Лике назвал его по имени, на всякий случай отойдя подальше.

– Сними цепи, парень, – злобно прорычал шофёр. – Не знаю, что тебе наговорил про меня Белый, но всё это – полная чушь.

– Он говорил, что тебе нельзя доверять, – ответил Рыжий. – Со мной ребёнок, и я бы не хотел подвергать его риску.

– Вот поэтому ты и должен меня освободить, – наставительно заявил Кинский. – Втроём нам будет легче выжить.

Клоун посмотрел на Лику, и понял по выражению её лица, что станет для неё злейшим врагом и чудовищем, если оставит Кинского одного здесь умирать.

– Ладно, Антон. Я тебя освобожу, но учти, что оружие я тебе не дам. В дальнейшем держись от нас подальше, иначе получишь пулю в лоб. Я наслышан о твоих фокусах.

Рыжий собрал в кузове самое необходимое, включая карабин с патронташем и небольшой топор, и, подойдя к каби-

не, бросил Кинскому ключи от замков. Шофёр быстро скинул с себя цепи и, спрыгнув с подножки на землю, с наслаждением потянулся.

– А о каких фокусах? – прошептала Лика.

– Потом скажу, – понизив голос, ответил Рыжий.

Размяв конечности, Кинский удовлетворённо посмотрел на странную парочку: клоуна и девочку, глазевших на него, словно на дикого зверя, случайно выбравшегося из клетки, от которого можно было ожидать всего, чего угодно. Он был среднего роста и широк в плечах. В потёртых джинсах и неопределённого, ближе к сиреневому, цвета майке, пропитанной потом, он производил далеко не самое приятное впечатление, которое усугублял его мрачный испытующий взгляд из-под нахмуренных бровей. Он улыбнулся Лике, но эта улыбка отнюдь не смягчила общее выражение его лица, – в ней было что-то отталкивающее, циничное и издевательское. А взгляд, которым он смерил клоуна, был просто изничтожающим и презрительным.

– Мне нужен ствол, – сказал он.

Рыжий отрицательно покачал головой, и Кинский, пренебрежительно махнув рукой, быстрым шагом направился по дороге к зданию, видневшемуся вдалеке. Клоун и девочка, соблюдая безопасную дистанцию, двинулись за ним.

– Так что за фокусы? – напомнила Лика.

– Белый говорил, что он маньяк и убийца. Он опасен, и ему нельзя доверять.

«Хотя, – заметил Рыжий про себя, – особо доверять нельзя было и Белому».

Когда они дошли наконец до железнодорожной станции, Кинский уже успел обойти весь перрон, заглянув во все мусорные ящики, и собирался начать обследование самого здания. Он определённо не терял зря времени и с недружелюбной усмешкой демонстративно погрозил Рыжему увесистым ломом, который выдернул из поваленной железной ограды за станцией. На перроне не было ничего интересного. Суховей гонял по асфальту пустые пластиковые бутылки, которые недавно вытряхнул из ящиков сам полоумный шофёр, обрывки целлофановых пакетов и прочий никчёмный сор.

В небольшое здание станции вёл зияющий проём без дверей, обломки которых валялись неподалёку.

– Заглянем внутрь? – спросил Кинский. – У тебя карабин, иди первым.

– Сам иди, – отрезал Рыжий.

Ему очень не хотелось, чтобы безбашенный водила огрел его сзади ломом по голове.

– Отличная у нас команда собралась, ничего не скажешь, – съязвил шофёр. – И вот так мы собираемся вместе выживать!

– Я тебя прикрою. Да и нет здесь никаких шатунов.

– Их всегда нет, только они вечно откуда-то появляются, как скорпионы! У меня нет никакого желания быть укушенным, так что сделай сальто и вкатывайся туда первым, цир-

кач!

Видя, что никто из взрослых мужчин не хочет уступать, Лика, спрятав медвежонка в рюкзачок и закинув его за спину, со вздохом шагнула в полумрак проёма, держа наготове топор. Рыжий с ужасом рванулся вперёд, забыв об опасности, исходившей от шофёра, и нагнал девочку уже в зале ожидания. Кинский медленно вошёл следом.

На первый взгляд, помещение казалось пустым. Исцарапанный пол так же, как и перрон, был завален обломками досок и всевозможным хламом; несколько скамей, на которых когда-то пассажиры терпеливо ожидали прибытия поезда, опрокинуты. Окошко кассы было открыто. Заглянув внутрь, Рыжий разглядел скелет в женской одежде. Он до сих пор не мог привыкнуть к таким вещам, хотя, казалось бы, это уже давно стало обыденностью. Кинского, напротив, скелет как будто нисколько не пугал. Безо всякой брезгливости он обшарил комнату кассы, однако и там не нашлось ничего ценного.

В углу зала примостились пара продуктовых автоматов: один для напитков, второй для сладостей. Стекло в первом было разбито, и всё содержимое давно кем-то успешно извлечено – ещё одно поражение. Лика, приуныв, остановилась перед вторым автоматом, за стеклом которого были выставлены пакетики с конфетами – все почему-то с причудливыми надписями на китайском языке.

– Хочешь леденцов? – спросил у неё Рыжий.

Лица со скорбным видом помотала головой – она очень хотела пить, а конфеты могли только усилить невыносимую жажду.

Кинский встал рядом с ними и неожиданно нанёс удар ломом по стеклу автомата. Просунув руку, он вытащил несколько пакетиков со сладостями и молча сунул их в рюкзак девочки. Подмигнув ей, он сказал:

– Ничего интересного, жжёный сахар и красители, но в хозяйстве всё пригодится.

Неожиданно со стороны перрона до них донёлся какой-то странный гул.

– Что это? – с удивлением спросил Рыжий. – Это похоже... на поезд. Но это невозможно!

Они выбежали на перрон и, к своему изумлению, действительно разглядели в мареве над железнодорожной насыпью локомотив пассажирского состава. Он стремительно приближался к станции с востока и остервенелый лязг его колёс, скользивших по рельсам, становился всё громче. В какой-то момент всем троим показалось, что поезд на полном ходу пронесётся мимо них, не обратив никакого внимания на пыльный провинциальный полустанок, как вдруг он начал притормаживать и вскоре весь состав остановился.

Параграф 7. Как отвлечь ваших гостей.

Мы уже сообщали о том, как можно предохраниться от укусов этих мерзких тварей и о том, как бывает полезен коктейль Молотова, конечно, если вы точно попали в цель.

А теперь расскажем о том, как можно отвлечь зомби. Если у вас под рукой есть дистанционный пульт управления телевизора или музыкального центра, тут же включите их на полную громкость. Зомби никогда не спят, поэтому сделайте это немедленно. Возможно, вы введёте их в заблуждение, и зомби нападут на телевизор. Лишь после этого следует воспользоваться средствами, перечисленными в Параграфе 3. Вы без сомнения доставите удовольствие непрошеным гостям своим любезным обходительным приёмом.

На поезд было жалко смотреть. Возможно, когда-то он и входил в число лучших комфортабельных экспрессов, перемещавших сотни пассажиров из одного конца большой страны в другой. Но теперь он мог лишь встать в длинную очередь на заводе переплавки. Можно было только подивиться, каким образом он ещё передвигается по рельсам? Почти все окна поезда были выбиты, металл внешней облицовки вагонов пестрел отверстиями и вмятинами от пуль. Видимо, в своё время этот состав оказался в эпицентре боевых действий, однако уцелел, и это было не менее поразительно и необъяснимо, чем сам факт его остановки на полустанке. Казалось, этот скорый поезд вырвался из недр самого ада, и теперь ждал новых пассажиров, чтобы продолжить свой долгий опасный путь в «никуда».

Трое беглецов долго вглядывались в пустые тёмные окна вагонов, пытаясь что-то в них разглядеть, но так ничего и не заметили. Не было слышно и голосов тех, кто мог путе-

шествовать на этом поезде по уцелевшим веткам некогда гигантской паутины железнодорожных сообщений. Можно было предположить, что в кабине локомотива есть хотя бы тот, кто им управлял, но по какой-то причине он также не спешил появляться у них на виду. Во всём этом было что-то загадочное и пугающее, так что даже гиперактивный Кинский на время потерял дар речи.

Наконец, потеряв себе затылок конечником лома, он произнёс:

– Что будем делать? Прокатимся на поезде, сэкономим на такси?

Рыжий настороженно вглядывался в сумрачный проём одного из окон, как вдруг ему показалось, что там промелькнула какая-то тень.

– Ты уверен, что это хорошая идея?

– Эй! – воскликнул шофёр, улыбнувшись. – А ведь там может быть вода. В каждом вагоне стоит бойлер. Чёрт возьми, я бы не отказался от стаканчика фирменного чаю в железном подстаканнике.

– Точно, – согласился Рыжий. – Хотя сомнительно... Что-то мне в этом поезде не нравится.

– Отставить разговорчики и вперёд! – скомандовал Кинский. – Ты идёшь, Лица?

Девочка не решилась последовать за шофёром, хотя чувство жажды становилось более чем невыносимым. Антон сделал несколько бодрых шагов к составу, как вдруг застыл,

заметив фигуру человека, появившегося в проёме раскрытой двери одного из вагонов. С виду это была проводница в запачканном пятнами крови, тёмно-синем форменном костюме, которая неуверенно, будто пьяная, спустилась из тамбура на перрон и неуклюже направилась навстречу Кинскому, простерев перед собой костлявую руку. Шофёр попятился назад, сообразив, что эта встреча не могла ограничиться одной проверкой билетов. По мере того, как проводница приближалась, стали отчетливо видны синяки и язвы на её сером мраморном лице и вывалившийся синий язык. Её слипшиеся от крови и грязи волосы, торчали в разные стороны клочьями, а правый глаз смотрел куда-то вбок, тогда как левый – в упор на обомлевшего шофёра, что придавало ей крайне несуразный и отталкивающий вид.

Когда между ними осталось всего несколько шагов, проводница внезапно оживилась и с каким-то мерзким дьявольским хрипом набросилась на Кинского, попытавшись достать до него своей пятернёй с длинными бордовыми ногтями. Увернувшись от этого выпада, Антон нанёс ответный удар по голове зомби длинным ломом, но это, казалось, лишь раззадорило её, и она начала наступать на него, растопырив руки в стороны, будто собиралась заключить его в смертельные объятия.

– Стреляй в неё! – закричал Кинский Рыжему, однако тот был отвлечён появлением ещё нескольких живых мертвецов, выпрыгивавших в эту минуту из дверей и окон вагонов.

Вероятно, поезд был битком набит шатунами, и все они, выйдя из какой-то спячки или ступора, только начинали активизироваться, почуяв близость добычи. Антон неистово размахивал ломом перед лицом проводницы-зомби, чем злил её ещё больше. Она, шипя и хрипя, постепенно заставляла его отступать всё дальше и дальше, как вдруг обо что-то споткнулась и распласталась на щербатом асфальте у самого поезда. Кинский проявил невероятную сноровку и за пару секунд не без помощи лома откатил её тело к краю перрона и столкнул на рельсы под колёса состава.

В этот момент поезд тронулся с места, перерезав тело проводницы пополам. К тому моменту из состава вылезли уже с два десятка на редкость агрессивных и бойких шатунов. Клоун сделал несколько выстрелов, ненадолго остановив ближайших к ним упырей, и, схватив Лику за руку, быстро догнал Кинского, застывшего у края перрона. Последний вагон уже должен был вот-вот пройти мимо них, в то время как из остальных продолжали вываливаться голодные злобные шатуны, ориентируясь на троицу слабо вооружённых простых смертных.

Внезапно Кинский указал на крышу последнего вагона и закричал:

– Лезем наверх! На крышу!

Идея была отчасти безумной, но толпа целеустремлённых шатунов на платформе станции также не располагала к лёгкому времяпрепровождению в течение последних часов, ес-

ли они вообще сумеют от них отбиться. С другой стороны, Рыжий обладал навыками эквилибриста, и на его профессиональном счету было покорение и не таких отвесных стен, поэтому он не заставил себя долго упрашивать. Он ловко вскарабкался на крышу вагона, подхватил девочку из рук Кинского, а уж затем помог взобраться и ему.

Тем временем поезд набирал скорость, и не прошло и минуты, как заброшенный полустанок, наводнённый зомби, остался далеко позади, в мареве и клубах дорожной пыли. Однако выяснилось, что праздновать победу ещё рано – к вагону прицепились несколько, видимо, самых голодных и сильных шатунов, и каким-то сверхъестественным образом, словно у них на руках были присоски, начали вскарабкиваться на крышу следом за беглецами. Получалось у них это очень неплохо с учётом того, что, определённо, мало кто из них в своей предыдущей жизни работал в цирке.

Кинский отчаянно наносил удар за ударом своим ломом, кромсая и раскалывая черепа шатунов, пытавшихся взобраться наверх, в то время как Рыжий, не уступая ему в сноровке, орудовал одновременно карабином и топором, который он забрал у Лики. За несколько минут упорной борьбы, им удалось-таки сбросить с крыши почти всех упырей. Последний шатун двухметрового роста с ручищами, возможно, когда-то принадлежавшими атлету в тяжёлом весе, едва не застал их врасплох, поднявшись на крышу с другого конца вагона, но Лика героически вступила с ним в откры-

тую схватку, воспользовавшись, возможно, самым экстраординарным оружием, какое только было известно в истории войн – пачкой китайских леденцов идеально круглой формы, окаменевших за годы хранения в продуктовом автомате, просто-напросто швырнув сахарные шарики шатуну под ноги. Поскользнувшись на них, как на крупных дробинах, упырь скатился по покато́й крыше вагона, улетев в глубокий кювет.

Мимо потянулись однообразные степные пейзажи, и, хотя беглецы чувствовали себя невероятно разбитыми от усталости, голодными и разомлевшими от нещадной жары и жажды, они разлеглись на раскалённой от солнца крыше вагона и весело рассмеялись.

В свете последних событий, когда они вышли победителями, объединив усилия, Лика прониклась к чудаковатому шофёру если не симпатией, то сдержанной разумной доверительностью, несмотря на реплики Рыжего, который, казалось, тоже несколько поменял к нему своё отношение, и девочка попыталась завязать с ним разговор.

– Так значит, вас зовут Антон? – спросила она.

– Да, малышка, – ответил Кинский, прикрыв рукой глаза от солнца. – Так меня зовут. Запомни это имя!

– А вас, господин Рыжий?

– Ну, если тебе интересно, Григорий, – ответил клоун.

Он вытащил из рюкзака девочки три запечатанных пакетика с конфетами и, встав в полный рост, начал мастерски

ими жонглировать.

– К вашим услугам, – продекламировал он, имитируя манеру представления циркового конферансье, – Григорий Беломорро, последний представитель династии, входящей в десятку лу-у-учших клоунов мирового цир-р-рка!..

– Беломорро, – хмыкнул Кинский. – А ваш Белый что, из династии Черноморро?

– Между прочим, я действительно был лучшим, – обиженно заметил Рыжий, бросая пакеты обратно в рюкзак. – По некоторым рейтингам.

– Друзья, – восторженно и торжественно сказала Лика, – я рада, что мы вместе, и предлагаю остаться навсегда лучшими друзьями. И пусть мы будем прокляты и провалимся сквозь землю, если когда-нибудь друг друга предадим.

– А ведь хорошо сказано! – воскликнул Кинский. – А что, я согласен. Чтоб мы провалились сквозь крышу этого вагона прямо в лапы зомбарям, если мы друг друга предадим! Мы уже прошли боевое крещение, и теперь у нас нет другого выбора – или друзья, или враги!

Рыжий скептически посмотрел на шофёра.

– Я за друзей! – радостно вскрикнула девочка.

– Мы не будем скреплять нашу дружбу кровью, – сказал Антон, – это банально.

Он поставил свой лом стоймя, положив на верхний конец правую ладонь.

– Возложите свои руки поверх моей, друзья мои, – объ-

явил Кинский, – и пусть никто и никогда не разорвёт узы нашей искренней дружбы. Это будет союз Трёх! Союз троих странствующих рыцарей-джедаев, бросивших вызов судьбе, всем шатунам на свете и Арамагеддону, в частности!

Лица шлёпнула по тыльной стороне его руки своей ладошкой, а после полуминутного колебания с тяжёлым вздохом на её ручонку опустил свою ладонь и Рыжий.

– Союз Трёх! – воскликнул Кинский, внезапно сбрасывая их руки со своей, вскакивая на ноги и поднимая лом ввысь подобно рыцарскому мечу. – Ура и к чёрту!

Лица залилась задорным счастливым смехом и начала весело пританцовывать на крыше вагона, пару раз едва не скатившись вниз, а Рыжий подумал о том, как удивительно быстро и неуловимо всё меняется в этой сумасшедшей жизни. Вот теперь и Кинский – в числе его друзей. Союз трёх: клоун, малолетняя девчонка и, возможно, маньяк-убийца – это не шутки!

Параграф 3. Как достойно принять гостей.

Достойно принять ваших зомбированных друзей, напросившихся в гости, можно следующим образом. В первую очередь, вам нужно запастись простейшим набором инструментов, необходимых в хозяйстве, как то: моток крепкой изоленты, молоток, длинные гвозди, несколько больших столовых ножей, по возможности, надёжная аккумуляторная дрель с запасом шурупов-саморезов. Всё перечисленное должно быть у вас под рукой. Помните о том, что лучшая

защита – это нападение, и медлить с ним не стоит. В результате правильных и выверенных действий, ваши непрошенные гости наверняка будут немало удивлены эффективностью столь скромного арсенала перечисленных средств.

Кинскому быстро наскучили танцы на крыше вагона, и в голову ему пришла новая безумная идея.

– Локомотивом кто-то управляет, – сказал он, указав в сторону тепловоза, временами издававшего бессмысленные протяжные гудки. – Ведь не может же быть, чтобы он ехал сам по себе.

– А если этот поезд – тоже зомби, – предположила Лика. – В него, как в тело шатуна, вселился нечистый дух, и он едет сам по себе, подбирая по дороге попутных зомби.

– Да? Поезд-призрак? И едет он, вероятно, на зомби-курорт, – невозмутимо подыгрывая девочке, добавил Кинский. – Ну, конечно, сезон отпусков, как я мог забыть!

– Локомотивом может управлять «изгой», – предположил Рыжий.

– И всё же я бы хотел посмотреть, кто в кабине, – ответил Антон. – Может, там обычный человек и... может, там есть вода, еда, оружие? Рискнём, Беломорро?

– Я пас, – ответил Рыжий. – Мы с Ликой останемся здесь.

– Ладно, всё приходится делать самому! – пробурчал Кинский. – Дай мне хотя бы топор. Кто знает, может, там действительно «изгой».

Рыжий нехотя протянул неумолимому шофёру топор, и

тот, не теряя времени, направился к краю вагона. Остановившись перед первым просветом между вагонами, он оглянулся и сказал:

– Жалко, нет рации. Я бы сообщил тебе, если меня ранят зомбари... Поезд, видимо, скоро разгонится до двухсот километров в час, так что мы можем запросто проехать крепость. Я остановлю поезд. Всегда мечтал это сделать! Заодно хорошенько встряхну всех этих шатунов. Поэтому держитесь и не падайте с крыши, ребята.

Лица нахмурилась, и её глаза увлажнились.

– Береги себя, Антон! – сказала она.

– Ради тебя, малышка, я постараюсь, – ответил Кинский и перепрыгнул на следующий вагон.

Он ретиво рванул вперёд, бесстрашно перескакивая с крыши на крышу длинного состава, пока не оказался перед закруглённой, лишённой каких бы то ни было выступов для спуска, крышей локомотива. Спуститься с неё в переднюю кабину без наличия серьёзного альпинистского снаряжения, было практически невозможно – он просто соскользнул бы вниз безо всякой надежды удержаться на поручнях, установленных слишком низко, у двери кабины. Отважиться на такой трюк мог только безумец, а Кинский при всей своей эксцентричности таковым всё же не являлся.

Более безопасным способом проникнуть внутрь представлялось через лобовое окно задней кабины машиниста. Оказалось, что под самым окном расположены продольные по-

ручни. Держась за край пассажирского вагона, Кинский на секунду завис над сцепкой, затем сполз вниз, ухватившись одной рукой за поручень, так что его голова поравнялась с лобовым окном. Стекла в нём не было, так что не пришлось даже его разбивать. Подтянувшись на поручнях, Антон протиснулся в окно и очутился в пустой задней кабине. Видимо, тут всё было так же, как и в передней – пульт управления с циферблатами и тумблерами, несколько рычагов для управления тормозной системой и тягой и контроллер, напоминающий автомобильный руль.

Кинский посмотрел в боковое окно, за которым проносились выжженные солнцем, пожелтевшие поля и луга, заросшие буйной осокой и бурьяном. Поезд несомненно уже развил скорость под добрых двести километров. Новый пронзительный гудок напомнил Антону о его основной цели – раздобыть воды и разузнать, кто управляет локомотивом. О местонахождении водяного резервуара для охлаждения дизеля он имел крайне поверхностное представление, поэтому без помощи машиниста, очевидно, ему было не обойтись. Кинский покинул тесную кабину, оказавшись в тамбуре, в котором уже не было такой звукоизоляции, как в кабине, и отчетливо расслышал гул, доносившийся из машинного отделения.

Заглянув туда, он едва не оглох от грохота дизельной установки. Огромный массивный двигатель мощностью не менее трёх тысяч лошадиных сил, находился в центре локомоти-

ва, обойти его с обеих сторон можно было по узкому проходу, который и вёл к передней кабине машиниста. Кинский начал с трудом протискиваться по этому тесному коридору, как вдруг увидел прямо перед собой шатуна в каких-то грязных отрепьях, показавшего ему язык характерного синего оттенка. Глаза зомби яростно поблёскивали в полутьме дизельного отделения. Он повернул к Антону свою перекошенную физиономию, перемазанную в масле и копоти, и, раскрыв рот под стать голодному крокодилу, заковылял к нему, протянув перед собой руки с крючковатыми пальцами.

Кинский бросился наутёк по коридору с противоположной стороны двигателя и неожиданно упёрся в закрытую дверь. Тот, кто был в кабине, очевидно, заперся изнутри. Антон с криками отчаянно забарабанил в дверь ломом, в то время как шатун медленно приближался к нему по коридору. Проход был настолько узок, а потолок низок, что рослый упырь постоянно на что-то натёкался и останавливался, что дало Кинскому некоторое время в запасе. Он выхватил из-за пояса топор и приготовился к открытой схватке, которая грозила стать роковой, поскольку увернуться от кишущих опасными бактериями ногтей и зубов инфицированного и перехватить инициативу в столь тесном помещении было бы очень сложно без наличия огнестрельного оружия. Но отступить было уже некуда и оставалось одно – драться до последнего.

Кинский застыл с ломом в одной руке и небольшим топо-

ром для колки дров – в другой, как вдруг за его спиной что-то лязгнуло, и дверь приоткрылась. Кто-то выглянул из-за неё, схватил Антона за рукав и выдернул его из машинного отделения в тамбур, захлопнув дверь прямо перед носом у зомби.

Кинский увидел низкорослого коренастого человечка преклонных лет в синей форме машиниста.

– Ты кто? – спросил тот, настороженно оглядев его с ног до головы. – На шатуна вроде не похож.

– Слушай, батя, – сказал Кинский. – Я ваш новый машинист.

Человечек усмехнулся и поманил Антона за собой.

Они вошли в кабину, компоновка которой мало отличалась от той, через которую в локомотив влез Кинский – таковой же пульт управления и два кресла для машиниста и его помощника. Все окна были целыми, и шофёр увидел колею железной дороги, несущуюся в пыльную безмятежную даль вдоль бескрайних, лишённых жизни равнин.

Машинист указал Антону на кресло слева, а сам занял правое с рычагами для торможения, установленными у него под рукой.

– Ну, рассказывай, «машинист», как ты сюда попал? – весело спросил человечек.

– По распределению из ПТУ, – ляпнул Кинский. – Слушай, батя, ты мне лучше скажи, куда ты едешь?

Антон не сводил глаз с машиниста, но по всем призна-

кам тот не принадлежал к низшим кастам «зомби». Конечно, он мог быть «изгоем», но пока не выказывал ни малейшей агрессивности и той чрезмерной искусственности, имитации чувств, свойственной этому коварному подвиду живых мертвецов.

– Да сам не знаю, парень, – ответил машинист, внезапно надавив на гудок сирены. – Куда-нибудь, где не так светит солнце...

Кинский посмотрел на колею дороги, куда был устремлён бдительный взор машиниста, и увидел впереди одинокую фигуру, стоявшую на шпалах и, видимо, не собиравшуюся уходить на пути у несущегося поезда.

– Шатун? – спросил Кинский.

– Скорее всего.

Машинист издал ещё несколько предупредительных гудков, но упрямый прохожий, кто бы он ни был, так и не сошёл с места, когда локомотив на бешеной скорости снёс его с колеи мощным метельником.

– Круто! – воскликнул Антон. – И частенько бывают такие столкновения?

– Да изо дня в день, а ночью их не перечесть.

– Не жизнь, а сплошное приключение!

– Вся жизнь наша – дорога, – устало ответил человек. – У меня был помощник, Никитка, но его цапнул зомбарь, и теперь он охраняет дизель.

– Надо сказать, успешно, – промолвил Кинский, вспоми-

ная неожиданную встречу в машинном отделении. – Слушай, батя, а как насчёт воды?

В ответ машинист стукнул ногой по канистре, стоявшей на полу.

– Вода имеется, но она для обслуживающего персонала. Если останешься у меня в помощниках, будет вода. Если нет, то извини. Это пассажирский поезд, я должен довести всех в целости и сохранности. Согласно технике безопасности, машинист должен быть в норме. Я тут отвечаю за всё, малец!

– Это понятно, но какие, к чёрту, пассажиры! – возмутился Кинский. – Да, сейчас ты везешь троих пассажиров, включая меня. Но все остальные – проклятые зомбари!

– Не могу знать, меня это не касается. Я должен доставить поезд в срок.

– Но ты же не знаешь, куда? – ответил Антон, прищурившись.

– На конечную. Там, где обрывается дорога. Хочешь, двинули вместе? Я хоть смогу ненадолго вздремнуть, я уже и так битый час клюю носом, сплю на ходу, как конь.

Кинский ненадолго замолчал, глядя на бесконечную колею, затем спросил:

– Какая следующая станция, батя?

– Станция «Крепость». Но там остановки нет.

– Почему?

– Это скорый поезд, я не останавливаюсь на полустанках.

– А это полустанок?

– Конечно!

Кинского начинала выводить из себя манера разговора машиниста, изъяснявшегося с каждой минутой всё более нелогично и путанно. Согласно его комментариям, поезд шёл в никуда, до конечной, где обрывается дорога. К этому можно было ещё добавить – пока не кончится дизель в топливном баке. Или до столкновения с какой-нибудь другой голубой или, сказать вернее, «жёлтой» Стрелой. Можно было бы ещё сказать, что поезд нёсся в самый ад, в тоннель без света в его конце, в дьявольское Депо для переплавки, но машинист, будучи человеком скорее практичным, чем романтиком, и по натуре и профессии своей, сухим «технарём», не стал больше уточнять, куда именно он мчится.

– Батя, дай порулить, – сказал Кинский, хватаясь за штурвал, установленный на пульте.

– Это не руль, а контроллер, темнота! – сердито ответил машинист. – Им не рулят, а задают обороты дизеля.

Впереди замаячила крыша станции, до которой оставалось не более минуты ходу.

– Вот и «Крепость», – объявил машинист, хватая рацию. – Уважаемые пассажиры, поезд движется без остановок до конечной...

«Интересно, а зачем он остановился на последнем полустанке, старый дятел? – подумал Кинский. – Из жалости?»

Словно прочтя его мысли, машинист покосился на Анто-на и произнёс:

– Я там хоть вздремнул пару минут, пока стоял. Говорю тебе, тяжело без помощника.

– А как тормозить? – спросил Кинский. – Вот, допустим, твой поезд несётся на пределе, и, ни с того ни с сего, на дороге висит твоя, привязанная к столбу, любимая жена с детьми, и тебе надо экстренно затормозить, а свернуть нельзя.

Машинист метнул в Антона испуганный взгляд, будто на дороге и впрямь в реальности перед ним предстала подобная жуткая картина. Он ухватился за ручку крана, установленного рядом с ним по правую руку.

– Кран машиниста, – проговорил он, буравя Кинского озлобленным взглядом. – Переводишь в крайнюю пятую позицию, вот так! Но тебе это не светит, ты его при мне не повернёшь. Я из старой династии, мой отец был машинист и дед был машинист на паровозе. Но тебе этого крана не видать, малец, ты не из наших, так что сиди и не мельтеши!

Последнего изречения хватило, чтобы у Кинского наконец-то сорвало все гайки в мозгу, и он, подмяв под собой пожилого человечка, рванул кран в упомянутую крайнюю пятую позицию.

Поезд, промчавшись мимо станции, начал с оглушительным лязгом тормозить и проехал ещё около двух километров, прежде чем встал на путях. Машинист с бешеным криком вырвался из хватки Кинского и отвесил ему неслабый удар по скуле. На минуту они сцепились в яростной схватке, причём пожилой машинист, возмущённый наглостью са-

мозванца, проявил на удивление богатырскую силу, едва не положив на лопатки превосходившего его в росте и массе мышц Антона, но тому удалось-таки столкнуть машиниста спиной на контроллер, ненадолго выведя противника из строя. Воспользовавшись этим коротким перерывом, Кинский, не медля, схватил канистру с водой и выскочил из кабины. Лом он обронил на месте схватки, но возвращаться уже не стал.

Антон лихо соскользнул вниз, держась за поручень и со всех ног бросился в сторону станции. Машинист, высунувшись из проёма двери, попытался поразить его ломом, метнув его Кинскому в спину на манер копья, но промахнулся и в бессильном негодовании осыпал его шквалом отборных ругательств.

Однако Кинский их уже не слышал. Слегка пригнувшись под тяжестью полной железной канистры, он устремился вдоль путей к станции. Вне себя от сумасшедшего восторга, он забыл о боли и ссадинах, оставленных машинистом во время их схватки, и всё его существо переполняли лишь радость и гордость от того, что он сделал то, что и задумывал изначально, осуществив мечту «идиота», – остановил поезд и, добавок, нашёл воды.

Спустя несколько минут Кинский встретился на платформе станции с Рыжим и Ликой, с триумфом поставив перед ними свой трофей – канистру, полную питьевой воды. Локомотив недолго стоял на путях, – издав длинный серд-

тый гудок, он снова тронулся с места. Как ни странно, ни один шатун не попытался сойти на станции с наименованием «Крепость», о чём гласила громоздкая вывеска на фасаде заброшенного кирпичного строения. Возможно, когда-то оно носило другое название, но было переименовано некоторое время тому назад, скорее всего, теми людьми, которые хотели заявить о существовании неприступной цитадели, возможно, находившейся где-то неподалёку.

Беззаботно усевшись на скамейке, стоявшей на платформе станции, Рыжий, Лика и Кинский с наслаждением утоляли жажду, погрузившись на какое-то время в удивительное блаженное состояние, которое можно было сравнить лишь с абсолютным счастьем, конечно, если бы кто-то из них знал, что это такое. Кинский выразительно рассказывал о том, как проник в локомотив, едва не попав в лапы зомбаря по имени Никитка, «сторожившего» дизельное помещение, и как сцепился с чокнутым механиком в смертельной схватке. Рыжий только посмеивался, а Лика слушала, раскрыв рот от удивления и ужаса, но никто не усомнился в том, что всё это правда, тем более, что в пользу этого говорили заметные ссадины на лице рассказчика.

– Как бы там ни было, с механиками я больше не связываюсь, – подытожил Кинский, хитро щурясь. – Да, это был амбал ещё тот, под два метра ростом... Как такие только в кабину влезают?!

Здание станции оказалось ещё более опустошённым и раз-

грабленным, чем предыдущий полустанок, но им пригодились пустые пластиковые бутылки, разбросанные повсюду, в которые они разлили воду из тяжёлой канистры, поделив их между собой. После этого можно было продолжить путь. От станции вела песчаная дорога, которая, петляя подобно змее, скрывалась за грядой высоких зелёных, поросших осокой, холмов. Вероятно, за ними и находилась крепость Кербер, упорно ускользавшая от посторонних глаз, словно бдительно охраняя свои неведомые тайны. Неоспоримым было одно – их долгое путешествие ещё не закончилось и, возможно, бесстрашным путникам ещё предстоит столкнуться с чем-то пугающим, опасным и жутким, пока извилистая дорога через безмолвные крутые холмы не приведёт их к заветной цели.

Три топора

Параграф 18. Незначительные изменения правил и законов.

Некоторые особенности Армагеддона и, в общем, нового социального уклада внесли свои коррективы во многие сферы деятельности и быта обычных людей. Неумолимо менялся облик городов, их инфраструктуры и системы сообщений. Во избежание хаоса временное правительство было вынуждено изменить и правила дорожного движения. В связи с тем, что зомби практически игнорировали большинство дорожных знаков и разметку, но зато проявляли большой интерес к красному сигналу светофоров, было решено использовать на всех светофорах свет исключительно красных ламп. Обычно, зомби охотно и массово переходили дорогу лишь на красный свет, скапливаясь вокруг светофора толпами, словно вокруг магнита. Этот нездоровый интерес инфицированных позволил сотрудникам дорожных служб, органов правопорядка и военным, а также и простым сочувствующим гражданам, использовать средства передвижения на благо своих родных городов и их инфраструктуры, делая дорожную разметку из бранных останков размазанных по асфальту шатунов.

Прежде, чем сжечь собственный дом, покинув ставшее столь холодным и чужим, жилище навсегда, Лембоев про-

явил свои незаурядные инженерные и слесарные способности, чтобы превратить внедорожник Эрнста в настоящий бронетранспортёр. После самого скрупулёзного техосмотра машины, на все окна, кроме переднего, были поставлены специально сконструированные защитные заслонки, подварен повреждённый кенгурин и залит полный бак бензина. После всех подготовительных работ, собранный Сильваном эластипед вместе с питьевой водой и съестными припасами занял почётное место в багажнике.

Лембоев, скрепя сердце, облил стены дома остатками бензина, чиркнул спичкой и поджёг. В считанные минуты постройку объяло пламя, быстро разгоревшись в гигантский костёр. Изношенный грузовичок, которому предпочли более новый и быстроходный внедорожник, остался стоять во дворе. Сильван снял с его приборной доски фотографию жены, прихватил с собой ружьё с патронташем, топор и запрыгнул в машину, где ждал его Эрнст. Тот сочувственно посмотрел на погружённого в себя Лембоева, но промолчал.

– Поехали! – спустя минуту, будто очнувшись от кратковременного забытья, решительно сказал Сильван.

– На кладбище? – тихо спросил Эрнст, подумав о лужайке в лесу, где недавно они похоронили тело Лизы, могилу которой, возможно, его новый союзник захочет посетить в последний раз перед отъездом, но он оказался не прав.

– Нет, – коротко ответил Лембоев, нахмурившись.

Ему было тяжело возвращаться туда и, бережно положив

фотографию во внутренний карман своей походной жилетки, он добавил:

– Всё кончено...

– Куда теперь?

Сильван разложил на коленях старую потёртую карту местности, на которой крестом, обведённым жирным красным кружком, был помечен некий населённый пункт.

– Едем в Кербер.

До вышеупомянутого пункта назначения предстоял не самый близкий путь примерно около двухсот километров, но бензина им должно было хватить. Минуя лесные дебри, они выехали на скоростную магистраль, и тут уже можно было как следует втопить педаль газа и выжать из внедорожника максимум лошадей. После тряски по лесным ухабам, Эрнст сделал это с удовольствием. Лембоев напряжённо всматривался вдаль и поглядывал по сторонам в бинокль через поднятые жалюзи и лобовое окно в поисках силуэтов кровожадных зомби, прямое столкновение с которыми не входило в их планы, и, к счастью, в первый час пути ни один шатун им не повстречался. Пока они ехали, инженер рассказал Эрнсту о том, что сам знал о крепости, посетить которую они вознамерились в ближайшее время, хотя эти знания основывались лишь на слухах и рассказах бродяг, с которыми он когда-то общался.

Судя по этим рассказам, высокие толстые бетонные стены, опутанные острой колючей проволокой, и глубокий ров,

ощерившийся заострёнными штырями, надёжно ограждали этот оазис жизни и символ победы человеческого разума над хаосом и безумием Армагеддона от орд зомби, неоднократно пытавшихся взять этот город на приступ. Одним своим внешним видом он напоминал средневековый замок, за стенами которого бурлила, должно быть, мирная и относительно счастливая жизнь. Комендант, командовавший этой цитаделью, судя по многим отзывам, был человек отважный и добросердечный, а его дочь – настоящая амазонка, красавица и бесстрашная охотница на зомби. Армия храбрых бойцов, на плечах которых зиждилось спокойствие мирных жителей города, была отлично вымуштрована и вооружена до зубов. крепость считалась неустрашимым и неприступным оплотом мира и человеколюбия, дружелюбно принимавшим под свою защиту всех желающих, особенно, как подчеркнул Сильван, взрослых, здоровых людей, которые могли в дальнейшем на равных правах влиться в это общество, составив его мощный полноценный костяк, стальной непробиваемый каркас, только укрепив и улучшив его своим присутствием. Стены крепости были столь же монолитны, а кирпичики внутренних уютных зданий столь же крепки, как и те люди, которые населяли этот город, являясь в то же время его защитниками.

– Ты знаешь, – сказал в ответ Эрнст, – это похоже на сказку, но звучит заманчиво. Поэтому соглашусь с тобой, нам стоит туда заглянуть. Да и других вариантов у нас попросту

нет, нельзя же всю жизнь слоняться по миру, как проклятые.

Спустя некоторое время впереди замаячил мост, который значился на карте и прямо указывал на то, что до цели их путешествия остается не более получаса езды. Им повезло – мост не выглядел подорванным, и на нём даже не было видно остовов брошенных машин, которые могли бы преградить им путь. На первый взгляд, мост можно было переехать за пару минут, и Эрнст уже собирался было переключиться на пятую скорость, как вдруг Сильван, смотревший вперёд через бинокль, схватил его за плечо.

– Стой! – крикнул он, и его компаньон с силой дал по тормозам.

Эрнст не заметил, что у самого въезда на мост через полотно дороги был переброшен «ёж» – колючая металлическая лента, которая запросто могла оставить их без резины на колёсах. Он остановил машину, когда до ленты оставалось не более десятка метров.

– Только не говори мне, что это сделали зомбари, – проговорил Эрнст.

– Это навряд ли, – ответил Лембоев, озираясь по сторонам.

На всякий случай он дёрнул за самодельный рычаг, опустив жалюзи, и теперь они могли смотреть лишь через лобовое стекло. Неожиданно откуда ни возьмись из кювета появился на редкость уродливый зомби. Он бросился к машине, размахивая руками, но не добежал до неё нескольких

метров, как вдруг разрывная пуля, выпущенная из невидимой винтовки, снесла ему голову, и он рухнул на асфальт. Эрнст поёжился – попасть под прицел снайпера было крайне неприятно, и ему инстинктивно захотелось пригнуться, спрятавшись за приборной панелью. Сильван же проявил абсолютное хладнокровие и сказал:

– Если снайпер, значит, человек.

Он поднял защёлку дверного замка, открыв дверь, и без оружия вышел из машины, предусмотрительно подняв руки над головой.

Снайпер не торопился себя обнаруживать, и Лембоев крикнул наобум:

– Мы не заражены, не стреляйте!

Неожиданно со стороны моста донёсся чей-то смех, и на дорогу не спеша вышел рослый дородный мужчина с военном камуфляже со снайперской винтовкой в руках.

– Отличный выстрел, – похвалил Сильван, указав на распластавшееся тело зомби.

Незнакомец кивнул, не переставая улыбаться инженеру.

– Мы едем в крепость, – добавил Лембоев. – Это – мой друг, Эрнст, а я – Сильван. У нас есть немного вяленого мяса и воды.

Снайпер снова кивнул с улыбкой и произнёс:

– В крепость? Прекрасно, в крепости вас ждут.

Он махнул кому-то рукой, и с противоположной стороны дороги возникли ещё две фигуры таких же здоровяков в во-

енной униформе без знаков различия, как и он сам. Они не были столь улыбочивы, как снайпер, но не проявляли видимой агрессивности, скорее, они были предельно осторожны. У одного в руках был автомат АК-74, второй держал в руках огромный самодельный тесак. Последний, засунув своё убедительное холодное оружие за пояс, принялся сворачивать ленту «ежа», в то время как автоматчик поравнялся со снайпером, стреляя глазами по сторонам на случай нападения шатунов.

Эрнст тоже вышел из машины с ружьём в руках. Он искренне хотел бы получить объяснения от закамуфлированных верзил насчёт устроенной ими ловушки в виде «ежа», которая явно была рассчитана отнюдь не на шатунов, поскольку те не имеют привычки разъезжать на транспортных средствах, но решил не торопить события и не нарываться на конфликт прежде времени.

– Мы проводим вас в крепость, – сказал снайпер. – Мы как раз оттуда. Охраняем мост от всяких беспредельщиков, мародёров и, конечно, зомбаков.

Он выудил из-за пазухи рацию и быстро проговорил в неё:

– Мы возвращаемся. Приём!

В ответ через сильные помехи раздалось что-то нечленораздельное, и снайпер отключил связь.

– У нас тут машина, под мостом. Съезжайте сейчас вниз по насыпи, увидите дорогу вдоль русла высохшей реки. Езжайте вдоль по правой стороне, а мы – за вами. В случае че-

го, мы вас прикроем из пулемёта.

– А мы разве не поедем через мост? – с удивлением спросил Эрнст. – Крепость ведь за ним.

– Не задавай вопросы, гражданский, – глухо отчеканил автоматчик.

Он закончил стрельбу глазами по сторонам и теперь, казалось, был готов пригвоздить его самого колючим взглядом к внедорожнику.

– Мост заминирован, – сказал снайпер, миролюбиво улыбнувшись. – Мы поедем другой дорогой. А попутно заедем на хутор за свининой, нас там уже ждут. Заодно выпьем там по пиву, живому и холодненькому. Как вы, не против?

– По пиву? – изумился Сильван. – Конечно, нет!

Пока трое бойцов спускались по насыпи пешком, Эрнст и Сильван объехали их на машине, скатившись по небольшому склону к пересохшему руслу, у которого стоял пикап цвета хаки с большим пулемётом на станине в открытом багажнике. Здесь они подождали солдат, пока те не заняли места в своём пикапе, и не спеша двинулись по песчаной дороге вдоль правого берега в направлении холмов, видневшихся вдалеке. В том, что река совершенно пересохла, не было ничего удивительного. Обычное дело – при феноменальной жаре, длившейся в течение всего лета, водоёмы высыхали, а растительность и живность, зависимые от воды, гибли под беспощадными лучами солнца. Казалось, лишь одни зомби чувствовали себя в этих ужасающих условиях неплохо, по

крайней мере, их численность не только не уменьшалась, но как будто даже росла в геометрической прогрессии.

Глянув в зеркало заднего обзора, в котором виднелся пикап, следовавший за ними на небольшом расстоянии, Эрнст задал Лембоеву довольно странный вопрос:

– Как думаешь, нам повезло?

Сильван покосился на него, но промолчал.

Солнце уже начинало клониться к закату, когда дорога, петлявшая среди бледно-жёлтых жухлых лугов, привела их наконец к постройке, вероятно, являвшейся тем самым хутором. Большое деревянное поместье было обнесено со всех сторон частоколом из брёвен, защищённом от внешнего вторжения колючей проволокой и острыми железными пиками, торчавшими наружу по всему периметру. Видимо, снайпер предупредил хозяина или хозяев о своём появлении, потому что кто-то начал открывать прежде наглухо закрытые ворота. Эрнст и Сильван разглядели дородную фигуру человека в тёмно-сером фартуке.

– Это какой-то край жиртрестов, – заметил Лембоев. – У них тут просто праздник жизни – холодное свежее пиво и свинина на закуску. Вояки тоже явно не страдают от недоедания.

– Хозяйственные люди. Может напроситься к ним в сезонные рабочие? – усмехнулся Эрнст. – А что, ты хороший слесарь и сварщик, а я могу помогать на кухне.

– На кухне? – хмыкнул Сильван. – Ну, сначала осмотрим

само хозяйство, а там видно будет.

Хозяин хутора махнул им рукой, приглашая на территорию своих владений, и они проехали через ворота, остановившись перед большим двухэтажным домом с верандой. За ними въехал пикап, встав напротив ворот и тем самым преградив обратную дорогу, и хозяин снова поспешно закрыл их. Из нескольких окон первого этажа лился уютный электрический свет, что говорило о наличии генератора. Судя по всему, хозяин до сих пор пользовался всеми благами цивилизации.

– Добро пожаловать, гости дорогие! – немного невнятно, заплетающимся языком, будто был пьян, проговорил он неприятным высоким голосом, пожимая руки Сильвану и Эрнсту. – Я уверен, вы будете рады выпить отличного холодного пивка в моей харчевне.

– Спасибо за приглашение! – вежливо ответил Эрнст. – Я думаю, надолго мы вас не задержим.

– Нет-нет, – запротестовал хозяин. – Вы должны отужинать и переночевать в моём доме, ведь по ночам сейчас ходить очень опасно, шатуны не дремлют. На втором этаже у меня прекрасные уютные спальни. Выспитесь, и с утра мои друзья отвезут вас... в крепость. Если не ошибаюсь, вы туда и направляетесь?

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал Лембоев. – Но нам нечем рассчитаться, поэтому...

– Забудьте об этом, прошу вас! – с острой обидой в голо-

се воскликнул толстяк. – В наше тяжёлое время люди должны помогать друг другу. Никаких денег, вообще ничего! Заходите, развлекайтесь, отдыхайте и ни о чём не волнуйтесь! Харчевня к вашим услугам!..

Хозяин раскрыл перед гостями парадную дверь заведения, и они вошли внутрь. Их взору предстал просторный зал с очень высоким потолком, действительно, обставленный, как хорошая охотничья харчевня. Посреди помещения располагались несколько деревянных столов со стульями, на стенах красовались настоящие охотничьи трофеи вроде кабаньих и волчьих оскалившихся морд и лосиных рогов. В углу над стойкой на стене висели три боевых топора с длинным крепким топорищем и лезвием, по-видимому, из очень качественной закалённой стали, поблескивавшей на свету нескольких электрических ламп. Толстяк поспешно занял место за стойкой и разлил по большим стеклянным кружкам золотистого напитка из бочонка.

– Вот вам пиво! – радостно воскликнул он. – Сам его готовлю по своему рецепту, нефильтованное, живое и холодное. Присаживайтесь за столик, друзья мои. Скоро будут и закуски, копчёный кабанчик ждёт в погребе.

Хозяин поставил кружки перед гостями, усевшимися за один из столов, и, лучезарно улыбаясь, скрылся за кухонной дверью у стойки, предоставив их самим себе.

– Ну что, вздрогнем, приятель? – с улыбкой сказал Эрнст, поднимая свою кружку и чокаясь с Лембоевым.

– Да была не была, надо же когда-то и расслабиться, наконец!

Они залпом осушили кружки почти до дна, затем посмотрели друг на друга с той характерной весёлостью и добродушием, которые по обычаю нередко сопровождают хороший алкоголь, как его лучшие друзья, ударили опустошённой тарой по столу, рассмеялись и... почти одновременно упали в обморок.

Параграф 1. Пять убийственных шагов.

Открывая для себя новый, преисполненный опасностей мир Армагеддона и делая в нём, образно выражаясь, первые шаги, каждый гражданин новой эры должен помнить о том, что зло не дремлет и внедряет в жизнь свою жестокую программу действий. Сделайте против неё «пять убийственных шагов»!

Шаг первый.

Вы должны позаботиться о самообороне. От укусов зомби прекрасно защищают толстые глянцевые журналы и книги в мягкой обложке. Выбирайте издания по своему усмотрению, не забывая о том, что данный журнал или книга, привязанные к рукам наподобие защитных лат, могут как предохранить вас от зубов и ногтей зловредных шагунов, так и развлечь на досуге в надёжном убежище.

Шаг второй.

Наносите удар первым, не дожидаясь, пока зомби вас опередит. Если же он вас всё-таки опередил, возможно, вас спа-

сёт первый шаг.

Шаг третий.

Если вы один, а зомби – целая толпа, спасайтесь бегством, делая это «пошагово». Коктейли Молотова и самодельные гранаты при отступлении помогут вам оторваться от преследования орды шатунов.

Шаг четвёртый.

Если третий шаг вам не помог, и вы оказались в окружении, у вас ещё есть слабый шанс ввести в заблуждение разъярённых шатунов, притворившись мёртвым.

И, наконец, шаг пятый.

В любой щекотливой ситуации вам поможет лишь остро заточенный топор. Помните, что лучших союзников в эру Армагеддона быть попросту не может. Дробовик даст осечку, в бензопиле закончится бензин, а топор останется вам верен до конца, конечно, если не сломается в начале боя.

Вечерняя мгла настигла Кинского, Рыжего и Лику в долине, с уходом солнца за склоны холмов наполнившейся пляшущими тенями, наводившими ужас на всех троих беглецов. Каждый валун на пути или дальний изгиб ландшафта начали казаться им приближающимися силуэтами шатунов, а крики ворон, доносившиеся издалека, то и дело заставляли их в ужасе застыть на месте, ожидая нападения вездесущих, но невидимых зомби. Вскоре песчаная ухабистая дорога, по которой они шли, стала почти не видна в темноте. Они решили уже было остановиться на ночлег прямо посреди доли-

ны под открытым небом, рискуя в любой момент попасть в лапы бродячих мертвецов, когда вдалеке замаячил какой-то тусклый огонёк. Решив, что это – крепость, они ускорили ход и через полчаса оказались у закрытых ворот одинокого хутора, над которым с высоты обзорной вышки в темноту был устремлён сноп света прожектора. На вышке явно кто-то был, и Кинский закричал:

– Эй, кто там наверху? Впустите одиноких путников, сбившихся с пути!

Сторожевой направил прожектор прямо на них и с полминуты пристально разглядывал колоритную троицу бродяг, в то время как Кинский, ослеплённый ярким светом, непотребно бранился, требуя отвести луч в сторону.

Наконец сторожевой спросил, невнятно и растягивая слова:

– Кто... вы... такие?

– А ты не видишь?! – яростно проревел Антон. – Мы – трое усталых путников...

Рыжий тронул его за плечо и шикнул, чтобы тот успокоился.

– Впустите нас, – сказал клоун, подталкивая перед собой Лику на свет. – С нами маленькая девочка, а вокруг могут шататься зомби. Дайте приют до утра!

– Что у вас есть? – невозмутимо промычал сторож.

– Полканистры воды.

– Оставьте её себе. Нам нужен только бензин.

Луч прожектора снова устремился в глубь долины, оставив троицу в темноте, как вдруг из-за ворот раздался громкий возглас:

– Девочка? Ну, конечно, как мы можем оставить её ночью в опасности?! Друзья, сейчас я вам открою.

Скрипнул тяжёлый засов, и ворота приоткрылись.

Беглецы быстро проскользнули за них, поскольку были убеждены, что их крики и свет прожектора уже давно привлекли внимание шатунов, и медлить им не стоит. Они увидели толстяка в сером фартуке, закрывшего за ними ворота и одарившего их обаятельной улыбкой, которая стала ещё шире при виде Лики.

– Простите этого идиота, – хозяин указал на сторожевого. – Он тормоз уже как пару лет... после несчастного случая. Мне его просто жаль! Как нам всем порой не хватает сострадания, не правда ли, друзья мои? Прошу, пройдёмте в дом. Моя харчевня к вашим услугам. Немного пива на сон грядущий и ночлег, совершенно бесплатно. А воду... можете оставить себе. В наше тяжёлое смутное время мы, простые смертные должны поддерживать друг друга, верно?

Лица с благодарностью улыбнулась хозяину:

– Спасибо вам, вы очень добры!

– Не стоит благодарности, крошка, – в умилении ответил толстяк. – Позвольте сперва накормить вас, добрые прохожие, копчёный кабанчик ждёт в погребе.

Кинский подозрительно огляделся по сторонам. У стены

двухэтажного дома стоял работающий генератор под навесом, чуть поодаль – покосившийся сарай, похожий на курятник. С другой стороны обширного двора под тентом находились две машины: пикап с пулемётом в открытом кузове и бронированный внедорожник. На первый взгляд – обычная коммуна выживающих отщепенцев, укреплённая по максимуму от внешнего вторжения.

Сторожевой на вышке не проявлял к ним признаков излишней враждебности и сразу, как только они вошли за ворота, потерял к беглецам интерес, продолжая прочёсывать лучом прожектора окрестности.

– Уверяю вас, у меня всё под контролем, – заявил хозяин. – Ни один зомбарь не проползёт за ограду незамеченным.

– Честное слово, нам неловко воспользоваться вашей добротой, – сказал Григорий. – Просто отведите нам небольшой угол на ночь, а утром мы отправимся дальше.

– Позвольте мне вас спросить, вы клоун? – спросил толстяк, окинув взглядом его балахон.

Рыжий кивнул.

– Ну, тогда не считите за бестактность, если я попрошу у вас в награду за ужин, пиво и ночлег одно небольшое представление. Ваше и вашего партнёра, – он указал на Кинского. – А что до девочки, то пусть она отдыхает. Детям в наше смутное время приходится ох как несладко, верно?

Григорий усмехнулся при виде Кинского, потерявшего дар речи и застывшего с выражением крайней растерянно-

сти на лице.

– Хорошо, мы с моим «партнёром» попытаемся дать для вас небольшое представление.

Толстяк гостеприимно раскрыл перед ними входную дверь, и они вошли внутрь. Здесь, в просторном помещении они встретили ещё двоих верзил в камуфлированной униформе, нервно вскочивших при их виде из-за своего столика, за которым до этого потягивали пиво.

Толстяк успокоил солдат внятным жестом и провозгласил:

– Ребята, нас ждёт цирковое представление! Поэтому расслабьтесь.

Кинский придирчиво оглядел обоих солдат, но не заметил в них ничего необычного. Вероятно, это были члены коммуны, отчаянно боровшиеся за свою жизнь изо дня в день всеми доступными им средствами. Один из них подмигнул Лике и спросил:

– А это что, тоже артистка?

– Наверно, будущая, – поддакнул толстяк. – Присаживайтесь, милая гостья, вон за тот дальний столик.

Рыжий неторопливо вышел на середину помещения и громко произнёс:

– Господа! Сейчас вы увидите несколько трюков, а помощь в их проведении мне окажет мой ассистент. Кинский, будьте готовы присоединиться, когда я скажу.

Толстяк в изумлении оглянулся на шофёра и проговорил:

– Что?! Кинский? Тот самый Кинский?..

– Да тот самый, – прервал его клоун, поспешно смёл со стойки несколько пустых стаканов и тут же принялся ими жонглировать, переводя на себя взгляды всех присутствующих.

К трём стаканам он постепенно добавлял по одному новому, пока, наконец, в воздухе их не закружилось целых семь. Прделав этот трюк, довольно заурядный для него, но увлекательный для зрителей, он ловко по очереди выставил стаканы обратно в ряд на стойке, и выудив из кармана толстую колоду карт, в свою очередь принялся творить с ними что-то несусветное. Казалось, они взметнулись и заплясали в воздухе сами по себе, точно живые. Начав с обычных вееров, Григорий закончил несколькими забавными карточными фокусами и под конец продемонстрировал зрителям уже не одну, а три толстенные колоды с рубашками самых удивительных и ярких расцветок. Со стороны импровизированного зрительного зала донеслись первые аплодисменты, и особенно громкие – со стороны столика, за которым сидела Лика, усадившая рядом с собой и своего плюшевого медвежонка.

Сопровождая фокусы короткими репликами, призванными отвлечь публику ещё больше, клоун то и дело бросал пристальный взгляд на Кинского, стоявшего позади всех ближе к двери. К тому времени тот уже успел оценить обстановку своим опытным глазом, подмечавшим каждую мелочь.

С каждой минутой Антону становилось всё более не по се-

бе. Он успел заметить на полу следы свежей крови и несколько кровавых потёков, которые тянулись в направлении внутренней двери за стойкой. На одном из столов стояли две пустых пивных кружки, но самих выпивох нигде не было видно. Сопоставив следы крови и последний факт, Кинский мог не обладать особым интеллектом и не орудовать методом дедукции Шерлока Холмса, чтобы понять, что незадолго до их появления здесь произошёл какой-то неприятный инцидент.

Приглядевшись, Антон заметил множество более старых пятен крови не только на дощатом полу, но даже и на стенах, а уж в цвете запёкшейся крови он точно разбирался. В поведении хозяев, казалось бы, не было ничего предосудительного, не считая нескольких моментов. Самое интересное, что местные обитатели не проявляли должного интереса к питьевой воде, хотя это можно было объяснить наличием собственной спицы или колодца. Кинский старался держаться ближе к двери на случай побега, однако в самом начале представления толстяк повесил на неё огромный засов с замком, который закрыл на большой кованый ключ, вероятно, времен первой мировой войны, спрятав его под покровом своего необъятного серого мясницкого фартука. При этом с его лица не сходила странная улыбка, отнюдь не свойственная обычным выжившим, привыкшим сталкиваться с опасностью на каждом шагу. Такой неестественной улыбчивости не было даже у детей, не говоря уже о взрослых. Неужели у этого типа всё было так хорошо, или у него попросту съехала

крыша от испытаний и невзгод, погрузив его в некий иллюзорный мир, где в безоблачном небе всегда светит ласковое солнце?

– А теперь я попросил бы своего ассистента немного мне помочь, – продекламировал Рыжий, маня к себе Кинского.

Антон нехотя подошёл к Григорию, сердито поглядывая на посмеивающихся солдат. Неожиданно Рыжий сунул руку ему под майку и начал вытягивать из-под неё веревку, которой, казалось, не было конца.

– Вы только представьте, а я три дня назад её искал, – шутливо прокомментировал клоун, обращаясь к публике.

Видимо, не столько его стандартная шутка, сколько идиотское, ничуть не наигранное выражение лица его «партнёра» вызвало буйных хохот у присутствующих, и особенно у Лики, без устали хлопавшей в ладоши с самого начала этого незатейливого циркового представления, потому что для неё это и в самом деле было в диковинку.

– Господа, а теперь я бы хотел показать вам трюк, которому рукоплескали в Амстердаме, Лондоне и Токио! Смертельный номер! Вы такого ещё не видели, слабонервных просим удалиться! Но для осуществления этого трюка мне нужны вот эти три топора, – он указал на орудия, висевшие на стене над стойкой.

Солдаты озабоченно переглянулись, но толстяк кивнул:

– Конечно! Они в вашем распоряжении.

Приставив стремянку, один из солдат снял топоры и пе-

редал их клоуну.

– Господа, прошу отойти подальше, поскольку это очень опасно, – сказал Рыжий. – Одна ошибка может закончиться трагедией.

Когда зрители отошли на почтительное расстояние, топоры один за другим, со свистом рассекая воздух, взметнулись к потолку, в то время как Григорий, не переставая жонглировать, спокойно комментировал:

– Господа, в древности некоторые воины умели прекрасно обращаться с холодным оружием: мечами, булавами и так далее. Армии, в которых они состояли, считались непобедимыми, и битвы заканчивались, не начавшись.

– Высший класс! – воскликнул толстяк, и солдаты одобрительно закивали головами.

– Отнюдь! – ответил Рыжий, закончив жонглировать. – Это только разминка. Три топора – это всего лишь три топора. Есть трюки похлеще. И если вы позволите, я бы хотел снова попросить своего помощника вернуться на сцену.

– Что ещё опять? – с недовольством проговорил Кинский.

– Трюк связан с прицельным метанием острых предметов, поэтому он считается предельно опасным. Я бы хотел попросить помощника...

Сообразив, что собирается предпринять его спутник, Кинский попытался ретироваться, но путь к бегству ему преградили двое рослых верзил в униформе, причём в руках у одного из них появился АК-74. Антон вернулся на сцену

уже под конвоем, и пронзил клоуна яростным взглядом. Кажалось, Рыжий раздувался от трудно скрываемой радости и торжествующе улыбнулся «ассистенту» холодной улыбкой. Клоун бросил автоматчику моток той самой веревки, которую выудил из-под майки Кинского и попросил надёжно привязать его ассистента к стене, объяснив это тем, что если тот дёрнется или упадёт в обморок в неподходящий момент, то это может стоить ему жизни.

Промучившись несколько минут, солдаты при помощи гвоздей и молотка прикрутили Кинского верёвкой к стене. Поняв, что сопротивление и крики бесполезны, и все его попытки вырваться вызывают не более, чем ехидный смех у всех, кроме разве что испуганной Лики, Антон стоял у стены с видом мученика, во взгляде которого скопилась безграничная ненависть ко всем клоунам мира.

– Я попрошу тишины! – воскликнул Рыжий, замахиваясь топором. – Трюк смертельно опасен, и ни один звук не должен отвлекать от этой живой мишени. Сейчас мой топор вонзится в стену рядом с его головой.

– Рыжий, ты ублюдок! – в ярости крикнул Кинский.

Лица ахнула, в ужасе закрыв глаза ладошками.

На мгновение в помещении воцарилась гробовая тишина, как вдруг толстяк подал голос именно в тот момент, когда клоун собирался метнуть своё орудие в сторону Антона:

– Постойте! У меня один вопрос... к жертве. Прости, циркач, но может так случиться, что я так и не узнаю на него

ответ. Что, если у тебя дрогнет рука, и ты ошибёшься?

Клоун вопросительно посмотрел на хозяина, опустив тяжёлый топор. Толстяк вперевалячку подошёл к Антону и, заглянув ему в глаза, прошептал несколько слов, которые никому не удалось разобрать. Видимо, заданный вопрос не слишком понравился Кинскому, поскольку он промолчал, стиснув зубы, ответив толстяку лишь свирепым взглядом.

– Значит, ты не хочешь говорить, – с досадой произнёс уже громче хозяин. – Мы были предельно вежливы и гостеприимны, впустили вас на ночлег, усталых и голодных, а ты собираешься молчать. Так не годится, приятель.

Он оглянулся на клоуна и сказал:

– Разве это не тот самый Кинский из клана Хильштейнов, которого разыскивали по всей стране в первый год Армагеддона, пока судебная система ещё была не полностью разрушена, а тюрьмы ещё закрыты. Его фотографии были расклеены на каждом фонарном столбе, за поимку обещали солидную выплату, его именем пугали детей. Я же прекрасно помню, хоть это и было так давно. Сами Хильштейны назначили за его голову солидную плату. Вы знаете, – он обратился к двум солдатам, застывшим в недоумении, – ведь он поначалу был моим кумиром. Неуловимый Кинский, которого боялись сами братья Хильштейны!.. Но увы, его переплюнул великий Гофман! Вот это был поистине титан! Своё первое произведение, полотно, написанное бледными красками неверной рукой, я посвятил ему. Я старался делать всё так

же чисто, методично и красиво, как он. Гофман был великим киллером, а я пытался ему подражать, прекрасно понимая, насколько я жалок. Ведь я был столь наивен и неопытен, а жажда крови застилает глаза багровой пеленой, и ты зачастую теряешь рассудок. Где уж тут достичь желанных вершин, доступных только опытному мастеру?.. И вот, по прошествии многих лет, сам Кинский, мой первый кумир собственной персоной – у меня в гостях! И теперь я стою перед дилеммой – что мне предпринять? Упасть ли ниц подобострастно у его ног или собственноручно перерезать ему горло своим любимым ножом, потому что нет ничего более приятного, чем превзойти своего кумира хотя бы таким варварским способом.

– Впрочем, – добавил он, хитро взглянув на клоуна, – из этой малоприятной ситуации есть один выход. Убить ножом по горлу – как это глупо и так не похоже на непревзойденные деяния моего первого наставника, умудренного гуру, который уж точно подобной смерти не заслужил. С другой стороны, я совершу убийство настолько неповторимое, которое по своему изяществу, без сомнения, перечеркнёт все самые изощрённые преступления этого беспощадного тирана. И тогда я стану величайшим из убийц времён Армагеддона. Да, я переплюну самого Кинского и, возможно, даже непревзойдённого Гофмана, представьте себе, как это ни забавно звучит, и сделаю это красиво и мастерски – чужими руками. Причём руками не своих головорезов, – он указал

на солдат, – это было бы слишком банально и безвкусно, а руками его друзей. Это будет и кара, справедливое возмездие, – хоть и формально, ведь закон уже давно не действует в наших краях, – и жестокий расчётливый бой двух титанов. Апокалиптическая битва двух великих комбинаторов, один из которых должен проиграть.

– Что, простите? – пробормотал, совершенно обалдевший, Рыжий.

– Ты хорошо жонглируешь, парень, – мрачно улыбнувшись, ответил толстяк. – Я думаю, тебе не составит труда попасть в мишень так же, как и промахнуться на заказ. Я, конечно, точно не знаю, но чутьё мне подсказывает, что ты и сам был бы не прочь это сделать. Сегодня ты промахнёшься... или, вернее, попадёшь в цель. И цель твоя – преступник всех времён и народов, коварный и ужасающий, Антон Кинский! Покарай этого кровожадного монстра и тогда уйдёшь отсюда живым. Ну, а девочку придётся оставить, у меня на неё другие планы, уж прости. Нам нужна подмога на кухне, копченый кабанчик ждёт...

Он выразительно посмотрел на солдат, и те зловеще ослабились. По знаку хозяина, автоматчик направил дуло своего «калаша» на клоуна.

– Итак, – толстяк с пафосом взмахнул рукой, – барабанная дробь!.. Дамы и господа, слабонервных, женщин и детей просим удалиться.

За мгновение до броска Рыжий встретился взглядом с

Кинским, застывшим как скала. Его лицо было похоже на белую маску, будто выточенную из мрамора. Лицо клоуна также ничего не выражало, как будто все эмоции, бурлившие в его душе до того, сменились на абсолютное равнодушие и бесстрастность. Рыжий глубоко вздохнул, размахнулся топором, слегка прищутив левый глаз, и с силой метнул его в Антона. Глухой звук удара лезвия по дереву раздался почти в унисон с громким стоном автоматчика. Спустя секунду тот рухнул на пол – лезвие второго топора, который жонглёр метнул почти одновременно с первым, глубоко вошло в его грудь. Третий топор настиг улыбчивого «снайпера», пугливо повернувшегося было в сторону выхода, оставшись торчать у него в спине.

Клоун, не дав толстяку ни секунды на размышления, подхватил с пола оброненный первым бойцом автомат и нацелил его на остолбеневшего хозяина. В следующий момент Рыжий обрушил массивный приклад автомата на челюсть толстяка, временно изгнав из него всех бесов, которые сидели в его аморальном нутре.

Параграф 4. Подводные камни, плеть и экзорцизм.

Начиная свой крестовый поход против сил зла и сонмища демонов, не стоит сбрасывать со счетов тех слабовольных элементов, которые могут стоять в ваших рядах. Мародёры могут обокрасть тело вашего навешего друга незадолго до того, как он обратится в зомби; социопаты только и ждут подходящего момента, чтобы поднять бунт; беспре-

дельщики всех мастей способны в любую минуту помешать вам в вашей священной миссии.

Значит ли это, что в ваши ряды вселилось само зло, и демоны отныне маршируют рядом с вами плечом к плечу, извращая саму сакральную идею борьбы на стороне добра? Скорее, нет! Придите своим слабохарактерным соратникам на помощь, образуйте их и заставьте свернуть с неверного пути, указав им на лучик солнца во тьме. Если они не поймут ваших добрых слов, проведите обряд экзорцизма, изгнав из их одержимых душ коварных бесов. Вам могут понадобиться плеть, распятие и святая вода. Но запомните ещё и то, что кривое дерево, как бы вы ни старались, никогда не выпрямить.

Едва очнувшись, толстяк увидел перед собой злобные глаза Кинского.

– Верёвка не жмёт? – с издёвкой спросил тот, склонившись над хозяином, которого привязали к стулу, приставив его спинкой к стене.

Толстяк покачал головой, и в лицо ему тут же выплеснули содержимое стакана с холодным пивом.

– Один из великих комбинаторов проиграл, – резюмировал Антон, ухмыляясь.

Когда сознание хозяина прояснилось больше, он разглядел перед собой фигуры ещё троих мужчин: Рыжего, Эрнста и Сильвана.

Накануне Рыжий и Кинский постарались на славу. От-

крыв дверь харчевни ключом хозяина, Антон умело снял медлительного вертухая на обзорной вышке короткой очередью из автомата. Затем, вытащив тела убитых беспредельщиков в униформе во двор, первым делом клоун с Антоном обыскали весь дом. Верхний этаж оказался пуст, но, спустившись в погреб, куда удалось попасть через грязную прокопченную кухню, они обнаружили двоих связанных пленников с кляпами во рту. Те и поведали спасителям свою историю. Их одурманило пиво, предложенное толстым мясником, и очнулись они уже в погребе рядом с тушами копчёного и вяленого мяса, сложенного тут буквально штабелями. При падении со стула, Сильван разбил себе нос, чем и можно было объяснить заметные кровавые потёки на полу в харчевне. Жертвы бандитов, теряясь в догадках, что собирался с ними сделать хозяин в дальнейшем, были едва живы от ужаса и, конечно, бесконечно рады тому, что по чистой случайности оказались спасены и долго благодарили Рыжего и Кинского, словно ангелов-спасителей, сошедших с небес.

Лику уложили спать в одной из верхних комнат, ещё раз проверив все помещения и убедившись, что на постоялом дворе и в доме больше никого нет.

Был уже ранний рассвет, когда Григорий и Антон начали свой допрос с пристрастием.

Выяснилось, что беспредельщики охотились на одиночные машины, проезжавшие мимо, или внаглую останавливали их на пути в крепость, заманивая на хутор под любым бла-

говидным предлогом. Затем разбойники выводили из строя ни о чём не подозревающих людей, подсыпая в пиво и еду сильное снотворное, забирали бензин, после чего, как правило, выкидывали своих жертв в долине, где их быстро находили вездесущие шатуны.

Сколько они ни бились, но так и не смогли вытянуть из толстяка ответ на вопрос, что он делал с попавшими к нему в лапы детьми. Кинский нанёс ему несколько сильных ударов наотмашь и даже изъявил желание выдернуть ему ногти, конечно, в отсутствие девочки, но, очевидно, толстяка было не запугать и не вытянуть из него признание никакими пытками. Он лишь остервенело смеялся Кинскому в лицо, получая от него всё новые удары, пока его силой не оттянули подальше от хозяина харчевни, на котором уже не осталось живого места.

– Что будем с ним делать? – спросил Рыжий, когда они собрались вчетвером для обсуждения дальнейшей судьбы толстяка. – Расстрелять во дворе? Или лучше за забором? Он этого достоин.

– Четвертовать! – заявил Кинский.

Судя по всему, он всё еще находился под впечатлением от произошедшего накануне ночью. Внутри у него клокотал вулкан страстей, пробудившийся поначалу в связи с неопи-сваемым по своей наглости поведением клоуна, собиравшегося метать в него топоры на потеху весьма сомнительной публике, а затем и неожиданным поворотом событий, закончив-

шимся необычайно удачно для них самих и столь плачевно для беспредельщиков.

– Привязать его к двум машинам за ноги и за руки и отправить на север и на юг, – добавил он, смерив толстяка убийственным взглядом.

– Нет, нет, – отмахнулся Эрнст. – Это уж слишком! Лучше сделаем с ним то, что они делали с другими. Выкинем его в поле на съедение зомбарям.

Услышав последнее предложение одного из участников линчевания, толстяк нервно заёрзал на стуле, попытавшись вырваться из крепких пут.

– Нет, только не это! – взвизгнул он. – Не надо, прошу вас!

– Да! – злобно воскликнул Кинский. – Именно это! Вот чего он боится, как огня. Выкинем его, как трутня из его же улья!

Развязав верёвку, толстяка вытолкнули за ворота. Затем вся четвёрка поднялась на обзорную вышку, откуда можно было с удобством наблюдать, как тот медленно плетётся по песчаной дороге в долину. Не прошло и пяти минут, как в поле видимости им попались несколько угловатых фигур, в которых даже на расстоянии было несложно узнать изголодавшихся зомби. Они настигли толстого предводителя банды даже скорее, чем можно было ожидать, выпотрошив из него «всю дурь вместе с внутренностями», как поэтично выразился удовлетворённый Кинский.

Сильван со знанием дела осмотрел постоянный двор и за-

явил, что никакая крепость ему не нужна, и он с удовольствием остался бы здесь навсегда, ведя нехитрое хозяйство. Это его убеждение ещё более укрепилось, когда он нашёл позади жилого дома настоящий деревенский колодец с холодной, чистой и вкусной водой.

Эта идея понравилась всем, кроме Кинского. Лишь он один помрачнел, узнав, что ни у кого нет желания отправляться дальше, по крайней мере, в ближайшие дни.

Рыжий поспешил на верхний этаж, чтобы обрадовать Лиду своим решением остаться здесь на первое время, тем более, что в крепости детей, как известно, не особенно ждали. Он застал девочку в кровати мирно спящей. В её тёмных, давно не мытых спутанных волосах играли солнечные зайчики восходящего над долиной дневного светила.

Он осторожно, чтобы не разбудить, провёл рукой по её волосам, поправил сползшее за ночь одеяло и собирался было выйти, когда заметил своё отражение в большом пыльном зеркале на стене.

Рыжий увидел в нём молодого человека с измученным лицом в измятом, покрытом пятнами крови, клоунском балахоне. Он посмотрел на себя испытующе и сказал уверенным голосом своему отражению, в котором на данный момент было больше шутовского и нелепого, чем мужественного:

– Настало время снять это с себя! Представление окончено!

Машина-склеп

Параграф 30. Мародёры, зомби и мародёры-зомби.

Никто не гарантирует вам того, уважаемый читатель, что, выйдя на улицу с оружием в руках, дабы обороняться от полчищ зомби, вы не столкнётесь с толпами мародёров и прочих преступных элементов и будете вынуждены применить его против них. В этом случае не нужно быть излишне изобретательным, и если вы – ловкий и меткий стрелок, то легко выведете из строя любого зарвавшегося бандита. Но помните о том, что, избавившись от простого смертного мерзавца, вы создадите себе новую проблему, когда тот воскреснет из мёртвых в облике кровожадного упыря.

Проспав ещё несколько часов, Лика поднялась с кровати, когда в небе уже всюду светило полуденное солнце. Её нос быстро уловил запах жареного мяса, проникший в комнату из гостиной, и проголодавшаяся девочка быстро спустилась вниз, на первый этаж. Здесь она увидела обоих добрых «рыцарей-спасителей», сидевших за накрытым столом, которых сначала совершенно не узнала.

В первый раз за всё время она увидела неряху Кинского с гладко выбритым лицом и с волосами, видимо, не без труда зачёсанными назад и прилизанными на манер причёски каких-нибудь мафиозных «донов». Он приветливо махнул рукой Лике, вгрызаясь в большой кусок жареной свиной ноги.

Рыжий также выглядел совершенно другим человеком без своего привычного клоунского балахона и яркого парика. Григорий успел перерыть весь дом и нашёл в одной из комнат в гардеробе одного из беспредельщиков запасной комплект аккуратно сложенной военной униформы, которая вполне подошла ему по размеру. Теперь он выглядел куда более воинственно, чем накануне в шутовском наряде. На кожаном ремне с блестящей начищенной бляхой слева в ножнах у него висел большой армейский нож, справа из кобуры торчала массивная рукоять пистолета.

За соседним столом Лику радушно приветствовали их новые друзья – Эрнст и Лембоев.

С улыбкой экс-клоун предложил ей присоединиться к трапезе, и она набросилась на неё, как голодный зверёк, так что даже Кинский на секунду от удивления прекратил жевать.

После сытного завтрака, состоявшего из кусков жареной свинины, копчёностей, сухарей, воды – для девочки и пива – для мужчин,

Кинский, громко и с удовлетворением рыгнув, изложил всем присутствующим свой план. Коль скоро все остаются под прикрытием этого нового убежища, он покинет их и в одиночку попытается пробраться в крепость хотя бы для того, чтобы разузнать, что там творится.

– Отлично, мы тебя не держим! – без тени сожаления ответил Рыжий.

Лица в изумлении захлопала ресницами и обиженно вос-

кликнула:

– Как?! А наш уговор?.. Союз Трёх?

– Ну... – проговорил Антон, смущённо отведя взгляд, – я же вернусь. Наверно... Если мне не помешают зомбари. Я должен всё выяснить, малышка. Мне не слишком-то нравятся слухи, которые бродят насчёт крепости, и с учётом того, что она находится по соседству, просто хотелось бы подробно разузнать, что к чему. Это будет обычная разведка, я вернусь с необходимыми данными, может, даже с «языком», – он весело подмигнул девочке.

– Ты вернёшься, правда? – бодро спросила она.

– Конечно, я же дал слово! Скажем так, я сделаю всё возможное, чтобы миссия прошла успешно.

– Ладно, не надо играть словами, – строго сказала Лика, – я уже не маленькая. Если сможешь, значит, вернёшься, или провалиться тебе сквозь землю.

– Отлично, на том и порешим, – ответил Кинский, вставая из-за стола. – Мне понадобится тачка, парни.

– Ты знаешь, куда ехать? – спросил Лембоев. – Я тебе покажу.

Он разложил перед ним на столе свою потёртую карту и указал на крестик, обведённый красным кружком:

– Вот она, эта пресловутая крепость. Где-то здесь в тридцати километрах затесалась наша харчевня. Но напрямик не пройти из-за крутого перевала, потому и придётся делать крюк. Главный ориентир – мост, за которым прямая доро-

га до пункта назначения, правда, в одном месте она сужается, когда проходит через ущелье. Поедешь на машине вдоль левого берега пересохшей реки, затем упрёшься в насыпь у моста. Здесь я бы посоветовал оставить машину, так как насыпь довольно крутая и вся в валунах. Короче говоря, дальше тебе придётся идти пешком. Дорога предстоит опасная, тем более, если ты пойдёшь в одиночку. И не забудь, что мост может быть заминирован.

– Ничего, – бросил в ответ Кинский. – Риск – благородное дело. Я выведу тех крыс из крепости на чистую воду. Детей они, видите ли, не ждут! Малышка, я сделаю это для тебя! Я проучу их всех, этих гнусных детоненавистников!

Лица восхищённо смотрела на Антона, размахивавшего кулаками, словно бившегося с ветряными мельницами, но на лице Рыжего отразилось недовольство сродни какой-то ревностной злости. Ему даже захотелось дать Кинскому в морду, но он сдержался.

– Я провожу тебя, – сказал Эрнст. – Поедем на моей, так будет быстрее.

– Зато на пикапе – пулемёт, – заметил Сильван.

– Не доверяю я этому пикапу. Пусть стоит здесь. Эта тачанка всегда может пригодиться вам самим – окрестности кишат шатунами и мародёрами. А тебе, Антон, я советую запастись водой и мясными консервами – к счастью, погреб ими битком набит.

Кинский набил вещмешок консервами, сухарями и бу-

тылками с водой, вооружился АК-74 с несколькими магазинами про запас, которые были найдены в богатой оружейной при харчевне, и обнял на прощание Лику. На этот раз она не выдержала и, заплакав, убежала на второй этаж в свою комнату.

Ворота были открыты, и Эрнст ждал Антона за рулём. Прежде чем сесть в машину, Кинский встретился глазами с Григорием, смотревшим на него недружелюбно и без малейшего сочувствия.

– Ты знаешь, – сказал Кинский с усмешкой, – зелёная униформа идёт тебе лучше, чем клоунский балахон. Раньше ты напоминал мне Белого, а теперь хоть стал похож на мужика.

Бывший клоун подошёл к нему вплотную и, убедившись, что рядом нет девочки, тихо, но твёрдо проговорил ему на ухо несколько слов:

– Никогда не возвращайся сюда, понял?

Не дожидаясь ответа Антона, он повернулся и зашагал обратно в дом. Кинский бросил ему вслед презрительный взгляд, сплюнул и сел в машину.

Внедорожник вылетел за ворота, подняв тучу пыли, заискрившейся на палящем солнце, и быстро оставил хутор далеко позади.

– Не страшно? – спросил Эрнст.

– Жить вообще страшно, – ответил Кинский.

– Да, это точно, вокруг царит кромешная жуть. Интересно, что здесь делают дети?

– В смысле?

– Ну вот, Лика, например. У меня просто есть на этот счёт одна теория. С оглядкой на некоторые события можно было бы предположить, что все мы попали в некое чистилище и отбываем тут определённый срок. Ты никогда не задумывался об этом?

– Нет, никогда, – невозмутимо ответил Антон, пристально всматриваясь в марево на дороге.

– Ну, тогда представь себе, что однажды ты просыпаешься на рассвете с сильнейшей головной болью. Чешешь себе затылок, поднимаясь с пола, заваленного книгами и разным канцелярским хламом, пошатываясь подходишь к окну, пытаешься вспомнить вчерашний день и видишь, что за окном – Армагеддон. Почему-то ты оказался совсем один в библиотеке, которая выглядит будто после погрома. Это твоё первое убежище, из которого ещё предстоит выбраться с риском для жизни. Библиотека – не оружейный магазин, тут только книги, столы, стулья и шкафы. Ты украдкой наблюдаешь из окна ужасную картину – люди, похожие на демонов, нападают на других людей, кусают и разрывают на куски. И так происходит повсеместно. И нет этому ужасу конца и края, потому что людей очень много, война будет длиться долго и ясно, что перемирие исключено, и одна из сторон в этой битве когда-нибудь выйдет абсолютным победителем, не оставив другой ни малейшего шанса... Мы все считаем себя беглецами, потому что действительно постоянно перебираемся с

места на место в поисках воды и еды, мигрируем, воюем с такими же, как мы за колодцы в пустыне, которые кажутся нам каким-то чудом света. Порой мне кажется, что все мы попали в ад, поскольку ангелов среди нас нет точно. Но тогда возникает вопрос: что среди нас делают дети?

Кинский с интересом посмотрел на Эрнста и сказал:

– Согласен, им тут делать нечего. Территория 16+. Но это разбивает твою теорию в пух и прах, верно?

– Ну, я пока ещё ни в чём не уверен, кроме того, что жара последнее время стоит просто адская! Да и вообще, всё, что нас окружает выглядит довольно непонятно, сюрреально, как будто мы в какой-то виртуальной игре, в подобии Матрицы?

Эрнст умолк, с серьёзным видом сосредоточившись на безлюдном и безводном пустынном виде, простиравшемся за лобовым стеклом автомобиля. Кинский тоже молчал, не зная, что и сказать в данном конкретном случае.

Так, в тишине они доехали до насыпи под мостом, переброшенным через пересохшее русло.

– Ты точно решил пробраться в эту крепость? – спросил Эрнст. – Вот Сильван считает, что надёжную «цитадель» мы уже заполучили в виде премии после долгих мытарств, он счастлив по уши, возится на хуторе с домашним хозяйством. Мне кажется, он себя нашёл, и я знаю, что ему это нужно, чтобы не свихнуться, ведь он потерял свою любимую жену и дом. А что нужно тебе?

– Мне нужно в крепость. Не люблю скрытых детоненавистников, надо задать всем этим рептилоидам жару. Перебью их всех! Ну, а потом я свободен и, возможно, мы ещё встретимся, приятель.

– Я не против, – рассмеялся Эрнст. – Если ты меня... не убьёшь при встрече. Толстяк считал тебя опаснейшим из маньяков, если я не ошибаюсь, но нам-то с тобой нечего делить, верно?

Кинский пристально посмотрел на Эрнста.

– И ты меня не боишься?

– Меньше, чем зомбарей, поверь.

Кинский усмехнулся, вышел из машины и, махнув рукой водителю и закинув на плечо автомат с рюкзаком, зашагал через высохшее русло к противоположной насыпи, по которой можно было подняться наверх. Этот путь был не самым лёгким, но таким образом можно было миновать мост без риска подорваться на минах, если они действительно там были.

Эрнст развернул машину и дал по газам, сделав несколько прощальных гудков. Кинский ругнулся про себя – поднимать шум лишний раз в этих пугающих своей тишиной, неприветливых окрестностях было крайне необдуманно и опасно, и скорее для него, чем для умчавшегося на машине Эрнста. Он замер на минуту и огляделся по сторонам, но не заметил ничего подозрительного и продолжил подъём.

Путь наверх занял минут десять, но Антону удалось пре-

одолевать эту вершину, обливаясь потом под палящим солнцем. Поднявшись на раскалённую асфальтированную дорожную полосу и отдышавшись, Кинский с триумфом посмотрел на мост. Он был очищен от каркасов брошенных или сгоревших машин, кроме одной, впечатляющей не только габаритами, но и внешним видом. Машина и все её колёса были целы, передняя правая дверь гостеприимно раскрыта, словно приглашая войти, сесть за руль и опробовать её ходовые качества. Это был гибрид автобуса с наглухо заваренными железными листами окнами, кроме лобового, защищённого практичной железной решёткой, с мощным бульдозером. Спереди был установлен устрашающих размеров стальной «метельник». Это была идеальная давилка с классическими прорезями для бензопил и бойницами для дробовиков по бокам, которые, конечно, закрывались и открывались изнутри. Это был настоящий бронированный зомби-кар.

Выставив перед собой дуло автомата, Кинский осторожно заглянул через открытую дверь внутрь машины. Ни в кабине, ни в обширном пассажирском салоне никого не оказалось, и это было более чем удивительно. Салон был оборудован всем, что нужно для жизни на колёсах. Кто-то проделал кропотливую работу, чтобы сделать из этой тяжеловесной машины удобное средство передвижения, не боясь орд зомби на дорогах, позаботившись даже о некотором домашнем уюте. Вместо пассажирских сидений тут оказалась комнатка для отдыха с двумя диванами, столом и мини-баром, привинчен-

ными к полу, а в дальнем конце – отсек с большим запасом канистр, наполненных до отказа дизелем. Рядом стояла ещё пара канистр с надписью «Бензин», вероятно, для заправки бензопил, в которых тоже не было недостатка: пять brutальных орудий для распила зомби были аккуратно вставлены в специально оборудованную оружейную нишу рядом с пятью карабинами и запасом патронов. В замке зажигания даже оказался ключ!

Такого подарка от судьбы Антон не ожидал.

Захлопнув боковую дверь, закрывавшуюся вручную, Кинский некоторое время наслаждался своим новым успехом. Он решил не торопиться и не сразу угонять машину-давилку. Он же не беспредельщик и не мародёр, и если её хозяйева ненадолго отошли, он даст им шанс вернуться и, возможно, они поладят. По любому, с ним надёжный «калаш», который всегда сможет помочь ему при переговорах. Он не стал давить на клаксон опять-таки из соображений безопасности, чтобы не привлекать шатунов.

Антон уселся на диван, достал из минибара бутылку бренди со стаканом, надетым на горлышко, плеснул в него немного горячительного и продегустировал. Бренди оказался вполне приятным на вкус.

Ещё раз окинув придирчивым взглядом внутреннее убранство зомби-кара, Кинский заметил стоявший вдоль правой стены длинный деревянный ящик шириной около полуметра и длиной метра два. Ящик был заколочен сверху

досками, на нём не было надписей, и Антон решил, что, скорее всего, он служит чем-то вроде закрытого бокса для гранат или какого-то другого мощного оружия, доступ к которому был специально ограничен.

Допив бренди из стакана и поняв, что ждать дальше бесполезно, Кинский с довольной улыбкой уселся на водительское кресло, положив перед собой на приборную панель автомат, и повернул ключ в замке. Машина нехотя завелась, и Кинский был готов кричать от счастья, как вдруг услышал какой-то механический лязг и почувствовал, как что-то защёлкнулось на его правой ступне, которой он слегка надавил на газ. Дикая боль пронзила ногу, и Кинский стиснул зубы, чтобы не взвыть. Антон разглядел коварно установленный кем-то большой звериный капкан, прикрученный к педали, в который его и угораздило угодить. Он попытался дотянуться рукой до ноги, нащупал корпус капкана, но как ни пытался, не смог его раскрыть. Капкан оказался с секретом, усиленный каким-то тросом, который сжимал дуги, в то время как Кинский изо всех сил пытался вырвать из них ногу. Он взмок от пота и хотел уже звать на помощь, несмотря на то, что тем самым можно было привлечь внимание шатунов, когда обратил внимание на небольшой бумажный конверт, приклеенный серой клейкой лентой к клаксону на рулевом колесе. На нём была надпись: «Открой меня».

– Шутишь?!... – в ярости прошипел Антон, однако схватился за конверт, как за спасительную соломинку, ведь в нём

мог быть ответ на все малоприятные вопросы.

В конверте оказалась допотопная магнитофонная кассета, на которой было написано: «Включи меня».

Корчась от боли в ноге, Кинский торопливо вставил кассету в магнитоу и услышал в динамиках громкий, твёрдый мужской голос:

– Здравствуй, друг! Если ты слышишь меня, значит, всё в порядке, всё, как было запланировано. Не удивляйся и постарайся воспринять мелкие неудобства с достоинством. Не знаю, кто сейчас за рулём этой замечательной машины, но поверь, что в её создание вложили немало труда и мастерства. Конструировать её мне помогал мой любимый сын, и мы собирались вместе с ним бороздить на ней дороги, превращая орды зомби в пыль. Наверно, ты уже смог оценить машину и снаружи, и внутри. Уверяю, всё сделано добротно: и метельник, и внутренний интерьер. В капоте тоже полный порядок. В салоне хранится большой запас топлива, холодного и огнестрельного оружия. В багажном отделении достаточно съестных припасов и воды. И поверь, это было собрано не для случайных гостей. Просто случилась одна большая неприятность. В самом конце нашей работы с моим сыном случилась беда – врождённая болезнь дала о себе знать, и он тихо скончался у меня на руках... – голос, записанный на плёнку, со скорбью ненадолго умолк, затем продолжил:

– Любезный друг, ты знаешь, в какое время мы живём. Воздух чем-то заражён, и мёртвые стали оживать, будто вос-

креснув. Они заражают этой пакостью живых, и те становятся очень агрессивными зомби. Мой несчастный сын умер своей смертью, но я знаю, что пройдёт совсем немного времени, когда он восстанет из своей могилы. И мне бы хотелось в этот страшный час сделать ему подарок. Однажды он вырвется из своей гробницы и поймёт, что не один. И мой мальчик – в своей машине, которую он создавал своими руками, и его отец не забыл о нём. Что до меня... то машина мне одному не нужна. Неправильно, если первыми уходят дети, а мне, видимо, придётся уйти после сына, как это ни ужасно!.. – Голос на плёнке оборвался и в динамики оглушительным мощным потоком хлынула органная музыка.

Однако даже громкая запись виртуозной и величественной Токкаты и фуги ре минор, BWV 565 Баха не помешала Кинскому различить донёсшийся позади подозрительный треск. Он вывернул голову, насколько это ему позволяла его нелепая поза пленника, и увидел, как кто-то выколачивает изнутри верхние доски из длинного ящика, стоявшего вдоль стены. Чьи-то худые бледные руки проделали большую брешь в верхней крышке, за ними появилась голова, и вскоре всё тело выбралось наружу из этого подобия гроба.

Кинского прошиб холодный пот, когда он увидел, что это – худой и высокий зомби с жёлтыми глазами, мерцающими, как у голодной гиены. Живой мертвец обвёл взором салон машины, и его хищный холодный взгляд остановился на Антоне. После этого поначалу вялый зомби заметно оживился

и целенаправленно шагнул в сторону водителя, прикованного к креслу. Последнему было уже не впервой чувствовать себя подобным образом после того, как он провёл несколько дней привязанным цепью к рулевому колесу циркового грузовика, но в данной новой ситуации он оказался намного более уязвим.

Существо, надвигавшееся на него, только что воскресло и, вероятно, испытывало неестественный чудовищный голод и жажду крови – это было написано у него на бледном, как помертвая маска, лице. Упырь оскалился и простёр свои руки с длинными тонкими, перепачканными в машинном масле пальцами, к горлу Кинского.

В тщетной попытке вырваться из кресла, Антон в ужасе закричал и нажал на газ больной ногой в капкане. Машина резво тронулась с места, и зомби, потеряв равновесие, распластался на полу, однако на удивление быстро вернул прежнюю ориентацию, и теперь уже ползком, скаля крупные белые зубы, будто в усмешке, приближался к перепуганному насмерть водителю. Ни одна из попыток Кинского вращать рулём на высокой скорости не возымела на живого мертвеца своего действия. Когда упырь наконец достиг открытой с одной стороны водительской кабины и, встав с колен, был готов наброситься на Кинского, тот резко нажал на тормоза. Шатун с силой ударился головой об лобовое стекло, однако остался стоять на ногах. Антон схватил автомат, и вставив дуло упырю в рот, разрядил весь магазин. Всем давно извест-

но, что одна пуля для зомби всё равно что укус комара, но только не весь магазин. Голову шатуна буквально разорвало на части, и его укороченное тело, беспомощно взмахнув руками, рухнуло на пол у передней боковой двери машины.

Несколько минут Кинский ещё боролся с капканом, державшим его правую ногу цепкой хваткой, пока ему не удалось наконец раздвинуть дуги и высвободить ступню. После этого Кинский торжествуя нажал на кнопку магнитолы, выключив божественную музыку гения органной музыки на последних торжественных тактах.

Параграф 12. Таинственный.

Нет ни малейшего сомнения в том, что всё происходящее в эту жестокую эру Армагеддона – не сон и не галлюцинации, а реальность, с которой необходимо смириться. Но некоторые из выживших позволили себе в этом усомниться. Мы решили упомянуть об этом, потому что число этих несчастных помешанных растёт с каждым днём, грозя превзойти число более трезвомыслящих граждан нового мира. Одни из них считают, что живут в кошмарном сне, другие расценивают это как виртуальную реальность, третьи полагают, что находятся в Чистилище, расплачиваясь за совершённые грехи. Мы не можем с уверенностью заявлять, что это не сон, поскольку некоторые сны слишком реалистичны, не возьмёмся спорить против версии виртуального мира, так как некоторые наблюдения говорят и в пользу этого, но категорически не согласны с версией Чистилища,

Аида или Стикса, ибо даже если учесть, что все выжившие – убийцы и грешники, никто не даст им права грешить на том свете вновь и вновь, усугубляя свой и без того сомнительный статус.

Доктор Стаменов вёл свою «скорую», не особенно торопясь и останавливаясь у каждого встречного заброшенного домишки, деревни или разрушенной бензозаправки, где его новые колоритные спутники отправлялись на поиски воды, продуктов или топлива. Заночевали они в каком-то деревенском покосившемся магазине, на полках которого не нашлось даже заваливавшейся корки хлеба, и продолжили путь злые и голодные лишь после полудня на последних остатках топлива в бензобаке. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они лишь ненамного обогнали Кинского на пути к крепости.

Миновав опасную сужавшуюся дорогу, что вела через ущелье, и едва не съехав с неё в глубокую пропасть из-за того, что взбесившийся от голода и жары Белый попытался спихнуть Игоря с водительского сиденья и сесть за руль сам, компания на «скорой помощи» столкнулась со встречным кортежем, во главе которого чинно катился чёрный «Хаммер» братьев Хильштейнов.

Стратегия дородных предводителей банды в таких случаях была всегда одинакова. Забрать у своих жертв всё, не оставив ничего взамен. Стаменов был вынужден остановить фургон, оказавшись в плотном кольце машин, из которых высы-

пали вооружённые автоматами и карабинами дюжие парни Хильштейнов.

Предводители банды наблюдали за происходящим из своего бронированного автомобиля, пока все, кто был в «скорой», коротко посоветовавшись, не сложили оружие в ответ на убедительное требование одного их бандитов. Лишь после того, как спутники Стаменова с поднятыми руками вышли из амбулатории на колёсах, Хильштейны покинули уютный салон «Хаммера», чтобы напрямую руководить хаотичным разбойничьим налётом. Впрочем, действия членов банды не отличались оригинальностью: один из них тут же, не дожидаясь отдельного приказа, занялся стравливанием дизеля из топливного бака фургона, второй подобрал с земли брошенное оружие пленников, в то время как все остальные потрошили амбулаторию изнутри.

Когда из фургона появился бородатый верзила в кожаной косухе с клеткой в руках, Стаменов побледнел и сделал шаг вперёд, позабыв о том, что стоит под прицелом у троих вооружённых бандитов.

– Только не трогайте мышей! – крикнул он.

Один из Хильштейнов в экстравагантном жёлтом костюме склонился над клеткой, с интересом наблюдая за тремя летучими мышами, ползающими по её дну.

– Это ещё что такое? – проговорил он.

– Да сам в ауте, шеф! Тут летучие мыши... отбивают срок. Шеф, позволь мне грохнуть «айболитов», руки чешутся!

Проигнорировав последнюю реплику своего подчинённого, Хильштейн повернулся к Игорю и спросил:

– Зачем они тебе?

– Я ученый, исследую Z-вирус. Это подопытные мыши. Прошу вас, не трогайте, отдайте их мне. И поаккуратнее с микроскопами и патогенными образцами в машине!

Второй Хильштейн, одетый в тёмно-серый строгий костюм молча закурил толстую сигару, с лукавым прищуром посмотрев на доктора.

Первый Хильштейн взял клетку и медленно подошёл к доктору.

– Подопытные, говоришь, – произнёс он холодно и с расстановкой. – Исследуешь вирус? А зачем?

– Как зачем? – в изумлении промолвил Игорь. – Чтобы найти вакцину. Я хочу выделить антитела, а этот вид мышей крайне вынослив к данной мутации вируса, и я уже на полпути к созданию сыворотки, хоть это и нелегко в таких полевых условиях. Разве вы не хотели бы, чтобы весь этот ад наконец закончился, и мир поднялся с колен?

Хильштейн осмотрел разношёрстную компанию Стаменова: Иветту, Панка, Вязова, Цибелу и Белого. На последнем его взгляд задержался немного дольше.

– А эти – тоже доктора? – спросил он, казалось, совершенно без иронии.

– Нет, только вон та девушка в халате. Остальные... мои друзья.

– Хотел бы я, чтобы мир поднялся с колен? – добавил Хильштейн в жёлтом, обменявшись многозначительным взглядом с братом, невозмутимо дымящим сигарой. – Чтобы поставить на колени меня? Хочу ли я этого?.. Нет, не хочу. Никто и никогда не поставит меня на колени. Только я буду решать, кому стоять на них, а кому нет. И если ты хочешь изменить этот порядок вещей, то это очень плохо.

Неожиданно Белый вырвался из строя пленников и остервенело завизжал:

– «Айболиты» мне не друзья! Возьмите меня в свою команду, шеф! Я лично перережу горло этой учёной мрази! Я вас прекрасно понимаю, установленный порядок нерушим. Шеф, я знаю фокусы, я знаю, как вскрывать сейфы, я вам пригожусь... Возьмите меня в клан! Возьмите меня... – его вопли перекрыл звук выстрела.

Хильштейн с сигарой пулей девятого калибра из ПМ пресёк дальнейшие мольбы клоуна, по-прежнему не сказав ни слова. Даже верзила в косухе как будто не был готов к столь молниеносной и однозначной реакции одного из своих боссов на воззвания перебежчика и застыл в недоумении, глядя, как белый клоун корчится на земле от боли с пулей в животе. Остальные пленники стояли, не решаясь пошевелиться, в изумлении воззрившись на тяжело раненого Белого.

Хильштейн в жёлтом открыл дверцу клетки и, встряхнув её, выпустил на волю летучих мышей, с писком разлетевшихся в разные стороны. Пустая клетка упала к ногам по-

трясённого Стаменова.

– Никто не будет решать, – произнёс бандит ледяным тоном, – кроме меня.

Хильштейн в жёлтом выдержал долгую паузу, словно что-то обдумывал, после чего повернулся к верзиле в косухе, чтобы отдать приказ, который не удивил бы никого из беспредельщиков. Братья никогда не отпускали своих пленных живыми. Обычно их расстреливали, обезглавливали и бросали под открытым небом на радость падальщикам. Бандитам не нужны были ни свидетели, ни потерпевшие, которые будут мстить, а о перебежчиках не могло быть и речи: кто будет им всерьёз доверять? Помилование в таких случаях было маловероятно, но никто из головорезов всё равно не стал бы стрелять по пленным без приказа.

Бандит в косухе поднял дуло своего карабина, следя за выражением лица одного из своих шефов. Молчаливый Хильштейн в сером костюме смотрел куда-то в сторону, задумчиво дымя своей сигарой, видимо, предоставив полное право решать судьбу пленников своему более разговорчивому брату. Последний уже знал, что отдаст приказ расстрелять их после того, как все мародёры с добычей соберутся вокруг, чтобы лишний раз продемонстрировать свою безжалостность, напомнив об этом подчинённым, ну и, конечно, произвести казнь чужими руками, дабы не замарать в крови своих. Хильштейн в жёлтом был красноречивее своего брата, но в особенно щепетильные моменты предпочитал оста-

ваться в стороне, в то время как его молчаливый брат-курильщик не брезговал принимать личное участие и в кровавых разборках. Однако группа бандитов, занимавшихся осмотром фургона, замешкалась, и Хильштейн повременил с приказом открыть огонь по пленным.

В этот момент со стороны ущелья донесся какой-то гул, и на дороге в мареве возникли очертания огромного чудовища на колёсах, несущегося на полной скорости прямо на них. Машина, приближавшаяся в клубах пыли и дыма, казалось, не собиралась останавливаться. Видимо, её водитель, то ли слепой, то ли безумец, то ли безбашенный храбрец, настроенный как нельзя более решительно, давил на газ со всех сил.

Бандиты, копавшиеся в салоне фургона, не успели из него выбраться, когда зомби-кар на предельной скорости снёс его со своего пути, подмяв под себя заодно и несколько легковых машин мародёров, включая «Хаммер» Хильштейновых, и лишь после этого остановился, заметно укоротив свой тормозной путь грудой из опрокинутых автомобилей, превратившихся в металлолом.

Зомби-кар чудом не зацепил братьев, застывших в оцепенении, но поднявшейся суматохой воспользовались пленники. Вязов и Панк навалились на застывшего в ступоре бородача в косухе и, отобрав у него карабин, надолго вывели его из строя ударом приклада по косматой голове. Водитель зомби-кара, которого не было видно за лобовым стеклом, забранной решеткой, несколькими короткими очередями из

автомата через бойницы своей огромной машины, нейтрализовал оставшихся бандитов.

Стаменов взирал на помятый кузов фургона с выбитыми стёклами с выражением растерянности и глубокой скорби на лице – под грудой искорёженного металла были похоронены результаты его долгих научных изысканий, смертельно опасного риска и большие надежды на светлое будущее человечества. В этот момент любые другие эмоции ушли для него на второй план. Казалось, его даже не удивило появление из двери зомби-кара человека с автоматом, который, прихрамывая, направился к братьям Хильштейнам. Оба они к тому времени стояли под прицелом их бывших пленников, в шоке созерцая «убитый», лишённый передних колёс «Хаммер».

– Вот так встреча! – воскликнул Кинский при виде Вязова и Панка. – Вам повезло, парни. Мародёры не оставляют в живых своих жертв.

Его взгляд упал на скрюченное тело Белого, который был ещё в сознании, хотя, конечно, мало понимал, что происходит. Их взгляды пересеклись, и белый клоун что-то прошипел, протянув к нему руку с окровавленными пальцами, очевидно, в злобе, из последних сил сжав её в кулак. После этого, глаза клоуна закатились, и он обмяк на земле.

Кинский указал на тело клоуна, вопросительно взглянув на спасённых, но ничего не сказал. Его вниманием завладели братья Хильштейны. Курильщик машинально достал из внутреннего кармана пиджака вторую сигару, поскольку

первую сдуло вихрем, поднявшимся от разогнавшегося под сто двадцать километров в час зомби-кара, и снова закурил, не спуская глаз с Антона.

Второй в изумлении проговорил:

– Это же Кинский!

– Точно, – согласился курильщик и добавил как можно сдержаннее:

– Ты что творишь, Антон?

– Скажем так, мне нравится творить благородные дела, – ответил Кинский. – А вот что творите вы?

– Занимаемся своим делом, тем, что у нас получается лучше всего. А что нам делать остаётся? Нашу главную «дойную корову», Кувалду Молича похитили и увезли в Кербер. Теперь мы можем зарабатывать лишь банальными налётами, вернулись к занятию молодости, можно сказать. А ты, знаешь, теперь решил записаться в робин-гуды? Замаливаешь грехи на старости лет?

– Нам всем надо стараться меняться к лучшему, – ответил Антон. – Хотя в чём я виноват? В том, что проучил кое-кого из ваших лучших киллеров и надавал оплеух нескольким зарвавшимся «шестёркам»? Надеюсь, что до них дошло, они встали на путь благочестия и покинули ваш клан. Я знаю, что я хороший ликвидатор зомбаков, и мне по нраву все, кто на стороне живых, а не мёртвых. А вы, братцы, лишь увеличиваете число зомби, вместо того чтобы их сокращать. Вот с вами мне точно не по пути... Вижу, что вы успели грох-

нуть Белого. Мне он и раньше не особо нравился, но скоро он воскреснет, и появится новая проблема, не так ли?

– Иногда настоящую проблему представляют не зомби, а люди, – произнёс Хильштейн в жёлтом. – Ты хоть и насолил нам немного, но мы на тебя зла не держим. Есть проблемы посерьёзнее.

– А что случилось-то?

– Маньяки совсем распоясались!

Кинский вопросительно посмотрел на бандита.

– Ты разве не слышал о серийном по кличке Гофман? Так вот, он зарубил нескольких моих людей топором в соседнем городе. Надеюсь, он недолго будет буйствовать, и скоро мы его найдём.

– И всё же настоящая проблема в шатунах, – возразил Кинский. – Они уже научились быстро бегать и даже маскироваться под живых людей.

– Значит, ты не станешь нас мочить, Антон? – серьёзным тоном спросил курильщик. – Ведь мы превратимся в зомби и создадим тебе много новых неудобств.

– Стану, братцы, – ухмыльнулся Кинский. – Ведь мне не нужно, чтобы за мою голову назначили новую награду. Поэтому разворачивайтесь и бегите отсюда без оглядки, может, я ещё и передумаю.

Хильштейны быстро переглянулись и попятились в сторону. Повернувшись к дороге, которая скрывалась за ущельем, они ускорили бег, хотя их вес явно не позволял им бе-

жать со всех ног или петлять, чтобы их не настигла очередь из автомата.

– Ты их отпустишь? – в изумлении воскликнул Панк.

Кинский выждал несколько секунд, явно не без удовольствия наблюдая, как братья неуклюже бегут по дороге, тряся всеми жировыми складками, затем вскинул автомат и сделал короткую очередь по ногам неповоротливых бандитов. Те почти одновременно шлёпнулись на землю, подвывая от боли.

– Так им и надо! – весело крикнул Панк. – Сколько форсу, сколько понтов... Теперь они не смогут встать даже на колени, не то что поставить на них кого-то другого!

Он с уважением посмотрел на Антона и сказал:

– Я не знаю, кто ты, мужик, но вот тебе моя рука. Если тебе нужна помощь, я с тобой.

– Куда направляетесь? – спросил Кинский.

– В крепость.

– Значит, нам по пути, – он указал на зомби-кар. – Садитесь в машину, а то мертвяки скоро активизируются. В тесноте да не в обиде, как говорится.

Никого из компании Стаменова не пришлось долго упрашивать. Игорь бросил печальный взгляд на разбитый остов фургона и вошёл в зомби-кар последним, захлопнув за собой дверь. Огромная машина без особых проблем раздвинула метельником каркасы помятых автомобилей мародёров, проехав между ними, и тронулась дальше по шоссе.

Братья Хильштейны, корчась от дикой боли, попытались проползти несколько метров в сторону «Хаммера», в котором можно было найти аптечку, когда на них упала долговязая тень. Белый клоун несколько мгновений глядел на них холодными остекленевшими глазами, как вдруг набросился на одного из братьев в жёлтом костюме, пытаясь добраться зубами до его горла. Когда ему удалось оторвать от него жирный кусок плоти, он перешёл ко второму блюду – его брату-курильщику, вгрызаясь в его чисто выбритую лоснящуюся щеку. Тишину огласили душераздирающие вопли Хильштейнов, захлебнувшихся в собственной крови.

Параграф 2. Бдительность – превыше всего!

Необходимо помнить о том, что внешность некоторых шатунов может быть обманчива. Они могут прикинуться добрыми приятными людьми, но оказаться «изгоями» мира зомби, то есть представителями отнюдь не самой безобидной их разновидности. С другой стороны, обычный незнакомый человек, еле волочащий ноги или пошатывающийся от бессилия и строящий жуткие гримасы из-за полученных травм и усталости, может показаться вам настоящим упырём. Отсюда можно сделать обобщённый вывод: не знакомьтесь с неизвестными ни в сумерках, ни днём, ибо доверительность не самый лучший ваш союзник.

Крепость Кербер, наречённая так некогда её создателем генералом Ломовым, не была ни городом ни крепостью в привычном понимании этого слова. Скорее, это была гигант-

ская арена для гладиаторских боёв, обнесённая высокой железобетонной стеной с несколькими смотровыми башнями, амфитеатр, под которым на глубине в десятки метров располагались подземные апартаменты, где обитатели Кербера проводили дни и ночи, каждый по-своему в соответствии со своим чином, званием и, наконец, социальным классом. Попастъ сюда при желании мог любой простой смертный не младше пятнадцати лет, заплатив довольно большую подать. Таково было незыблемое правило, установленное комендантом с момента возведения этой цитадели.

Ломов не был сумасшедшим, но иногда, когда он сидел на возвышении в комендантской ложе в своём парадном белом кителе рядом со своей, вполне созревшей для кровавых зрелищ, дочерью Настасьей, ему нравилось представлять себя цезарем на подиуме в Древнем Риме.

В этот особенно жаркий день они с нетерпением ждали выхода на арену новоявленной «звезды», Ефима Молича, несколько дней назад похищенного из-под носа у братьев Хильштейнов, единственного общепризнанного гладиатора боёв с живыми мертвецами, из которых он всегда выходил победителем. Настасья втайне восхищалась этим таинственным силачом, неуязвимым для зубов зомби, а если точнее, попросту обладавшим иммунитетом от вируса.

После этого показательного боя она собиралась сообщить отцу о своём намерении обвенчаться с красавцем-истребителем зомби, хотя об этом решении ещё не знал даже сам

Ефим. Неизвестно, что бы он ей на это сказал, ведь ему очень не понравилось, что его украли, будто какую-то вещь, пусть и дорогую. Впрочем, он предпочитал пока не накалять отношения с новыми хозяевами, сделав вид, что его устраивает его новое положение раба, перекочевавшего с ринга бандитов в амфитеатр честолюбивого и развращённого вождя коммуны. Он уже успел убедиться, что сбежать из крепости непросто и решил действовать как можно осторожнее, – выждать время, усыпив бдительность, и вырваться на волю при первом же удобном случае. Тогда он уже не даст взять себя голыми руками и, конечно же, никогда не вернётся к Хильштейнам, которые из-за своей непомерной алчности ему тоже надоели до чёртиков. Ему была больше по сердцу идея создания своей собственной банды, несокрушимой и растущей с каждым днём под стать самой страшной орде, – и эта мысль, зародившаяся не так давно, приятно согревала его в холодной подземной одиночной камере, где он провёл последние дни.

Амфитеатр был площадью чуть меньше футбольного поля и вмещал несколько тысяч зрителей, практически всё население Кербера. Это была пёстрая толпа, готовая ради хлеба и зрелищ пойти в самое пекло, преданная своему единоличному господину, коменданту Ломову. Генерал плохо разбирался в психологии, но отлично знал, как действовать с позиции силы, мог громко стучать по столу «железным» кулаком, умело орудовал как кнутом, так и пряником, лихо прес-

совал особо распутившихся на подземной пресс-хате, уверенно закручивал гайки и собирал воедино слабые звенья. За несколько лет он научился властвовать и делал это без лишней одури, но и не без скрытого наслаждения. Можно сказать, за это его и любили все те, кто его окружал, отвечая ему беспрекословным повиновением и готовностью стоять за него до последнего конца.

Он знал, что делал, когда решил выкрасть Молича у самих Хильштейнов, славившихся своей жестокостью, жадностью и коварством. Генерал Ломов чувствовал, что толпе наскучили ночные оргии и привычные бои без правил, и ей хочется чего-то новенького, а значит, её нужно было чем-то удивить. Идею похищения ему подбросила его дочь, сходившая с ума без адреналина, – она сама же и привела свой хитроумный план в исполнение. С её точки зрения, всё было сделано практически ювелирно, ведь она вознамерилась заполучить не только тело сурового силача, но и его сердце. Но было сделано ещё только полдела, и она не была уверена, что Ефим Кувалда Молич навсегда во власти её обаяния; всё только начиналось.

Она ждала бой не потому, что никогда не видела сражений людей против зомби – её возбуждала легенда, которая вот-вот должна была появиться на арене, почти мифологический герой, сердцем которого она возжелала завладеть – это щекотало ей нервы, как будто она сама должна была выйти в центр арены и сражаться рядом с ним.

Толпа бусевала, ожидая начала боя, когда комендант встал во весь рост, взял в руки микрофон и над ареной в динамиках прогремел его жёсткий отрывистый голос:

– Друзья! Граждане Кербера! Мы все ждали этого момента. Для нас нет ничего невозможного, и вот теперь в наших рядах самый опасный боец всех времён и народов! Я рад представить вам... Кувалду... Мо-о-ли-и-и-ча!..

Над крепостью прокатился оглушительный торжествующий рёв толпы зрителей. Ефим не был готов к такому бесподобному триумфу и не ожидал, что его будут встречать с таким искренним ликованием, поэтому застыл в нерешительности, когда перед ним подняли небольшие кованые ворота, через которые гладиаторов обычно выпускали на бой. Позади него стояли ещё с дюжину бойцов, вооружённых бензопилами, секирами, мачете и даже булавами. По сценарию этого шоу под открытым небом ему должны были помогать верные «друзья», набранные из числа каких-то полоумных и злобных отщепенцев, не сломавшихся под пытками прессо-виков Ломова, или попросту самоубийц, которым, видимо, было нечего терять. Самому Моличу перед битвой вручили кувалду, что было символично, не говоря уже о том, что для Ефима это оружие было вполне привычным. На ринг Хильштейнов он тоже часто выходил с увесистой, заострённой с одного конца кувалдой, снося головы зомбарям, чем и приводил публику в сумасшедший восторг.

Охранники подтолкнули помощников Ефима к воротам,

и тот был вынужден сделать первый шаг вперёд. Наконец он предстал взорам зрителей, с улюлюканьем подскакивавших со своих мест при виде его внушительной, поигрывающей бицепсами фигуры, облачённой в лёгкую кожаную накидку, тогда как все остальные бойцы были одеты в специально сделанную кольчугу с металлическими щитками для защиты от зубов зомби.

Спустя минуту с противоположной стороны арены появились и шатуны, которых вытолкнули из загона. Их было в три раза больше, чем гладиаторов, но это считалось честным разделением сил в бою на арене. Увидев зомби, Молич нервно сглотнул, осознав, что попал в неприятную историю. Командант и не собирался облегчать жизнь ни ему, ни его собратьям по оружию, отобрав для боя самых рослых, крепких, злобных, далеко не безобидных шатунов. Среди них были и быстрые особи, похожие повадками на гиен, были и медлительные, но мощные и устрашающие под стать каким-нибудь йети, но все они были одинаково голодны и, едва завидев людей, чересчур бодро направились прямо к ним, механически размахивая руками, словно роботы манипуляторами.

Зомби и гладиаторы сцепились в смертельной схватке – первые шли напролом, получая сильнейшие удары всеми орудиями, которые были в распоряжении простых смертных, но, очевидно, не чувствуя при этом и намёка на боль. Молич стоял в центре группы соратников, пока зомби не разорвали это оцепление, внеся панику в ряды гладиаторов, и

тогда Ефим припомнил свои бойцовские навыки, крепче ухватившись за кувалду. Послышался треск черепов, когда он обрушил на них своё холодное оружие, однако и шатуны были не лыком шиты и не собирались уступить, давя и яростью, и численностью, что в итоге и сломило оборону простых смертных.

Очень скоро донеслись вопли первых жертв шатунов. Наваливаясь на гладиатора по двое или трое, зомби буквально разрывали его на части, невзирая на кольчугу, и на обожжённый солнцем песок арены вместе с вываливающимися внутренностями проливалась алая кровь. Молич подхватил с земли мачете, брошенный одной из жертв, и в неистовстве умудрился за одну минуту оглушить кувалдой и обезглавить сразу пятерых зомби, приведя толпу зрителей в исступление и едва не оглохнув от её рёва. Его соратники, число которых заметно уменьшилось, мало ему помогали, и Молич понемногу начал выбиваться из сил, когда двое рослых шатунов сбили его с ног, навалившись сверху, и он почувствовал зловоние клацающего зубами зомби и увидел его бешеные жёлтые глаза совсем рядом.

Кувалда выпала из его рук, и, казалось, шатун вот-вот вопьётся зубами в его руку или горло, однако зомби, отведя свой жуткий мутный взор, только прохрипел что-то нечленораздельное и попытался отползти поближе к останкам одного из растерзанных гладиаторов, словно Молич стал для него совершенно невидим. Этим тут же и воспользовался Ефим,

вскочив на ноги и нанеся сразу два смертельных удара мачете обоим инфицированным обидчикам. Он снова пустил свою кувалду в ход, не забывая рубить головы шатунам направо и налево при помощи мачете, заставляя зрителей вопить в истерике, и постепенно уцелевшие в бою гладиаторы перешли в наступление, расправившись почти со всеми упырями. К исходу битвы они остались втроём, включая Молича, предоставив ему право разобраться с последним уцелевшим шатуном. Ефим подошёл к нему почти вплотную, пользуясь той самой удивительной для неискушённых зрителей покладистостью шатуна, по какой-то причине быстро потерявшего к нему интерес как к потенциальной жертве, и одним махом эффектно отсёк ему голову, с пафосом поднял её за волосы и подбросил в сторону комендантской ложи, где сидела раскрасневшаяся от возбуждения и восторга Настасья.

Генерал Ломов тоже был более чем доволен, он улыбался и не переставал аплодировать этой победе Молича так же, как и тысячи восхищённых зрителей. Однако, когда Настасья что-то прошептала ему на ухо, он сразу изменился в лице, с удивлением уставившись на дочь. На его лице отразилась какая-то досада и гнев, но он быстро скрыл её под маской милосердного цезаря и покинул ложу, утащив с собой и дочь.

Ефим Кувалда Молич наслаждался триумфом ещё минут пять, после чего поклонившись толпе, покинул арену в со-

провождении ещё двоих выживших. Ефим был почти счастлив, но в то же время не мог отделаться от странного ощущения, что он не вполне насытился видом расчленённых тел шатунов, и бой, в котором он как всегда одержал верх, был не более, чем первым раундом в длительном матче, если не отвлекающим манёвром вражеской армии, только собирающейся перейти в наступление.

Стражи Кербера

Параграф 25. Окончательное решение «ненужного» вопроса.

Многие спрашивают, почему обычного зомби нельзя убить пулей в голову, а необходимо обезглавить или, чего похлеще, расчлениить? Нет ли в практических советах этой книги какой-то дезинформации, досадной ошибки или, что ещё хуже, злого умысла? Нужно раз и навсегда поставить точку в этом вопросе. С первых же дней Армагеддона было замечено, что пуля для шатуна (конечно, если она не разрывная или со смещённым центром тяжести) – всё равно что укус комара и зачастую не способна даже отпугнуть. Используя топор, мачете, катану, болгарку или бензопилу, добропорядочный гражданин нового мира повышает свои шансы на выживание, выходя на тропу войны со злоецими ордами зомби.

Зрители красочного действия, развернувшегося на арене Кербера, только начинали расходиться, горячо обсуждая непревзойдённое боевое мастерство Кувалды Молича, когда к высоким закрытым воротам крепости подъехал зомби-кар Кинского. Антон долго и настойчиво жал на клаксон, пока ворота наконец не открыли, и бронированная машина смогла въехать за пределы неприступных стен.

Она оказалась ещё перед одной, не менее внушительной

стеной, в небольшом внутреннем дворе, служившем неким изолятором. Машину окружили несколько одетых в прочные латы и шлемы охранников, вооружённых автоматами с гранатами в подствольниках. Самый представительный, упитанный и «укомплектованный» с виду вышел вперёд, остановившись перед водительской кабиной, и громко недружелюбно сказал:

– Один может выйти из машины без оружия с поднятыми руками. Остальные остаются внутри.

Все, кто был в салоне зомби-кара, единодушно и без совещания делегировали Кинского для проведения дальнейших переговоров.

Антон вышел из кабины, отдавая себе отчёт, что попал в осиное гнездо и в дальнейшем нужно считаться со всеми приказами местных соглядатаев, хотя внутри его буйной натуры всё кипело, и внутренний голос выкрикивал в адрес дюжих стражников много нецензурных слов.

– Кто вы и откуда? – строго спросил представительный офицер, смерив Антона подозрительным взглядом.

– Мы всего лишь беженцы, командир, – сдержанно сказал Кинский, прислушиваясь к рокоту разбредающейся многотысячной толпы за внутренней стеной.

– И сколько вас всего, беженцев? – спросил охранник.

– Со мной ещё пятеро.

– Дети с вами есть?

– Нет, – ответил Кинский, понимая, что ещё не время для

встречных вопросов и эмоций.

– Это хорошо. А ты знаешь, что за каждого нового члена нашей дружной общины полагается налог? – алчно улыбнулся охранник, блеснув золотым зубом.

– Сколько? – нахмурился Антон.

– Всё.

– Что значит всё?

– Ты не въезжаешь? Всё, что у вас есть, приятель. Это разумная плата за вступление в нашу коммуну и дальнейшую охрану ваших драгоценных шкур под мудрым правлением генерала Ломова. Впрочем, вас никто не заставляет и можете убираться восвояси, не позабыв оставить всё топливо. Это плата за парковку, ведь всё стоит денег, не так ли?

«О-о-о, да мы не в осином гнезде, а в змеином, чудесно! – сказал про себя Кинский.

Действительно, тут было, о чём задуматься. В случае согласия на условия проживания в коммуне, они теряли всё имущество и оружие в пользу «общака», и дальнейшая их судьба представлялась на редкость неопределённой, а в случае отказа они теряли всё имеющееся топливо и, соответственно, зомби-кар. Это была убийственная вилка, с которой уже не соскочить. Кинский пожалел, что вообще сунулся сюда, в этот серпентарий, но идти на попятную было поздно и, не советуясь с остальными, поскольку считал машину единственным честно отвоёванным трофеем, да и вообще, если уж на то пошло, частной собственностью, он нехотя дал своё

согласие на светлое будущее в коммуне.

Заглянув в салон, он сказал ожидавшим его пассажирам:

– Расслабьтесь, я обо всём договорился. Отныне мы в коммуне. Выходите по одному, оставьте всё оружие в машине. Доблестная охрана этого прекрасного города о нём позаботится.

После этого под бдительным оком упитанного офицера их провели в закрытое помещение без окон, куда спустя некоторое время подошёл пожилой человек в белом халате, подвергший всех шестерых подробному медицинскому осмотру. Не найдя симптомов зомби-вируса, он поставил в своей толстой учётной тетради галочку и собрался было уходить, когда его взгляд остановился на Стаменове и его прелестной ассистентке.

– Вы врачи? – спросил он.

– Микробиологи, – ответил Игорь тихим голосом, будучи ещё в подавленном состоянии после произошедшего в ущелье.

– Я – доктор Блум, заведующий медсанчастью.

Медик выразительно взглянул на охранника:

– Этих двоих определите ко мне в медблок. Остальных, куда хотите. Вроде все здоровы.

– Вроде, доктор? – оскалился «упитанный».

– Быть в чём-то уверенным в наше время может только идиот, – раздражённо отрезал медик.

– А как здоровье Молича? – осведомился охранник. – Мы

думали, что он не выживет после такого побоища.

– Я как раз собирался к нему, у него что-то с глазом, а ты меня задерживаешь.

– Я не прощаюсь, – бросил напоследок Стаменов своим новым знакомым.

– Не сдавайтесь, доктор, ищите панацею от вируса, мы на вас надеемся, – крикнул ему вслед Панк.

– У вас один врач на всю крепость? – спросил Вязов, когда все трое медиков скрылись за бронированной дверью.

– Не умничай, – сердито рявкнул охранник и обратился к остальным:

– Итак будем знакомы. Я – капитан Иван Крылов, подразделение внешней охраны объекта. В силу данных мне комендантом полномочий, я должен распределить вас по участкам крепости. У каждого члена коммуны есть свои обязанности в зависимости от его способностей и профессиональных навыков. Начнём с тебя, – он указал на Кинского. – Что ты умеешь? Чем ты можешь быть полезен для общества?

– Умею громить мертвяков, – уверенно отбарабанил Антон. – К тому же я водила со стажем.

– Ну что ж, могу хоть сейчас взять тебя в охрану на проверку, – с благосклонной улыбкой ответил капитан.

– Ты? – спросил он у Панка.

– Я отличный техник, механик, конструктор. И вообще у меня много новаторских идей по обороне закрытых городов.

– Например? – с сомнением в голосе поинтересовался

Крылов.

– Винторезы. Их можно расставить по периметру города, питание от дизель-генераторов. При этом используются винты от винтокрылых машин. Зомби никогда не пройдут через эту мясорубку! У вас нет лишнего вертолётa?

– Хм! Нет, вертолёт всего один, на аварийной площадке. Ладно, насчёт тебя я ещё подумаю, может, в подмастерья к кузнецу, чёрт знает?

Капитан увлечённо посмотрел на Цибелу:

– Вы, девушка?

Та, растерявшись, просто молча пожала плечами, и, как следствие, оказалась в числе множества претендентов на место помощника повара на кухню.

– Ну, а ты, умник? – прищурившись, сказал лейтенант Вязову.

– Слесарь-ремонтник, – ответил тот, переглянувшись с Панком. – Могу варить, паять, точить, налаживать оборудование... Я всё могу.

– Отлично, пойдёшь в стройбат, – прервал его Крылов. – Нам нужны простые работяги... Ну, и ты с ним, – сказал он Панку. – Из вас получится хорошее рабочее звено.

В этот момент включилась портативная рация капитана, и кто-то доложил ему о приближении какой-то фуры.

– Отлично! Впускайте, – приказал он и обратился к Антону:

– Ты пойдёшь со мной, остальные ждут здесь.

Пока они шли обратно в сторону двора по длинному коридору, Крылов кратко и доходчиво ввёл Антона в курс дела. Они ждали эту фуру вот уже неделю. В ней везли провизию и патроны, купленные (или, скорее всего, украденные) в одном из мегаполисов.

Огромный тягач уже стоял во внутреннем дворе за закрытыми воротами.

– Дайте ему карабин, – скомандовал капитан одному из бойцов, оцепивших фуру, указав на Кинского.

Тот послушно передал ему своё гладкоствольное ружьё. Антон, взяв карабин, снял его с предохранителя и застыл на почтительном расстоянии от грузовика, наблюдая за тем, что происходит. Крылов медленно подошёл к кабине с решётками на всех окнах, включая лобовое, и постучался в дверь водителя. Она со скрипом приоткрылась, из-за неё выглянул мужчина с бледным или, скорее, даже зелёным лицом.

– Ты долго ехал, мы тебя заждались, – строгим тоном сказал капитан.

– Таковы дороги, которые мы выбираем, – хрипло, с какой-то неприятной ухмылкой отозвался шофёр, не торопясь покинуть кабину.

– Где твой напарник?

– Он не доехал, капитан, – глухо проговорил водитель, закашлявшись. – Парню не повезло, его цапнул шатун.

– Ты плохо выглядишь, сам не заболел?

– Да, вроде простудился, – невнятно пробормотал шофёр,

пытаясь снова укрыться в тёмной кабине от палящих лучей солнца.

– Ты привёз заказ?

– В машине тридцать шлюх, начальник. Патронов нет, снарядов нужного калибра тоже. В этом проклятом мегаполисе, по-моему, не осталось вообще ничего, кроме шлюх. Не мог же я катиться порожняком, верно?

– Ладно, открывайте кунг, – с тяжёлым вздохом приказал капитан, с любопытством скосив на Антона один глаз, точно хамелеон, и отметив про себя, как тот держит ружьё и принимает боевую изготовку.

Один из солдат сбросил засов с задних дверей фуры и потянул ручку одной из створок на себя, как вдруг она распахнулась с такой силой, что бойца отбросило в сторону, и на землю с хрипом и характерными утробными стонами повалилась груда тел в коротких драных юбках, шортах и топах, или попросту без ничего. От неожиданности Кинский едва не выронил карабин. Лица женщин, выпрыгивавших из фуры одна за другой, были землистого или жёлтого оттенка, а глаза мерцали тем самым дьявольским огнём, к которому невозможно было привыкнуть даже бывалому истребителю живых мертвецов. Трое зомби тут же подмяли под собой истерически визжащего бойца, не успевшего увернуться от их цепких рук. Первым отреагировал капитан, мгновенно отдав приказ открыть огонь по зомби, и первым подал пример, оглушив первую волну шатунов длинной очередью из своего

автомата. Однако огненный шквал пуль серьёзного калибра отнюдь не остановил на удивление энергичный и агрессивный отряд инфицированных диверсантов, скрывавшийся в кузове грузовика.

Экс-шлюхи, как их назвал шофёр фуры, казалось, были рады размять косточки после долгой поездки в тесном кузове и с воинственными воплями бросились в разные стороны, не давая солдатам ни малейшего преимущества. В итоге пули последних либо били мимо длинноногих и, соответственно, быстрых и прытких, грудастых зомби, или рикошетили от фуры, в то время как те, воспользовавшись замешательством оцепления и моментом перезарядки магазинов, быстро взяли верх в этой опасной схватке.

На обзорной вышке, возвышавшейся над внутренним двором, дежурил пулемётчик, но он старался делать лишь очень короткие очереди, видимо, опасаясь повредить своих.

Кинский оставался пока вне досягаемости зомби, вступивших с солдатами уже в открытую рукопашную, и продолжал наблюдать, сделав всего пару выстрелов, скорее, чтобы не показаться предателем или трусом и не привлечь внимание своим бездействием. Крылов поспешно отступал, паля по зомби из автомата, когда заряд в его магазине закончился, и двое шлюх набросились на него, пытаясь добраться зубами до его тела. Они приближались к нему обычными для голодных шатунов быстрыми рывками, стараясь вцепиться в него костлявыми руками и ногтями, когда Антон решил,

что самое время начать действовать. Он бросился к растерявшемуся капитану на помощь, оглушив обоих остервенелых зомби-шлюх двумя точными попаданиями из карабина в голову, после чего Крылов сумел перезарядить автомат, и продолжил прицельную стрельбу по инфицированным, выразительно кивнув Антону в знак благодарности.

В этот момент Кинский увидел, как из кабины грузовика вылез водитель. На его бескровном зеленоватого оттенка лице были видны несколько синяков, которые могли указывать на всё, что угодно, но только не на простуду – довольно заурядные признаки инфекции у «изгоев», которые те так любят гримировать, как можно дольше пытаясь скрыть от простых смертных, кто они такие. В данном случае шофёр как будто и не собирался ничего скрывать. Казалось, он вперил невыразительный взгляд поблёскивающих на солнце глаз, похожих на полупрозрачные стекляшки, в сторону Кинского, затем демонстративно поднял левую руку наподобие нацистского приветствия, а правой молниеносно отсёк себе левую кисть длинным охотничьим ножом. После этого он поднял отрубленную пятерню с земли и ослабил, не спуская холодного взора с изумлённого Антона.

Пулемётчик с вышки, очевидно, тоже прекрасно рассмотрел истинный облик шофёра фуры и обрушил на него сокрушительный залп из своего крупнокалиберного орудия, превративший «изгоя» в решето и практически снеся ему голову с плеч, которая сначала безвольно поникла на коже шеи,

лишенной позвонков, а после откатилась по земле к передним колёсам грузовика. Больше шатун уже не встал, однако кисть его левой руки так и осталась в хватке правой. Эту зловещую картину Кинский запомнил надолго, сообразив, что «изгой» пытался подать какой-то мрачный непонятный знак, который ещё следовало расшифровать.

Между тем схватка была в самом разгаре. Шофёр-шатун отвлек внимание лишь одного Антона, не считая зоркого пулемётчика на вышке, и рота бойцов тем временем самоотверженно сражалась с зомби-шлюхами, сокрушая их ударами мачете. К ним присоединился ещё с десятков солдат, вызванных по рации капитаном, но силы зомби были далеко не на исходе, и несколько раненых инфицированных солдат поневоле должны были вскоре присоединиться к отряду шатунов-диверсантов, столь коварным образом проникших за стены крепости.

Внезапно Кинский понял, что ему нужно делать, когда в поле его зрения попал стоявший поодаль зомби-кар с распахнутой дверью. Со всех ног он бросился к нему, запрыгнул в кабину и, обнаружив ключ зажигания в замке, с выражением идиотского восторга на лице завёл мотор. Он развернул машину во дворе, умело рассчитав габариты, и, надавив как следует на педаль газа, врезался в толпу визжащих зомби. Ему показалось, что под колёса попались и несколько не проявивших должной реакции на его появление защитников крепости, но если бы его спросили в тот момент, что

он творит, он бы резонно ответил, что во время рубки леса не видно щепок. Главное, что он рубил этот плотоядный лес, причём рубил его безжалостно, зверски и убойно. За минуту под колёсами его внушительной машины нашла свой конец основная масса злобных шатунов; остальных прикончили солдаты, оставшиеся на поле боя. В апогее этой кровавой расправы Кинский триумфально появился в раскрытой двери зомби-кара с пронзительно визжащей бензопилой. Он неуловимо промчался по двору, методично обезглавливая подмятых и расплюснутых под колёсами вопящих и отчаянно передёргивающих конечностями зомби, дабы не дать им шанса восстать вновь.

Покончив с этим, он заглушил бензопилу и, обливаясь потом, подошёл к стоявшему как истукан, капитану.

– Сколько рук ты заберёшь? – спросил Крылов, одобрительно похлопав Антона по плечу.

– Чего?! – с удивлением отозвался тот. – Каких ещё рук?

– Рук живых мертвецов. Конечно, я бы с удовольствием отдал бы тебе все тридцать, весь этот бордель, ведь ты нам так здорово помог, прям второй Кувалда, ни дать ни взять. Но боюсь, комендант нас не поймёт. Поэтому рассчитываю на твою мудрость и щедрость, мужик.

Антон всё никак не мог взять в толк, к чему клонит капитан, однако тут явно отдавало палёным запахом наживы, круговой поруки и банального лоббирования, и Кинский, бросив бензопилу на землю, спросил:

– А сколько ты мне дашь?

– Вот это хороший вопрос, – просиял Крылов, протягивая ему одну единственную пятерню шофёра-«изгоя». – Её ты точно заслужил. За руку в оружейной дают пять магазинов для карабина, а он у тебя уже есть. Ну и, конечно, стандартный продпаёк, ведь с этого момента ты зачислен в нашу роту. Вижу, ты парень не промах, потому начнёшь сразу с командования отделением, боевым расчётом, шарить? Проявишь смекалку, поднимешься выше, тут всё зависит от тебя.

Параграф 8. Новые инструменты.

Никогда не забывайте о том, что однажды вам придётся покинуть своё надёжное убежище и выйти на недружелюбные улицы, наводнённые зомби разных мастей, чтобы пополнить запасы провизии, воды и вооружения. Если вы внимательно читали предыдущие параграфы, на вас будут защитные латы в виде толстых журналов, а из оружия: остро заточенный топор, бензопила, дробовик или всё это вместе. Осталось найти транспортное средство, чтобы быстро и безопасно добраться из точки А в точку В. Легковой автомобиль имеет много преимуществ, но в некоторых случаях гораздо безопаснее расчистить себе дорогу от сонмищ шатунов, сидя за рулём тягача, фуры или БМП.

Ефим Молич был зол как никогда. Неимоверно уставший, с ноющими ногами и руками, он едва успел прийти в себя после изуверского эпического сражения, в котором он одержал неоспоримую и, наверно, самую впечатляющую в своей

жизни победу и теперь, лёжа на жёсткой койке в тесной холодной комнате, размышлял о том, что его ждёт в скором будущем. Победа в недавнем побоище нисколько не скрасила и не умалила самого факта его пребывания в той клетке, в которую его насильно затащили. Ему крайне не понравилось и само поле боя – подобие амфитеатра, на который сверху взирали сотни очумелых зевак, ничтожеств, которые только и могли, что орать, топтать ногами и размахивать руками, упиваясь побоищем. Ринг Хильштейнов был уютнее, на нём он чувствовал себя, почти как в собственной спальне. Здесь же, в этой коммуне, которую он успел возненавидеть, его напрягало всё от начала и до конца. Вдобавок, у него разболелся глаз и боль становилось всё тяжелее переносить с каждой минутой, почему он и спросил у своего окружения, или, вернее, у охраны о враче.

Единственную награду, которую он получил – это хрустальный графин, в котором была просто холодная вода. Он чувствовал себя отнюдь не победителем и не героем, а самым что ни на есть настоящим заключённым. Его камеру без окон, которая находилась ниже поверхности земли под самым амфитеатром, тут же заперли на ключ снаружи, будто камеру в тюрьме и, скорее всего, оставили за дверью охрану.

Молич в очередной раз оглядел свою «арестантскую». Обстановка была более чем скупа: неудобная койка, почему-то привинченная к полу, стол с графином воды, пара так же привинченных ножек стульев и старый обшарпанный ко-

мод в углу. Осмотр комода показал, что он совершенно пуст, лишь пыль лежала толстым слоем на его полках. Над комодом под самым потолком была установлена камера наблюдения. Интерьер комнаты являл собой поразительный контраст с последним, надо сказать, на редкость богато обставленным жилищем Ефима у Хильштейнов и, если бы он узнал, что с ними случилось не так давно за пределами крепости, он бы даже огорчился, несмотря на его былую сдержанную скрытую неприязнь к ним обоим.

«Вот на что ты променял прежнюю беззаботную жизнь, – подумал Молич, с грустной иронией помахав рукой камере слежения, – на пожизненную каторгу».

Он начал нервно мерить шагами каморку, совершенно забыв о времени в этом очень сжатом пространстве, освещённом тусклой электрической лампой, как вдруг в двери щёлкнул замок, и в тесное помещение заглянула его новая знакомая, о которой он в последнее время не знал, что и думать. Красотка, посулившая ему молочные реки и кисельные берега, обернувшись подвальной, пропитанной сыростью камерой, предстала его глазам в нарядном лёгком платье, подчёркивавшем стройные изгибы её спортивного тела. Следом за ней в комнату шагнул здоровяк в униформе, державший поднос с тарелкой сухофруктов, печеньем, бутылкой шампанского и двумя бокалами. Поставив всё это на стол, он выразительно посмотрел на Ефима, ухмыльнулся и удалился, держа руку на прикладе автомата.

Настасья присела на стул, указав на поднос:

– Попробуй печенье, я сама испекла... специально для победителя.

Молич мрачно посмотрел на угощение, но даже к нему не прикоснулся, несмотря на то, что был голоден, как волк.

– Позже тебе принесут ужин, – добавила гостя. – Там будет мясо. Ну что, может быть, нальёшь девушке шампанского?

Ефим помедлил, но всё-таки молча исполнил её просьбу, наполнив лишь один бокал. Большой глаз начало сильно щипать, и он прикрыл его одной рукой, как будто это могло помочь ему снять боль.

Пригубив шампанское, Настасья с улыбкой сказала:

– Ты был великолепен сегодня! Никто и никогда не видел столько крови на нашей арене, хотя она повидала многое. И зомби никогда не казались такими жалкими, когда ты кромсал их направо и налево, рубил им руки, ноги и головы – это было супер!

Ефим внимательно посмотрел на девицу одним здоровым глазом.

– Я просил врача.

– Ах, да, он уже к тебе идёт. Но у нас есть несколько минут, чтобы поговорить... Ты знаешь... – она помедлила, прежде чем продолжить, – я приняла решение, надо сказать, непростое для меня. Я хочу быть... твоей!.. Вот! – выдохнула она и выпила бокал до дна.

Молич промолчал, он был не в духе, и его реакция на эту реплику была хладнокровной. У него не было сил ни высмеивать её, ни удивляться, ни радоваться столь щедрому подарку судьбы. В данный момент, скорее всего, ему было просто на это наплевать.

– Но ты меня так просто не получишь. У меня был разговор с отцом. Ты останешься в нашей коммуне, но он категорически против нашей связи. – Девушка понизила голос. – Он контролирует всё, что здесь происходит, у него куча доносчиков и шпионов, не говоря уже о скрытой камере в каждой стене – она есть и здесь, поэтому... – Настасья тяжело вздохнула, – кое-что из тех возможностей, о которых я говорила тебе накануне в грузовике, придётся вычеркнуть из списка. Но у тебя будет всё, что пожелаешь, конечно, в разумных пределах.

– Я полагаю, стаканом воды и коркой чёрствого хлеба я обеспечен? – проговорил, морщась через боль, Молич.

Девушка покачала головой, с восторгом глядя на Ефима:

– О нет, ты не из таких! Ты будешь грызть прутья клетки, пока не выберешься из неё... – Её голос перешел на шёпот. – Я знаю, чего ты хочешь, сама такая. Хочешь вырваться отсюда на свободу и делать всё, что взбредёт на ум: бродить по окраинам городов, кромсая мертвяков, заниматься любовью в открытом товарном вагоне, зная, что его постепенно окружает орда зомбарей, а потом голышом удирать от неё с мачете в руке, визжа от счастья, грабить роскошные магази-

ны, куда ещё не ступала нога мародёра, и так далее и тому подобное... Только ты пока не знаешь, как это сделать. Ты не знаешь, как отсюда удрать. А что, если я тебе помогу?

Ефим в первый раз с живым интересом посмотрел на девушку – она его приятно удивила, и теперь у него появилось желание завязать с ней разговор. В этот момент скрипнула дверь, и в комнату вошли трое человек в белых халатах: Стаменов, Иветта и их новый коллега, доктор Блум.

– К тебе направили целый консилиум, – сказала Настасья, вставая. – Мы продолжим наш разговор в лучшие времена, а пока тебе надо подлечиться.

– Доктор, – строго добавила она, – поставьте его на ноги, нам он нужен здоровым!

– Не извольте беспокоиться, – откликнулся седой врач. – Со мной специалисты, теперь я поставлю на ноги даже мёртвого!

– Мёртвые уже давно ходят, как живые, – заметил Ефим. – Конечно, если вы в курсе, доктор.

– Не болтай, а дай глянуть на твой глаз, – сердито ответил Блум, наклоняясь перед сидящим на койке Моличем.

Он довольно грубо оттянул пальцами кожу возле глаза, причинив Ефиму острую боль, он дёрнул головой, и у него из-под века брызнула капля крови, попав на тыльную сторону кисти врача. Тот чертыхнулся, с досадой растирая кровь на руке, и озабоченно посмотрел на Молича.

– Так, шампанское не пить, – сказал он. – Я дам тебе ане-

стетик, и скоро всё пройдёт, просто небольшое воспаление.

Настасья тихо вышла из комнаты, и Молич больше не колебался.

– Доктор, я полагаю, глаз придётся удалить.

Блум слегка изменился в лице.

– С чего бы это?

– Это не воспаление, а вирус.

– Что за чушь!

– Постойте, – вмешался Стаменов, подойдя ближе и в свою очередь осматривая глаз Ефима, но не прикасаясь к нему руками. – Откуда ты это знаешь, парень?

– Знаю, потому что в штабе у Хильштейнов, откуда меня выкрала дражайшая дочура вашего коменданта, был свой хороший костоправ, и он умел не только ампутировать конечности у раненых зомбарями, но кое-что ещё, и у него в боксе стоял микроскоп, которым он изредка пользовался в свободное от членовредительства время, – боль становилась нестерпимее с каждой секундой, и у Ефима начали сдавать нервы.

– У меня тоже есть микроскоп, я им изредка пользуюсь, и что? – явно задетый за живое, проговорил седой врач.

– Тогда суньте под него мой глаз и посмотрите! – в ярости крикнул Молич, не сдержавшись.

– Спокойно! – вставил Стаменов. – В глазу – ДНК вируса?

– Нет, просто шутка природы, – съязвил Ефим.

– Так что мне делать? – жалобно обратился Блум к Иго-

рю. – Тащить его в операционную?

– Ну, вначале я бы хотел её осмотреть, – ответил Стаменов. – Кстати, анестетик ему пока не повредит.

Блум бросил на стол несколько таблеток и засеменял к выходу, явно перепуганный неоднозначным сообщением Молича. Стаменов ненадолго задержался в камере, с любопытством глядя на нового пациента. В его глазах впервые с момента аварии в ущелье загорелась жажда к действию и буквально восставшая из пепла надежда.

Ефим бросил грустный взгляд на закрывшуюся за медицинскими дверью, выждал с минуту, затем подошёл к ней, быстро дёрнув за дверную ручку и убедившись, что дверь надёжно заперта снаружи. Он сделал ещё один круг по комнате, размышляя о своём не самом приятном положении и снова уселся на стул перед столом, уставившись на графин с водой. Скорее из любопытства, чем от жажды вкупе с осевшим его странным предчувствием он взялся было за горлышко графина, но так и не смог его поднять. В изумлении он повторил попытку, но графин не шелохнулся, будто был намертво приклеен к деревянной поверхности стола. Молич быстро взглянул на глазок видеокamеры, словно ждал от неё комментария по этому столь сбивающему с толку поводу, но та безучастно следила за ним с высоты своего кронштейна.

В комнате оказалось буквально всё приварено, привинчено или приклеено, включая даже графин, и это не могло не навести на определённые подозрения в отношении тех лиц,

которые его здесь содержали. Эпизод с графином вообще намекал на плохую шутку со стороны тюремщиков, и взбешённый этой мыслью Ефим встал во весь рост, сжав огромные кулаки и будучи готов уже снести одним из них графин со стола, как вдруг пол буквально ушёл у него из-под ног. Молич с трудом устоял на месте, едва не потеряв равновесие, с оторопью осознав, что пол со скрипом и гулом спрятанных под ним механизмов начал опускаться вниз вместе со всей мебелировкой, кроме камеры видеонаблюдения, оставшейся где-то далеко вверху. Каморка на поверку оказалась подобием подъёмника, закамуфлированного под тюремную камеру, своего рода клетью, медленно опускавшей его всё ниже и ниже в недра крепости.

Молич быстро огляделся, ещё раз убедившись, что рядом нет ничего, что могло бы заменить ему оружие, ухватился за горлышко графина обеими руками и неимоверным усилием оторвал его-таки от столешницы. Графин навряд ли мог бы послужить полноценной заменой орудия самообороны, но при данных обстоятельствах приходилось довольствоваться и этим.

Спустя несколько минут спуска что-то под клетью громко лязгнуло, и пол неожиданно накренился так быстро и под таким острым углом, что Ефим поскользнулся и полетел вниз в образовавшийся проём между полом и стеной, однако не выпустив тяжёлого графина из рук. Он с ужасом скаптался в темноту, потеряв всякую точку опоры, пролетел ещё

несколько метров в пустоте, и шлёпнулся на что-то мягкое, скользкое и до омерзения зловонное. Слабый свет, исходивший со стороны того самого проёма, через который он пролетел, позволил Ефиму разглядеть небольшой участок того неприятного места, где он оказался. Он лежал на огромной мусорной куче, состоявшей преимущественно из начисто обглоданных костей и черепов не только животных, но и людей, пластиковых пакетов, набитых кожурой каких-то фруктов и овощей, и великого множества отрубленных, относительно свежих кистей человеческих рук. Гниющих пятерней на этой помойке были сотни, если не тысячи, именно от них и распространялось жуткое удушающее амбре, от которого даже опытного Молича едва не вывернуло наизнанку.

Он сделал несколько шагов по скользкому дну вонючей выгребной ямы и снова упал, скатившись куда-то ещё ниже. Здесь почти не было света, и глаза Ефима долго привыкали к темноте, прежде чем он смог разглядеть что-то вокруг себя. Ему показалось, что он рассмотрел серую стену и слабый источник света возле неё где-то вдалеке и больше на ощупь, чем полагаясь на зрение, двинулся туда сначала ползком, то и дело натываясь на черепа, кости и разлагающиеся руки. При этом, странное дело, но он до сих пор сжимал в своей огромной пятерне графин, не выронив его даже при падении из клетки. У него из-под ног расплзались жирные крысы, но он даже не обращал на них внимания. Одна из них с отчаянным писком набросилась ему на ногу, вцепившись в разо-

рванную брючину, и Молич сбил её графином, оказавшимся весьма полезным средством защиты хотя бы от мелких обитателей этого хранилища останков.

Добравшись наконец до стены, Ефим посмотрел вверх и увидел луч света, бивший из какой-то бреши на высоте десяти метров. Чуть правее зияла какая-то тёмная дыра, из которой вдруг что-то выпало, откатившись к его ногам. Склонившись над этим предметом, Молич с отвращением разглядел, что это был ещё один обрубок руки. Вероятно, он находился на самом дне города-крепости, куда его низвергли, скорее всего, благодаря высокомерному правителю, папаше столь необдуманно разоткровенничавшейся перед ним Настасьи, который наверняка пришёл в ярость, когда стены его камеры, у которых были чуткие глаза и уши, донесли ему о затее его любимой дочки, собиравшейся сбежать с больным и опасным во всех смыслах этого слова гладиатором.

Сто процентов, что его посадили в эту камеру с секретом заранее, выкинув теперь его на помойку, будто куль со старым барахлом. Банально, но быстро и практично, не дав никому повода усомниться в непредвзятости местного цезаря. Был гладиатор да сплыл, его прикончил какой-то зомбарь, и через несколько дней и ночей, которые он навряд ли переживёт на этой адской помойке, рассаднике бактерий и болезней, когда он начнёт грызть человеческие кости от голода, отбиваясь от голодных крыс и мучаясь от жажды, никто о нём и не вспомнит, кроме разве что слегка сдвинутой Наста-

сьи. Отсюда не могло быть выхода – скорее всего, это был замурованный наглухо, бетонный подвал без лестниц и выхода наружу, не считая крысиных нор, приспособленный не только для мусора, но, возможно, и для избавления от ненужных лиц, недостаточно лояльных к власти или представляющих для неё угрозу. Удивляться тут в принципе нечему, с грустью подумал Ефим. Это – Кербер, крепость, о которой ходили не самые добрые слухи. Местный царёк уже давно сотрудничал с бандами и головорезами, проявляя заботу о членах коммуны, являвшейся скорее контролируемым сборищем социопатов, дезертиров и мародёров, и любезно предоставляя им хлеба и зрелищ в избытке, введя подобие собственной валюты в виде отрубленных рук шатунов. Поговаривали и о торговле детьми, которой также не брезговал местный комендант. Мир круто изменился за последние несколько лет Армагеддона, и Молич был готов поверить всему, даже самому невероятному особенно теперь, когда сам оказался во власти правителя мрачного, скрывающего жуткие тайны за своими высокими стенами, города-крепости.

Внезапно сверху, со стороны бреши послышался какой-то шум, в ней промелькнул луч электрофонарика, его яркий свет упал на Ефима, на мгновение ослепив его, затем через брешь сбросили скрученную верёвочную лестницу. Молич не мог поверить в такое быстрое спасение, и в душу ему тут же закралось подозрение, однако оставаться на дне этих адских недр у него не было ни малейшего желания, поэтому

он сделал то, что должен был сделать в сложившихся обстоятельствах – первым делом он разбил большой графин об стену, заткнув самый большой и острый осколок себе за кожаный ремень, и, дотянувшись до первой перекладины, отгоняя прочь все сомнения, полез по лестнице вверх.

Параграф 22. Дворцы нового мира.

Собирайтесь в организованные группы, ведь один в поле не воин – это известно давно. Мы не советуем вам создавать вооружённую банду мародёров, но в дружном коллективе, состоящем из надёжных и отзывчивых граждан нового мира, у вас будет больше шансов выжить при столкновении с ордами зомби. Оккупируйте супер или лучшие, гипермаркет и сообщите обороняйте его от шатунов и других, подобных вашему коллективов. Соблюдайте правила умудрённого средневековья, станьте доблестным рыцарем новой эры, преданным вассалом и заложником сокровищ, собранных в бездонных кладовых своего роскошного дворца. Оружейный отдел занятого гипермаркета поможет вам обрести душевное равновесие и защитит свою рыцарскую честь в дни священной войны с силами Тьмы.

Преодолев высоту в добрый десяток метров, Молич взобрался на самый верх неприступной с виду стены и прикрыл глаза от слепящего луча фонарика. Спустя долгую паузу он услышал уже хорошо знакомый ему, довольный и насмешливый женский голос:

– Ну почему, скажите на милость, я должна тебя спасать?

Когда уже кто-нибудь начнёт спасать меня?!

Ефим почти не удивился: кому ещё по логике придёт на ум вытаскивать его из канализации в крепости? Лишь одной созревшей половозрелой особи с замашками искателя приключений, невесте с завидным приданым и единственной избалованной дочери коменданта, которая, видимо, уже никогда не выпустит из рук любимую живую игрушку (конечно, пока она ей самой не надоест).

– Настасья, это ты?! – простонал Молич.

– Тихо! – шикнула девушка. – Случилось то, чего я боялась. Отец взялся за тебя всерьёз, он тебя просто возненавидел, уж и не знаю, за что. Но хорошо, что и среди его ближайшего окружения у меня есть друзья, и мне вовремя сообщили, иначе ты бы сдох в этой помойной яме... Бр-р-р! Тут столько крыс!

Луч фонарика упал к ногам Ефима, и он различил смутный силуэт своей спасительницы в темноте. Теперь она снова была одета в шорты и чёрный топ, по-боевому, как во время их первой встречи. Неожиданно она прильнула к нему, с жаром обхватив руками его накачанный торс.

– Ух ты, что за мощь! Кувалда Молич, теперь ты будешь моим! Бежим отсюда, тоннель выведет нас из этих катакомб. Наверху ждёт грузовик, тот самый, на котором мы сюда приехали, за рулём мой лучший друг, он не подведёт. Мы уедем отсюда навсегда. Не знаю, куда, но я уже давно хочу это сделать. Мне до чёртиков надоел этот переполненный психами

и мерзавцами Бедлам. Днём – гладиаторские бои, а ночью все сидят по своим ячейкам, боясь пошевелиться, или тихо копошатся, будто в каком-нибудь термитнике. И что самое ужасное, ничего не меняется и не изменится никогда. Поэтому ты, мой дорогой, мой любимый, ты – моя единственная надежда на большие перемены!

Не оставив Ефиму ни секунды на раздумья, девушка выпустила его из своих объятий и под стать ретивой лани бросилась в сторону дверного проёма, освещая путь фонариком. Не имея ни малейшего желания оставаться в зловонном подвале ни одной лишней минуты и чувствуя, как у него начинается развиваться клаустрофобия, Молич поспешил за ней. Они пронеслись по длинному сумрачному подземному тоннелю, в конце которого их ждала ещё одна железная, похожая на тюремную, дверь, за которой оказалась короткая настенная металлическая лестница. Преодолев по ней ещё несколько метров, Молич поднялся следом за своей провожатой, оказавшись на площадке какого-то служебного помещения, где находились несколько старых отключённых генераторов.

Настасья осторожно приоткрыла тяжёлую дверь, из-за которой внутрь проник сноп дневного света – это был выход наружу. За дверью доносился какой-то гул, и Молич тут же уловил едкий запах углекислого газа. Через мгновение он понял в чём дело, разглядев за дверью кунг старого военного грузовика, стоявшего почти вплотную к выходу, из выхлопной трубы которого валил серый дым. На этом грузовике его

привезли в крепость, а теперь, видимо, собирались увезти прочь. Можно было долго рассуждать, что они будут делать дальше со вздорной молодой девицей, привыкшей к роскоши, доступной ей в крепости благодаря владельческому папаше-самодуру, однако не чурающейся опасных приключений и начинающей привыкать к риску, как к чему-то само собой разумеющемуся, однако в данной ситуации времени на размышления или сомнения не было.

– В кузов, быстро! – скомандовала Настасья, распахивая перед Ефимом входную дверь.

Кунг был заранее открыт, и Молич, не раздумывая, юркнул внутрь. Настасья тут же захлопнула за ним дверцу кунга, оставив его одного в кромешной тьме. Ефим устроился на полу, прислонившись спиной к стене. Его рука наткнулась на что-то холодное прямоугольной формы – это оказался наконечник кувалды. Беглец улыбнулся – Настасья не забыла о его излюбленном оружии, которое у него отобрали после последнего триумфального боя.

Грузовик тронулся с места, когда девушка запрыгнула в кабину справа от водителя. Ефим провёл несколько томительных минут, прислушиваясь к рокоту двигателя и звукам голосов снаружи, положив руку на деревянную рукоять кувалды. Его нервы особенно защекотало, когда машина притормозила и стояла на месте ещё минут пять, в течение которых он слышал голоса Настасьи и каких-то мужчин, насмешливо переговаривающихся между собой. Очевидно,

обошлось без эксцессов и Моличу не пришлось вступить, возможно, в последний и самый бестолковый рукопашный бой в своей жизни, когда грузовик снова продолжил катиться, подпрыгивая на ухабах и постепенно ускоряя ход.

Спустя полчаса он остановился, и Настасья открыла дверь кузова. Краешек вечернего солнца заглянул в полумрак, ненадолго ослепив здоровый глаз Молича, поскольку его второй уже попросту отказывался видеть сам по себе.

Девушка радостно улыбнулась:

– По-моему, мы оторвались. Мы на развилке. И совсем одни. Мой друг остался в крепости. Он скажет отцу, что я угнала грузовик, приставив к его виску пистолет. Авось, тот ему поверит, хотя... зная его, скажу, что он будет очень зол. Но этим же вечером он примет обычную дозу своего кокаина и уснёт мирным сном до утра, а к тому времени мы уедем отсюда очень далеко.

– Куда же мы поедем? – спросил Ефим, жмуря больной глаз, чтобы Настасья не видела, что из фиолетового не только роговица, но теперь уже даже белок становится кроваво-красным, словно перезрелый помидор.

– В ближайший гипермаркет. Это в соседнем городе, – совершенно серьёзным тоном ответила Настасья. – Поселимся в мебельном отделе, забаррикадируемся шкафами и трюмо и облюбует самый большой сексодром, какой только сможем найти. Как тебе, хорошая идея?

– А от зомби будем отбиваться табуретами?

– Мне не нравится твой пессимизм, Кувалда! – нахмурилась девушка. – Оружия хватит, я об этом позаботилась. Кстати, мне надоело тебя вечно спасать, теперь твоя очередь. Не забудь, что отныне я – дама твоего сердца, так что...

Она не договорила, потому что Молич молниеносным движением, слегка не вязавшимся с его телосложением, схватил её за шуплую руку и рывком затащил в кузов. Настасья взвизгнула, попытавшись вырваться, но Ефим и сам не собирался её долго удерживать в своей медвежьей хватке. Он ограничился тем, что сбил её с ног и, прихватив с собой любимую кувалду, вылез из кузова, закрыв за собой дверь на засов. До него донёсся приглушённый остервенелый вопль взбешённой девицы, осознавшей, что она попала в ловушку, которую сама же и приготовила.

– Гипермаркет – не совсем то, о чём я мечтал, – проговорил в ответ Молич. – И скажу больше, я не романтик, я боец.

– Всё, это конец нашим отношениям! – прокричала в слезах девушка. – Навсегда! И учти, мой отец сотрёт тебя в порошок, скормит живьём зомбарям.

– Скажи, что ты больше хочешь? Чтобы я сбросил тебя в пропасть с моста на полном ходу или замучил голодной смертью?

Настасья умолкла, прекратились даже истеричные всхлипы, и Ефим рассмеялся. По крайней мере, ещё минут десять будет умиротворяющая тишина, подумал он. И за это время ему нужно спокойно прийти к какому-то решению: что де-

лать и куда идти? А ещё: идти одному или в обществе молодой психопатки, такой же рискованной и безалаберной, как и он сам.

Молич посмотрел на темнеющее полотно шоссе. Где-то на горизонте в багряных лучах лениво закатывающегося за склоны холмов солнца, возникли несколько размытых фигур. Судя по всему, это были шатуны, как обычно, почуявшие простых смертных на весьма почтительном расстоянии, следовательно, голодные и быстрые, – всё те же инфицированные агрессивные отродья в запачканных кровью и нечистотами рваных лохмотьях, какими их привыкли видеть, и нисколько не собиравшиеся меняться к лучшему.

Это заставило Ефима на время выбросить из головы все насущные проблемы и приступить к прямым обязанностям выжившего: делать всё, чтобы с успехом выживать и дальше. Он запрыгнул в кабину на водительское место и дал газ, направив грузовик в сторону шатунов. Ведь не разворачиваться же ему обратно в сторону крепости, в самом деле? Заметив приближающуюся на полном ходу громоздкую машину, шатуны начинали остервенело гримасничать, скалить зубы и размахивать руками, однако не предпринимали ни малейших попыток уклониться от удара и, как следствие, их тела разбросало в радиусе десяти метров, в то время как грузовик продолжил свой путь по сумрачному шоссе, включив прикрытые решёткой фары.

Ночь упырей

Параграф 33. Чего боятся зомби?

Длительные наблюдения, опыты и тесты показали, что зомби не боятся практически ничего и никого: ни танков, ни больших тягачей, ни какой-либо другой тяжёлой техники. Не боятся они ни быстрых поездов с метельником, ни пикирующих на них самолетов с камикадзе. При взрыве осколочной гранаты шатун даже не вздрогнет, будто это писк комара. Коктейли Молотова способны ненадолго сбить его с толку, но не запугать окончательно, а визг бензопилы или выстрел дробовика лишь привлечёт его внимание, но не остановит. Помните об этом, унося ноги от зомби-бегуна или замахиваясь бензопилой на зомби-изгоя.

Доктор Стаменов возлагал на лабораторию своего коллеги Блума большие надежды, но когда он её увидел, у него в буквальном смысле слова опустились руки. Она представляла собой нечто среднее между операционной в провинциальной больнице и помещением для совместных уроков химии, физики и биологии в старших классах. Тут был металлический стол с лампой, пара обычных микроскопов, какие можно найти в любой школе, несколько мензурок и периодическая таблица элементов на стене. Здесь же у кожаного кресла в дальнем углу стояли дробовик и топор – заурядные элементы интерьера, которые уже давно никого не могли

удивить даже в стенах научных учреждений. Впрочем, это помещение, расположенное на одном из подземных ярусов города-крепости, по мнению Игоря, можно было отнести к медицинскому или исследовательскому лишь с большой натяжкой и больше всего напоминало притон какого-то спившегося сельского фельдшера.

Доктор Блум сразу же уселся в кресло в углу и принялся нервно растирать кожу на руке в том месте, куда недавно попала капля крови Ефима Молича.

– Это ваша лаборатория? – спросил Стаменов, переглянувшись с Иветтой.

– Угу, – кивнул Блум, всецело поглощённый своей рукой.

Беглого осмотра Игорю хватило, чтобы понять, что здесь совершенно отсутствуют условия даже для примитивной работы со штаммами самых лёгких инфекций, не говоря уже о самом страшном вирусе последних времён. Новость была удручающей, ведь та искорка надежды, блеснувшая в предвкушении исследования такого интересного объекта, случайно попавшего в его руки, каким был Кувалда Молич, вполне была готова разгореться в буйный костёр при наличии необходимых средств и приборов. Но в этой деревенской «акушерской» не оказалось даже компьютера. Вероятно, его заменяли несколько толстых медицинских книг, стоявших на полке стеллажа рядом с бутылью семидесятипроцентного спирта, закупоренного резиновой пробкой.

– Вы ведёте рабочий дневник? – спросил Стаменов.

– А? – Блум вяло поднял на него глаза, словно в какой-то прострации. – Нет, что вы. Эту почётную обязанность я возложу на вас, я вообще далёк от науки. Я просто стараюсь лечить людей, вовремя ампутировать конечности, хотя выживших после этого на моей памяти ещё не было. Зомби-вирус коварен и очень скор на расправу. По моим наблюдениям, инкубационный период ускорился в разы и, возможно, будет ускоряться.

– Должен вас разочаровать, коллега, – сказал Игорь. – Ваша лаборатория для серьёзной исследовательской работы не подойдёт.

– Значит, будем лечить вместе. Просто лечить, от ангины и простуды, от бронхита и целлюлита, – устало сказал старый врач с улыбкой. – Вы знаете, я разработал очень действенный метод от всех вирусов: нельзя сбивать температуру. Организм должен бороться сам, нельзя его запутывать, нельзя ему врать, от этого больше вреда, чем пользы.

– Вы имеете в виду практическую медицину? – спросил Стаменов.

– Именно так. Ну, а работать как хирург вы сможете, надеюсь? Вырвать зуб, например?

Стаменов нахмурился, припомнив обстоятельства своего побега из собственной лаборатории, оборудованной намного лучше, чем здесь, в этой подсобке, похожей на обитель чернокнижника из средневековья.

– Ну, зуб-то мы вырвем, – весело встала Иветта.

– Отлично, значит, вы остаётесь! А что вы думаете о том, что сказал это парень... гладиатор? Он инфицирован?

– Думаю, да, – ответил Стаменов. – Интересный пациент, очень интересный.

– Значит, может кого-то заразить?

– Не знаю, редкий случай. О том, что некоторые вирусы поражают органы зрения, было известно и раньше, но к Z-вирусу это не относится. У Молича что-то вроде некроза сетчатки. Он инфицирован, это ясно, но не производит впечатление больного. При этом у него явно мощный иммунитет, и это самое интересное в его клинической истории. В любом случае, его надо оградить от любых контактов.

– Латентный инфицированный? – усмехнулся Блум. – Вирус ждёт, пока что-то снова его не активизирует? Или попросту «изгой»?

– Маловероятно, зомби его не назвать. Даже изгоев можно определить, как бы они не притворялись. Изгой никогда не поднимет руку на простого зомби, будто это табу. Вирус действительно предельно хитёр и коварен, как вы выразились.

Стаменову захотелось сменить тему, и он сказал:

– Я думаю, мы все устали за день, доктор. Может, по чашечке чаю? Во сколько здесь ужин?.. – Он не успел договорить, как вдруг дверь в лабораторию распахнулась, и в помещение ворвались несколько солдат, вооружённых автоматами.

– Всем оставаться на местах! – скомандовал один из них,

направив ствол на Игоря с Иветтой.

Вслед за солдатами неторопливо и чинно вошла колоритная фигура в парадном белом кителе с генеральскими погонами и в фуражке с «мёртвой головой» вместо кокарды.

Блум, встрепенувшись, вскочил с кресла, вытянувшись, словно военный на параде.

– Товарищ генерал!

Комендант Кербера в тот вечер решил лично познакомиться с двумя новыми врачами, появившимися в его крепости, когда их никто не ждал, и на то у него были свои основания. Он был в приподнятом состоянии духа после того, как отправил малосимпатичного ему гладиатора на самое дно выгребной ямы после неоднозначного проявления чувств своей взбалмошной дочери, ещё не подозревая о том, что его любимица окажется пронырливее самого скользкого из его шпионов и снова, как обычно, обведёт родного папашу вокруг пальца. Изображая радушие, на какое только был способен, генерал Ломов оглядел всех троих медиков и, остановив мутный хмельной взгляд на Игоре, сказал:

– Рад приветствовать всех новоприбывших в нашей коммуне!.. Итак, вы врачи?

Стаменов и его ассистентка кивнули.

Комендант расплылся в деланной противной улыбке ещё больше и спросил, направив на Игоря толстый указательный палец:

– Меня интересуют амфетамины, галлюциногены и геро-

ин... да мало ли что ещё! Я не силён в фармакологии. Ну так что?

Стаменов лишь беззащитно пожал плечами.

– Наверно, я неясно выразился, – сказал генерал. – Мне нужен спец по этой части. Хочешь, назначу тебя своим личным врачом? Со мной не пропадёшь, парень, – он доброжелательно похлопал Игоря по плечу, в то время как с другой стороны на него убедительно поглядывало дуло автомата охранника.

– Они микробиологи, товарищ генерал, – несмело вмешался Блум.

– Ну, значит, то, что надо, – просиял комендант. – Скажу проще, мне нужна дурь. Именно сейчас. Самая отъявленная дурь, какая только бывает. Так что, ты можешь мне помочь?

До Стаменова уже давно дошло, что перед ним наркоман со стажем, да ещё слегка поддатый, но он замялся, прежде чем рискнуть с ответом:

– Синтезировать из воздуха? Сомневаюсь, что получится.

– А что тебе для этого надо, парень?

– Что надо? Да много чего. Для кристаллизации необходима лаборатория получше, приборы для фильтрования, реагенты. Могу предоставить целый список. Нужны воронки, склянки, перегонные колбы, нагреватели, холодильники и много что ещё. А тут этого нет и в помине. И даже если бы и было, нужно время. За один вечер не успеть.

– Короче говоря, нужна мощная лаба, доктор? – прищу-

рившись, проговорил генерал.

Стаменов заметно оживился:

– Именно мощная! Герметичный бокс и так далее. И ещё... пара-тройка летучих мышей, желательны, индийских плотоядных. Я знаю, как выделить один нейротоксин, конкретно сносит башню, точно знаю!

Комендант выдержал долгую паузу, закатив глаза, и наконец сказал:

– Я подумаю над этим. Насчёт индийских не знаю, но по ночам вокруг прожекторов всегда носятся стаи этих тварей. Ну, а сегодня я просто напьюсь до одури в доску, – он хохотнул и направился было к выходу, когда его окликнул Стаменов:

– Товарищ генерал!

Тот с удивлением оглянулся.

– Кроме мышей... мне нужен этот ваш гладиатор, как его?.. Кувалда Молич.

– Зачем он тебе? – скорчив недовольную мину, спросил комендант.

– Ну, скажем так, очень интересный объект для наблюдения. Бессимптомный носитель вируса – это редкость, он может помочь в работе над вакциной против болезни.

Генерал нахмурил кустистые брови и приблизился почти вплотную к микробиологу.

– А я разве сказал тебе, что мне нужна вакцина? – произнёс он крайне недружелюбно.

– Комендант, вакцина нужна всем, разве нет?

Ломов смерил его убийственным взглядом, – наверно, так посмотрел бы легендарный дракон, прежде чем превратить наивного учёного в горстку пепла, и тот почувствовал себя очень неуютно.

– Кувалды больше нет, – сказал он. – Я его... отпустил. Я вообще никого силком не держу. Если что-то не нравится, каждый волен покинуть коммуну в любой момент. Конечно, нужно немного отработать перед тем, как оставить нашу дружную компанию, но, в общем, у каждого есть право выбора. В ближайшем времени я снаряжу ещё одну ходку в мегаполис. Не исключено, они привезут те побрякушки, что ты хотел. Нужна дурь, доктор, чем скорее, тем лучше, надеюсь, ты меня понял.

Комендант ещё ненадолго задержал на медике свой тяжёлый взгляд, и вышел в сопровождении вооружённой челяди.

Доктор Блум виновато посмотрел на Стаменова и, понизив голос, проговорил:

– Тут никому не нужна вакцина.

Игорь кивнул, понимая, что они с Иветтой попросту оказались в заложниках у местного главаря банды с диктаторскими замашками, – одна нацистская фуражка с «мёртвой головой», якобы означавшая победу над силами Тьмы, чего стоила! Широкоплечий плотный комендант с исколотыми венами и пропитыми мозгами разъяснил обстановку буквально в двух словах: они останутся на правах каторжников,

пока не отработают ровно столько, сколько понадобится лишённому каких бы то ни было моральных принципов генералу, то есть, скорее всего, навсегда.

Словно прочитав мысли коллеги-медика, Блум подошёл к Стаменову и прошептал:

– Я помогу вам бежать. Сегодня или никогда! Только поклянитесь, что сделаете то, что хотите. Много лет я не встречал людей с миссией, а у вас она есть. Создайте вакцину, убейте этот проклятый вирус! Эта нечисть разобщает, делит на сословия, порождает совершенное безличие – не в этом ли главная опасность?!

Ефим Молич гнал по шоссе на военном грузовике, до упора втопив педаль газа, и пребывал как никогда в удовлетворительном расположении духа, несмотря на колющую, противную боль в слабовидящем глазу. Он снова был на воле, и вид открытой степи, которую пересекали последние лучи заходящего солнца и обдувал вечерний прохладный ветерок, приводил его в бешеный восторг.

– Свобода, свобода, свобода! – напевал Ефим себе под нос, тупо улыбаясь и вспоминая, как ловко он разделался со своей настырной пассией, показав ей наглядно и популярно, что со зрелыми мужиками вроде него лучше не шутить.

«Глупая девчонка, – думал он. – Что она себе позволяет, дрянная, избалованная сучка!»

– Вот посиди пока там! – крикнул Молич погромче, чтобы

Настасье было слышно. – С милым и рай в шалаше, верно?

Он захохотал и попытался добавить газу, заметив несколько фигур бесцельно плетущихся по дороге шатунов. Возможно, ещё несколько размазанных по старому битому асфальту зомбарей вдохновят его на какую-то новую идею: например, что сделать с маленькой стервой, чем наградить за столь пылкую привязанность, которая пока что оборачивалась для него отнюдь не благом, а лишь смертельной опасностью?

Спустя минуту Ефим на полном ходу снёс одного из медлительных шатунов и слегка сбавил ход, посмотрев на топливный датчик, который показывал, что горючего хватит ещё километров на пятнадцать-двадцать, но не больше. Не слишком приятная новость, но в кузове наверняка есть запас канистр с дизелем, которые он просто не заметил накануне побега в темноте единственным зрячим глазом.

Молич посмотрел на верную кувалду, лежавшую справа на пассажирском сиденье, и ласково провёл рукой по холодному металлу молота и гладкому изгибу деревянной рукояти.

– Нет, милая моя, я женюсь только на тебе. Ах-ха-ха! И больше мне никто не нужен.

Внезапно выражение его лица изменилось с туповато-счастливого на испуганное и озабоченное, когда до него наконец-то дошло, какой он идиот! Ефим в растерянности проехал ещё с полкилометра и, убедившись, что вокруг нет

живых мертвецов, остановил машину.

Он долго не хотел покидать кабину, прислушиваясь к тому, что происходит в кунге. Настасья не издала ни звука, и это его насторожило. Видимо, рутина гладиаторских боёв настолько притупила его чувство самосохранения, впрочем, так же, как и саму способность здраво рассуждать, потому-то он даже не придал значения словам Настасьи, сказанным незадолго до того, как он впихнул её в кузов и закрыл на засов. А ведь сказано было довольно чётко: кузов явно был забит оружием и боеприпасами. Лицо Молича вытянулось и покраснело, когда он подумал о молодой стервозе, сидящей на ящике с патронами и поигрывающей от нечего делать каким-нибудь шестизарядным компактным ТКБ, который столь мило смотрится в миниатюрной женской руке, или нежно поглаживающей массивный ствол РПГ, точь-в-точь как он только что бережно ласкал рукоять пресловутой кувалды. Теперь ему оставалось пожинать плоды своей необузданной импульсивности или, говоря по-простому, брутальной дури. А ведь оружие ему очень даже было бы кстати!

Минут десять Ефим ходил вокруг грузовика, с интересом поглядывая на закрытую дверь кунга, но за ней по-прежнему было тихо.

Наконец он решился, снял засов и осторожно приоткрыл железную дверь, заглянув в щель здоровым глазом, как вдруг получил по нему весьма чувствительный удар прикладом уже знакомого ему двуствольного обреза. Он зарычал от

нестерпимой боли и отпрянул, прикрыв глаз рукой, на какое-то время практически ослепнув. Ударом ноги девушка распахнула дверь и показалась в проёме с ружьём, опоясанная патронташем. Её лицо искажала гримаса злобы и презрения, когда она нажала на спусковой крючок. Прогремел выстрел, пуля взрыхлила песок у самых ног Молича, подняв столб пыли, что отнюдь не добавило ему способности видеть.

– Ладно, ладно! – закричал он! – Я всё понял, я ошибся. Ты – крутая девчонка, значит – мир! Мы едем в гипермаркет.

В ответ Настасья злорадно засмеялась и мрачно произнесла:

– Ну нет, милый! Как там говорят, от любви до ненависти один шаг? Ты его сделал первый, теперь всё. На этом точка.

Она вскинула ружьё, прицелившись Ефиму в голову, когда он, интуитивно сделав резкий прыжок в сторону, взмахнул рукой, метнув в девицу какой-то блестящий предмет. Он угодил ей по щеке, сбив прицел за секунду до того, как прогремел второй выстрел. Кровь хлынула у неё из раны на лице, она вскрикнула, выронив обрез и прижав руку к щеке. Предмет, которым её ранило, оказался тем самым заострённым осколком графина, который Ефим до той поры ещё держал за поясом. Это прямое попадание дало Моличу шанс, и он что есть прыти рванул к девице, прекрасно понимая, что выиграл всего какую-то долю секунды для того, чтобы одержать верх в этой схватке. Ни в одном бою с самыми агрессивными шатунами, наверное, он не испытывал такого при-

лива адреналина в крови, как в этот миг, когда в каком-то хищном нечеловеческом прыжке он набросился на свою соперницу и повалил её на землю.

– Отродье, я убью тебя! – закричала она в ярости, колотя его обеими руками, измазанными в крови, хлещущей из раны на щеке, но эта попытка отразить его мощную атаку показалась ему только забавной.

Физические силы были явно неравны, он без труда подмял молодую дьяволицу под собой, положив её на лопатки. В глазах девушки сверкнула ненависть, которая сменилась страхом, и на них блеснули слезы то ли от смертельной обиды, то ли от бессилия.

– Ты меня не разжалобишь, – в исступлении проговорил Ефим, всё крепче сжимая руками её горло.

Она попыталась что-то выкрикнуть, но вместо этого смогла издать только какой-то хрип. В этот момент он понял, что его второй глаз окончательно ослеп. Это привело его в серьёзное замешательство, из-за чего он ослабил удушающую хватку, и девица незамедлительно этим воспользовалась, видимо, в силу какого-то инстинкта выбрав единственно верное и доступное средство самообороны: метнув в его здоровый глаз горсть песка и снова ослепив. Молич взвыл от бешенства, пытаясь наугад нанести Настасье сокрушительный удар тяжёлым кулаком, но промахнулся, и та ловко улизнула от него, всё ещё хрипя и откашливаясь, поскольку Ефим едва её по-настоящему не придушил. Он услышал, как его

соперница запрыгнула в кабину грузовика и отжала газ.

Большая машина стремительно удалялась, поблёскивая габаритами в вечерних сумерках, и Молич, отчаянно промаргиваясь, уже понадеялся, что больше её не увидит, когда на расстоянии километра неукротимая девица, видимо, передумала оставить его одного на шоссе и развернула грузовик.

Непотребно выругавшись, Ефим огляделся кругом и, заметив уроненный Настасьей обрез, быстро поднял его – благо, второй ствол был заряжен и можно было попытаться шмальнуть. Однако грузовик нёсся на него на полном ходу, слепя включёнными фарами. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над пустынным шоссе сгушался пугающий мрак. Молич понял, что, скорее всего, не успеет увернуться от разогнавшейся машины. Он поднял обрез и ждал того момента, когда сможет рассмотреть лицо Настасьи в лобовом окне, чтобы выстрелить, возможно, в последний раз. Между ним и машиной оставалось всего каких-нибудь десять метров, когда рассудок его помутился, и земля ушла из-под ног. Выронив обрез, он рухнул на асфальт без сознания.

В последний момент грузовик затормозил, резко свернув правее от распластавшегося тела. После короткого раздумья Настасья покинула кабину и подошла к Моличу, быстро подняв с земли своё ружьё. У неё пронеслась в голове мысль, что он мог притвориться, но, во-первых, на него это было не похоже, во-вторых, что-то подсказывало ей, что с

ним действительно стряслась беда. Фары грузовика хорошо освещали загорелое, покрытое ссадинами и царапинами лицо Ефима. Склонившись над ним, девушка сначала осторожно ткнула его дулом ружья в бок, затем, не дождавшись, реакции, несколько раз со злостью, которая ещё не успела в ней остыть, сильно отшлёпала его по щекам – и в наказание за невиданное хамство, и заодно с тем, чтобы привести его в чувство, однако ничто не помогло вывести гладиатора из этого глубокого обморока.

Дочь коменданта гадала, что ей предпринять, глядя на умиротворённую физиономию мужлана, как вдруг заметила нечто в высшей степени удивительное и жуткое. Большой глаз Молича внезапно раскрылся и уставился на девушку, в то время как здоровый по-прежнему был закрыт. Он горел янтарным сиянием подобно глазам многих инфицированных, – завораживающим, притягивающим и отталкивающим одновременно. Глаз моргнул несколько раз, после чего начал вращаться вокруг своей оси подобно глазу хамелеона, словно пытаясь охватить как можно больший угол обзора. Пока глаз буквально жил собственной жизнью, бешено вращаясь и часто моргая, будто так и норовя выскочить из глазницы, сам Ефим, казалось, и не торопился приходить в сознание.

Настасья собралась с силами и поволокла Молича в сторону кузова. Она быстро пожалела о своём решении, так как ей показалось, что она тянет огромную железную бадью с

кирпичами, а не тело человека, но комендантская дочка с детства была не только избалованной, но и упрямой, и довела-таки начатое дело до конца. Обливаясь потом и кляня себя конченной дурой из последних дур, Настасья сумела дотянуть Ефима до двери кузова, поднять и затащить внутрь.

Здесь она вкрутила электро-лампочку в патрон, закреплённый под потолком, и кузов озарился слабым светом. Зомби-глаз тут же зажмурился, но спустя несколько минут начал снова медленно приоткрываться, словно какой-то мерзкий моллюск в ракушке. Он с ненавистью и даже кровожадностью глядел на девушку, напоминая орган зрения какой-нибудь хищной рептилии, и Настасья обратилась прямо к нему, быть может, потому что только он в этот момент подавал признаки жизни:

– Не знаю, зачем я это делаю, может быть, я влюблённая дура, кретинка, идиотка. Но я не могу тебя убить!.. Мы едем в гипермаркет.

Параграф 23. Несколько спорных вариантов выживания. Существует несколько возможных вариантов, как пережить опасную пандемию без особых осложнений и риска для жизни. Можно провести несколько месяцев в самоизоляции, лёжа на диване в доме без окон и дверей на краю глубокого обрыва, и рассуждать о спасении человечества на удалённом расстоянии от возможных эксцессов. Можно захватить бронепоезд и путешествовать по бескрайним просторам нашей родины под прикрытием прочного листового же-

леза и крупнокалиберных орудий, беспощадно громя шатун-нов на своём пути. Можно надолго осесть в подземном бункере с группой преданных единомышленников, разрабатывая план сопротивления в ожидании лучших времён. Но можно и рискнуть: выйти на улицы родного города с оружием в руках и попытаться разобраться с шатунами в открытой схватке. Впрочем, делать это следует лишь в том случае, когда иных вариантов попросту не существует.

Не подозревая о том, в какие передряги успел попасть за это время Кинский, новые обитатели харчевни «Три топора» провели остаток дня за осмотром отвоёванных накануне владений. Эрнст ещё не вернулся из своей вылазки на машине с необузданным Кинским, когда Лембоев всю занялся хозяйством на хуторе. На заднем дворе харчевни он обнаружил закрытый курятник, но нигде не увидел самих кур, зато приметил лисью нору, проделанную под забором и ведущую в загон для домашних птиц. Спустя какое-то время он заметил тощую курицу какой-то редкой диковинной породы, которая то появлялась откуда ни возьмись, когда он отворачивался, то сразу расторопно пускалась в бега, едва он поворачивался к ней лицом. Он долго ласково подзывал птицу, разбрасывая найденное на кухне просо по всему двору и терпеливо ждал, когда неуловимая курица подойдёт поближе, но та ускользала каждый раз, когда он делал попытку её схватить.

В разгаре этой нешуточной охоты её издевательское ку-

дахтанье начало чудиться ему отовсюду, хотя сама хитрая птица умудрялась или вовремя сбежать, или попросту вообще не появляться в поле его зрения. В конце концов ему это надоело, и Сильван уже начал подумывать о том, чтобы отправиться в погреб за копчёностями, которых там было всё ещё в избытке, когда к нему неожиданно подошла Лика с плюшевым мишкой в одной руке и бездыханной курицей в другой. Она невозмутимо передала Лембоеву курицу и спокойно сказала:

– Вот, держи. Это была китайская бойцовая!.. Сделаешь суп, нельзя ведь сидеть на одной колбасе. Жалко только, что Кинского, скорее всего, не будет к ужину.

– Слушаюсь, – в изумлении проговорил Сильван, принимая у девочки птицу.

Лика помедлила и добавила:

– Скажи, а ты не знаешь, чем кормить летучих мышей?

– Если честно, не в курсе. Может, червяками или тараканами?

– Может, – кивнула девочка и ушла, нашептывая что-то на ухо своему Зубастому.

Лембоев до самого вечера был под впечатлением от этого случая с курицей и, как только появился Эрнст, тут же поведал ему о произошедшем.

– Молодец, крутая малышка, – с одобрением ответил тот. – Она достойный член нашей убойной компании.

– И компания подобралась что надо! Форма спецназовца

сидит на нашем клоуне, как будто он всю жизнь её носил. В твоей надёжности, Эрнст, я тоже успел убедиться, и не раз. Кинский, хоть и шизоид, но тоже вроде парень крепкий. А вот что могу я, чего я стою на фоне таких бравых ребят, как вы?

– Да ладно! – рассмеялся Эрнст. – Ты можешь сделать отличный ужин, кто ещё из нас умеет так вкусно готовить? А твой эластопед – это вообще изобретение века, ни один зомби за тобой не угонится, если придётся драпать, но я надеюсь, до этого не дойдёт. Мы под охраной высоких стен, и никто и никогда не возьмёт нас на приступ. Кстати, как тебе наша новая крепость? По-моему, ты хотел здесь поселиться насовсем, или я ошибаюсь? Ты осмотрел весь хутор?

На лице Лембоева отразилось лёгкое сомнение.

– Тут есть почти всё для того, чтобы выжить в течение недели. Но... последнюю курицу сегодня кокнула малышка. Курятник пуст, видимо, пока суть да дело, лисы утащили всю домашнюю птицу. В амбаре, правда, полно копчёностей и мясных консервов, но сама атмосфера здесь угнетает. И ещё... за домом я нашёл... Освенцим.

– Что?!

– Там ещё одна постройка, внутри печь, а в ней... – Сильван подавленно умолк, затем продолжил, понизив голос:

– Человеческие кости. Мне кажется, в основном детские. Мы устроились в притоне каннибалов!

– Да уж! – проговорил Эрнст, которого всего передернуло

при этих словах. – Не слишком приятное место, ты прав, но всё же мы могли бы перекантоваться здесь хоть несколько дней. Девочка исхудала, выглядит измученной, ей надо передохнуть, набраться сил, отъестся... Кстати, те консервы в погребе случайно не...

– Нам повезло. Продукция со знаком качества, стыренная, скорее всего, с одной из военных продбаз.

– Ну вот и хорошо, – у Эрнста сразу отлегло от сердца. – Надо запастись терпением и взять себя в руки! Потом вернётся Кинский, и мы все вместе снова отправимся в путь на поиски Эльдорадо. Мы ещё повоюем, – Эрнст со смехом хлопал Сильвана по плечу.

Лембоев, заметно повеселев после разговора с Эрнстом, разлил по стаканам холодное пиво и пригласил всех к столу.

Куриный суп одобрили все, затем Рыжий показал несколько фокусов, правда, больше не наряжаясь в клоунский балахон и парик, снова приведя в сумасшедший восторг Лику, которая весь вечер заражала радостным смехом остальных своих спутников. Лишь Эрнст, словно передав приунывшему было Лембоеву собственный недюжинный запас оптимизма и теперь испытывая дефицит этого столь необходимого в сложившихся обстоятельствах витамина, был в каком-то подавленном настроении и помалкивал, раздумывая о чём-то своём. Иногда он улыбался, видя счастливое лицо девочки, которой в кои-то веки было беззаботно и хорошо, но вскоре снова погружался в какие-то

неизвестные гнетущие мысли.

На это мало кто обратил внимание за исключением самой малышки, которая по окончании представления подошла к нему и, тронув за плечо, произнесла:

– Тебе что, было неинтересно?

– О нет, крошка, всё было замечательно! – отозвался Эрнст, подмигнув девчужке. – Фокус с картами был вообще отпад.

За соседним столом Рыжий и Лембоев бросили жребий, кому в эту ночь дежурить на смотровой вышке во дворе, и клоун, как ни странно, проиграл. Следовало опасаться не только шатунов, но и мародёров, которые могли заявиться в любой момент, но пулемёт, установленный на вышке, позволял им чувствовать себя в относительной безопасности. Оставалось только быть на стрёме днём и, особенно, ночью.

Лица внимательно посмотрела на Эрнста, задумчиво потягивающего пиво из запасов толстяка, и спросила:

– Ты не знаешь, чем кормят летучих мышей?

– Хм! Скорее всего, насекомыми, какими-нибудь опарышами или дождевыми червями.

– Ну, этого добра сколько хочешь, – просияла Лица.

– А зачем ты спрашиваешь?

– Это секрет, – улыбнулась девочка.

Затем она обняла каждого по очереди и ушла к себе в спальню.

Эрнст чокнулся стаканом пива с Рыжим и сказал:

– Боевая девчонка эта Лика. Лет через десять нас всех за пояс заткнёт.

– Ну да, – пессимистично отозвался клоун, – если к тому времени мы все ещё будем живы. Ты проводил Кинского?

– До моста. Скажи, а что он вообще за тип?

К его удивлению, Григорий смог дать крайне поверхностный ответ:

– Сам толком не знаю. Не хочу пока вешать на него никаких ярлыков, но более безбашенных лиходеев, чем он, я ещё не встречал. А что? Небось снова выкинул что-то в своём репертуаре?

– Нет, мне просто стало интересно. По-моему, девочка от него без ума.

– Ну что ж, бывает, – со вздохом ответил Рыжий, допивая свое пиво и направляясь к смотровой вышке, где ему предстояло провести всю ночь.

Тёплый воздух наполнился ароматом степной полыни, сухого сена, и воцарившуюся было тишину нарушил стрёкот множества цикад. На небе, точно блёстки на лиловом карнавальном одеянии, зажигались первые звёзды, и бледный диск луны выкатился из-за лохматого сиреневого облака, слабо осветив небольшой кусочек сумрачного неба, словно вырвав из него небольшой серебристый лоскут.

Поднявшись на вышку, Рыжий включил прожектор, проводя его лучом из стороны в сторону, но не заметил ничего подозрительного. Пулемёт, стоявший тут же на станке,

мог остановить мародёров, но вряд ли это была надёжная защита от вездесущих зомби, которые зачастую удивляли своей сверхъестественной ловкостью, изворотливостью и коварством. Помня об этом, клоун взял с собой один из трёх остро заточенных топоров, висевших раньше в зале харчевни. Спустя час Рыжего начало клонить в сон и на какие-то несколько секунд он как будто отключился, но, встрепенувшись, собрался с силами, призвав всю силу воли, и строго запретил себе даже думать о сне.

Он долго крутил во все стороны прожектором, заманивая на свет множество ночных мотыльков и летучих мышей, когда заметил какое-то движение во дворе хутора. Он увидел, как мимо вышки крадучись, с фонариком прошёл Лембоев, двигаясь в сторону курятника. Приложив палец к носу, Сильван дал Рыжему понять, чтобы тот не шумел, и вскоре исчез в двери невысокой деревянной постройки. Не прошло и минуты, как вдруг раздался его пронзительный крик.

Клоун с топором скатился с лестницы вниз и бросился в курятник. Он увидел Лембоева, который стоял у дальнего угла птичьего загона с большим тесаком в руке, склонившись над отчаянно извивающимся телом шатуна. Тот уже наполовину пролез через старую развороченную лисью нору и пытался увернуться от ударов огромного кухонного тесака из арсенала бывшего хозяина харчевни. Прوماхнувшись несколько раз, Сильван наконец-то нанёс упырю мощнейших точный удар, снеся ему голову с плеч. Содрогнувшись,

тело шатуна замерло, вцепившись крючковатыми пальцами в землю, а голова с вытаращенными жёлтыми глазами и высунутым синим языком откатилась к ногам Рыжего.

– Отлично! – воскликнул клоун, отфутболивая ногой голову подальше.

Лембоев не ответил, выронив тесак и схватившись за запястье левой руки. На его лице отразился испуг, который поневоле передался и Григорию.

– Я долго не мог уснуть... потом услышал шорох в курятнике, – проговорил Сильван. – Знал ведь, что тут нора, надо было сразу её засыпать, так нет, думал об этой чёртовой курице, которая носилась по всему двору, будь она неладна!

– Ничего, всё в порядке, сейчас мы её замуруем...

– Не в порядке... – сдавленным голосом оборвал его Лембоев. – Зомбак укусил меня за руку, я не успел увернуться!..

– Дружище, только без паники! Ну-ка покажи мне рану, её надо обработать.

Рыжий шагнул к Сильвану, как вдруг тот отшатнулся, отдёргнув раненую руку и прижавшись к стене.

– Нет, остановись! – крикнул он. – Мы оба знаем, что это бесполезно.

На глазах его блеснули слёзы.

– А я рассчитывал, что нашёл себе новый дом... Какое опасное заблуждение, – занять дом, прикончив его прежних хозяев, даже если они достойны только порицания. Так поступают только мародёры, и счастья это не приносит нико-

гда! Мне следовало подумать об этом раньше, а теперь уже поздно.

– Брось, не терзай себя попусту!

Григорий сделал ещё один шаг навстречу скрюченному от страха и бессилия инженеру и выкрикнул почти в ярости:

– И дай мне осмотреть твою руку наконец!

Не ответив, Лембоев опустился на колени, глядя куда-то в сторону на опутанную паутиной стену. Фонарик он также выпустил из рук, и его тонкий луч пронизал тьму душного курятника.

В двери появился запыхавшийся Эрнст с ружьём и большим электро-фонарём в руках и обеспокоенно спросил:

– Что за шум?

Видимо, он быстро понял, что случилось, заметив обезглавленное тело шатуна. Когда же взгляд Эрнста остановился на кровоточащей ране на руке своего друга, лицо его побледнело. Он переглянулся с Рыжим, и тот быстро кивнул, скорбно опустив взор.

– Эй, приятель! – с деланным смехом окликнул Лембоева Эрнст. – Кончай грустить, сейчас мы разберёмся с твоей царапиной.

Сильван поднял на него опустошённые глаза и грустно улыбнулся, устало промолвив:

– Ах, это ты!.. Ты мне уже однажды очень помог, поможешь мне ещё раз, верно? Она ждёт меня... там, моя милая, моя Лиза. И скоро мы встретимся. Запомни лишь одно, это

место не принесёт вам счастья. Послушайтесь моего совета, уходите отсюда!

– Конечно уйдём, когда вылечишь свою руку, – бодро ответил Эрнст. – Вот тогда все вместе и уйдём.

В ответ донёсся только глухой стон Лембоева. Он опустил голову, заслоняя рукой глаза от яркого света. Это было похоже на один из признаков заражения. Порой зомби-вирус поражал инфицированного в считанные минуты, под влиянием жуткой инфекции их глаза изменялись в первую очередь, – видимо, эти перемены сопровождались невыносимой болью, которую усиливал даже слабый свет. Так или иначе, в первые секунды этих метаморфоз заражённые старались укрыться от света в темноте, хотя после полного обращения в монстров, казалось, больше не испытывали ничего, кроме голода и неистовой ярости.

Внезапно Сильвана несколько раз передёрнуло в сильных конвульсиях, он попытался встать с колен и поднять голову, но Эрнст специально навёл на него широкий луч фонаря, словно рассчитывая, что это замедлит процесс заражения. Лембоев, всё ещё прикрывая лицо рукой, встал на ноги и зарычал, словно какой-то дикий зверь. В свете фонаря стали видны его бешеные глаза, в которых затаилась неукротимая дьявольская злоба. Он ослабил подобно хищнику, показав ряд ровных зубов, из его глотки снова вырвался звериный рык, ещё более устрашающий и громкий.

Эрнст быстро взглянул на Рыжего и бросил:

– Чего стоишь?

– А что мне делать? – жалобно отозвался Григорий.

Выругавшись, Эрнст вырвал у него из рук топор, сунув ему взамен свой фонарь и ружьё, метнулся к Сильвану, замахнулся и обрушил на него со всей силы тяжёлое холодное орудие. Первый же удар оказался как нельзя более точен, и топор начисто снёс голову Лембоеву, который за несколько минут до этого тем же способом утихомирил прокравшегося через лисью нору шатуна. Теперь головы их обоих лежали недалеко друг от друга, глядя одинаковыми жёлтыми стеклянными глазами в пустоту.

Клоун в изумлении посмотрел на Эрнста. Тот выглядел отнюдь не уверенным в себе истребителем зомби, а скорее потерянным, уставшим палачом, опиравшимся на окровавленный топор, как на инвалидную трость.

– Пошли, выпьем, – сказал он Рыжему и, не дождавшись ответа, скрылся в направлении харчевни.

Параграф 26. Авангард и арьергард.

Если у вас нет другой возможности, кроме как вступить в открытую схватку с шатунами (см. параграф 23), лучше действовать не в одиночку, а сообща (см. параграф 22). Будьте мобильней, не останавливаясь на достигнутом, поскольку даже самый роскошный гипермаркет однажды превратится в руины. Найдите симбионтов, группу надёжных соратников из нескольких крепких человек. Действуя в мобильной группе, можно успешно противодействовать ата-

кам упырей, пополнять запасы продовольствия, арсенал оружия и боеснарядов. Отныне это – ваш авангард. Найдите ампутантов, способных отвлечь внимание зомби от преданных симбионтов. Это – ваш арьергард. Помните, что ампутантов, способных помочь вам в арьергарде, также можно сделать из симбионтов, если последние откажутся быть в авангарде. В этом вам помогут орудия, упомянутые в параграфе 25.

Минувший день прошёл для Кинского как нельзя более познавательного и насыщенного. Начать с того, что после бойни и беспощадного распила зомби-шлюх, его повысили в звании от простого рядового наёмника до командира боевого расчёта, состоявшего из двух пьяных в дребадан молодых бойцов. По заверению капитана Крылова, это и был его миномётный расчёт, однако самого миномёта в тот день Антон так и не увидел. Бойцы заикались, мычали что-то нечленораздельное, упорно отказываясь признаваться, куда пропал миномёт со всем снаряжением, и Кинский в итоге послал их к чёрту. Заглянув на оружейный склад, он обменял свой единственный трофей, пятерню зомби-изгоя на пять магазинов для карабина, как и было обещано алчным капитаном.

– Это ты там устроил резню бензопилой? – ухмыляясь, спросил у него кладовщик, грузный горбатый мужлан, от которого, так же, как и от молодых распущенных бойцов, разило спиртным. – Все о тебе только и говорят: что за новый псих появился? Не обижайся, в нашем достославном Кербе-

ре все психи. И я псих, и Крылов псих...

– И комендант ваш тоже псих? – съязвил Кинский.

– Да ты что! – кладовщик испуганно огляделся по сторонам. – Тихо ты! Наш комендант самый лучший, добрый и справедливый. Он нам как отец родной, так что прояви уважение, кретин!

– Ну я-то что, я ничего, – миролюбиво ответил Кинский, забирая боеприпасы, и добавил, понизив голос:

– Слушай, ты тут, наверно, всё и всех знаешь?

– Ну, многих, – гордо ответил кладовщик.

– Не скажешь, что это за бредни ходят насчёт коменданта, будто он не пускает в крепость детей? Неужто правда?

Глянув по сторонам, кладовщик так же тихо ответил:

– Так и есть, не пускает.

– И в чём его проблема?

– Не скажу, в чём и проблема ли это вообще, но знаю лишь то, что слышал от других. Как-то к нам заехал цыганский табор, и одна старая цыганка предсказала ему, что его якобы погубит ребёнок. Вот с тех самых пор наш комендант и запретил пускать за ворота крепости детей.

Кладовщик строго посмотрел на изумлённого Кинского и громко пробасил:

– И если хочешь знать моё мнение, он прав! Он мудрый, честный и справедливый вождь нашей коммуны!

Остаток дня Кинский провёл, созерцая опустевший амфитеатр, построенный вокруг овальной арены, которую при-

водили в порядок после боя несколько уборщиков. Между высоким бетонным парапетом и первыми рядами зрительских мест вдоль всей арены вела грунтовая дорога, по которой вполне мог проехать большой грузовой автомобиль. Этот трек с заметной проделанной от колёс колеёй, вероятно, предназначавшийся для перевозки каких-то грузов на территории амфитеатра, начинался со стороны предбанника, служившего большой, забитой преимущественно грузовым транспортом, парковкой, где теперь стоял и его зомби-кар и, обогнув арену, заканчивался напротив главных ворот, обычно закрытых на внушительный засов в любое время суток.

Кинский обратил внимание на военный вертолёт, стоявший на здании с плоской крышей, возвышавшейся над местным Колизеем, на которую можно было подняться по высокой винтовой лестнице. Впрочем, Антон не владел навыками управления винтокрылой машиной, и его интерес к этому варианту возможного побега быстро пропал. Тем не менее, мысль о бегстве разгоралась в его мозгу всё сильнее. Он был взбешён барскими замашками местных царьков, равно как и подобострастием их подчинённых (иерархия здесь наблюдалась почище, чем при древних феодалах) и решил сбежать при первом же удобном случае. Прежде чем отправиться на осмотр нижних ярусов крепости, Кинский, будто случайно прогуливаясь мимо своего зомби-кара, закинул в кабину боевые трофеи: карабин с пятью магазинами. Решив, что на

этом его рабочий день окончен, он бодро направился следом за всеми местными обитателями, которые с приближением сумерек друг за другом исчезали в зияющем проёме приземистого здания, представлявшего собой подобие контрольно-пропускного пункта, предварявшего доступ к скрытым от стороннего наблюдателя катакомбам города-крепости.

Кербер оказался огромным подземным бункером, вполне отвечая своему мифологическому названию. Бетонные лестницы уводили глубоко вниз, в тускло освещённые электролампами помещения, в которых протекала несколько отличавшаяся от наземной, шумной во время гладиаторских боев, но тихой по их окончании, будничная жизнь. В недрах крепости словно муравьи сновали местные жители, члены коммуны, выполняя свои строго определённые обязанности. Кинскому не понадобилось слишком много времени, чтобы, оказавшись в самом центре этого муравейника, дать определение основной массе здешних обитателей как немногочисленной банде отъявленных головорезов, на которую покорно трудились довольно дисциплинированные рабочие отряды.

Поздно вечером огромное скопление народу, видимо, состоявшее из представителей обеих каст, собралось в гигантской шумной столовой в одном из нижних ярусов подземного муравейника, куда мощной неудержимой волной, состоявшей из проголодавшихся тружеников и рядовых стражей крепости, выкинуло и Кинского. Можно сказать, что столовую ему даже не пришлось искать – его туда внесли.

Антону даже не понадобилось выбирать себе место, его стихийно швырнуло на свободный табурет перед одним из десятков длинных прямоугольных столов. Перед каждым членом коммуны стояла металлическая миска и стакан воды с куском чёрного хлеба. Вид этой общественной столовой, словно сошедшей со страниц антиутопического романа, наводил на мрачные размышления. В спёртом воздухе просторного, но скудно освещённого помещения, нависла тягостная тишина, нарушаемая разве что постукиванием ложек и массовым чавканьем.

Кинский заглянул в свою миску и поморщился при виде бесцветной каши, от которой отдавало резким запахом тухлой рыбы.

– Что это за дрянь? – спросил Антон, слегка толкнув локтем соседа, сухощавого человека лет пятидесяти.

Тот удивлённо покосился на Кинского, но промолчал, быстро заработав своей ложкой, словно испугавшись, что новенький собирается отобрать его порцию. Антон раздражённо оттолкнул от себя миску, сунув полагавшийся ему сухарь из ржаного хлеба себе в карман, залпом выпил свой стакан воды и ещё раз внимательно осмотрел помещение, забитое угрюмым народом и в полутьме казавшееся бескрайним. Он довольно быстро отыскал в серой массе «пожирателей каши» знакомые лица. Не узнать Панка в причудливом тёмном комбинезоне с его копной ультрамариновых волос и умным острым взглядом неумоимого инженера-изобретателя,

врача и фармацевта по совместительству среди одетой преимущественно в отрепья толпы мужчин и женщин с одинаковым голодным и усталым выражением лица, было просто невозможно, а рядом с ним оказались и его прежние спутники: Вязов и Цибела. Медиков, с которыми их разлучили накануне, нигде не было видно, – вероятно, для них, как и для всей правящей верхушки, предназначалось другое, более комфортное помещение для столования.

Неожиданно в громкоговоритель, установленный где-то под сводом высокого серого потолка, проревел чей-то громкий спокойный и повелительный голос:

«Граждане нового мира! Помните! Мы в безопасности! Комендант Ломов бдительно следит за спокойствием жителей нашего города. Ни одного случая инфицирования Z-вируса в пределах крепости не зафиксировано. За её пределами опасности также не обнаружено. Комендант Ломов заботится о вашем здоровье и благосостоянии! Приятного аппетита!»

Никто не отреагировал на это, видимо, заранее записанное, известное всем наизусть сообщение, кроме, конечно, нескольких новичков.

«Гнусная ложь! – заметил про себя Кинский. – От начала и до конца. А как же перестрелка в предбаннике? Да и снаружи постоянно бродят шатуны в поиске каких-нибудь лазеек. Комендант промывает мозги своим покорным рабам, втирание очков, иначе это и не назовёшь».

Антон помахал рукой своим знакомым, сидевшим не так далеко, через один стол от него, и Панк радостно махнул ему в ответ. Кинский добродушно похлопал по спине немногословного соседа, поставив перед ним свою миску со словами:

– Продолжай, приятель, забирай и мою порцию, я сегодня не голоден.

– Вы... так добры... так добры, – проговорил незнакомый житель, с жадностью набрасываясь на зловонное содержимое предложенной миски.

– А что, здесь всегда так кормят? – спросил Антон, пытаюсь расположить соседа хотя бы к какому-то сбросу полезной информации. – Или сегодня просто рыбный день?

Незнакомец даже не ответил, давясь кашей и напоминая какого-то аутиста, совершенно не оценив сарказм новичка.

Кинский со вздохом встал из-за стола, намереваясь присоединиться к группе своих троих знакомых, как вдруг путь ему преградил рослый охранник.

– В чём дело? – недовольно спросил Антон.

– Ни в чём. Не знаешь порядков, что ли? Вернись на своё место. После ужина – вместе со всеми в Сектор 6, – это прозвучало как приказ.

– А больше ничего не хочешь? – прорычал Кинский с такой яростью, что даже его проголодавшийся сосед перестал чавкать, с изумлением оторвав глаза от миски.

– Не понял, – угрожающе откликнулся амбал, хватаясь за резиновую дубинку, висевшую у него на поясе.

Кинский хотел его просто обойти, но не успел опомниться, как его окружили ещё трое надсмотрщиков, один из которых нацелил на него пистолет.

– Сейчас ты пойдёшь с нами, идиот, – понизив голос, сказал первый соглядатай, помахивая в воздухе дубинкой.

– А если не пойду?

Надсмотрщики удивлённо переглянулись и первый с вызовом ответил:

– Тогда неделя в лазарете, и это в лучшем случае, храбрец!

Судя по решительности на лицах четверых крепышей, Кинский понял, что надо что-то решать, причём очень быстро, когда, казалось бы, из безвыходной ситуации его выручили, как ни странно, зомби. Внезапно в сумрачной глубине столовой раздался чей-то пронзительный крик:

– Заражение! На помощь!..

Этот вопль мгновенно заставил надсмотрщиков забыть последнюю перепалку с наглым новичком и со всех ног броситься на зов о спасении. Помещение огласилось гулом разом охнувшей толпы. Десятки местных жителей, побросав свои ложки и миски, метнулись к выходу, устроив настоящую давку. Кинский был один из немногих, кто в отличие от основной массы бесстрашно направился туда, откуда доносились крики и вскоре увидел в центре столовой на полу инфицированного, ненасытно вгрызавшегося в горло какой-то женщины.

– У нас один... нет, двое заражённых! – прокричал в ра-

цию один из «блустителей порядка». – В Секторе 5. Просим помощь!

Тот, что был с дубинкой попытался нанести удар своим орудием по голове взбесившегося шатуна, неведь каким образом оказавшегося среди здоровых, но тот проявил поистине дьявольскую сноровку и, увернувшись от удара, вцепился зубами в руку амбала. Выронив дубинку, тот заверещал таким пронзительным фальцетом, который никак не вязался с его атлетической фигурой в военном камуфляже.

– Трое... трое заражённых! – заорал в рацию надсмотрщик.

Кто-то из толпы испуганных гражданских, разбежавшихся в разные стороны подальше от места инцидента, неожиданно крикнул:

– Четверо!

– Ещё один! – панически взвизгнул кто-то, стоявший рядом с ним и, видимо, это была отнюдь не шутка.

Какой-то инфицированный в толпе с нечеловеческим яростным воплем набросился на новую жертву, со скоростью взбесившейся гориллы перескочил на следующую и в течение нескольких секунд, видимо, укусил или поцарапал ещё несколько бедняг, случайно оказавшихся поблизости и, совершенно определённо, теперь присоединившихся к группе риска.

Очаг заражения грозил разрастись со сверхъестественной скоростью, что вызвало настоящую панику.

– Красная опасность! – проревел в рацию надсмотрщик. – Скорее к нам с огнемётами! Быстро!..– Он не договорил, когда ещё один инфицированный выбил рацию у него из руки, впившись зубами в его запястье.

Спустя минуту несколько солдат с трудом протиснулись через давку у входа в столовую с огнемётами и визжащими бензопилами, однако встали в растерянности, не понимая, где зомби, поскольку испуганные, душераздирающие крики доносились теперь со всех сторон. Опрокидывая столы и стулья, гражданские рвались к выходу, бросаясь друг на друга хотя бы для того, чтобы пробить себе дорогу, хотя заражённые могли быть теперь и среди них. Собравшись в плотную группу, бойцы в панике начали палить из огнемётов в разные стороны, во всех гражданских без разбору. В какой-то момент в столовой стало светло как днём из-за ярких вспышек пламени. Амбал, угрожавший Кинскому дубинкой, при виде соратника с бензопилой, вперив в него умоляющий, пока ещё осознанный взгляд, направился прямо к нему и спустя мгновение повис на полотне пронзительно визжащей пилы, пробурившей его насквозь.

Кинский случайно столкнулся с троицей своих знакомых, которые до сих пор держались вместе. Он буквально за шиворот притянул их к себе и проорал сквозь рёв обезумевшей от ужаса толпы:

– Никто не ранен?

– Нет, – крикнул в ответ Панк, – только Цибелу зацепили

табуреткой по башке.

– Это ничего, – простонала девушка, держась за ушибленную голову, – я в норме.

– Ну, конечно, по сравнению с зомбарями точно! У меня есть план, все за мной. Встретимся в предбаннике у зомби-кара!

В следующий момент его сбил с ног кто-то из солдат, также в панике пробивавший себе путь к выходу при помощи локтей. Кинский узнал в нём одного из соглядатаев, который целился в него пистолетом незадолго до вспышки заражения, догнал его и со всей силы влепил ему наотмашь кулаком по уху, опрокинув на пол. В следующий момент, он отобрал у него пистолет и, напоследок наскоро отбив на его спине чечётку подошвами своих ботинок, устремился к выходу. Антон потерял из виду своих новых друзей, но в данный момент его это совершенно не волновало. Без зазрения совести раздавая крепкие тумаки рукоятью пистолета и расталкивая всех, кого мог в стороны, он упорно пробивался к выходу из столовой.

Спустя некоторое время эта поставленная перед самим собой сверхзадача, не в последнюю очередь благодаря тому, что пришлось буквально пройти по головам нескольких надсмотрщиков, обронивших свои огнемёты и бензопилы, наконец ему удалась, и он устремился наверх к предбаннику и главным воротам крепости.

Здесь он столкнулся с только что поднявшимися на подь-

ёмнике тремя медиками, которые в удивлении озирались по сторонам, не понимая причину столпотворения, но, судя по их виду, были вполне этому рады. Шумиха, толкотня и дав-ка их вполне устраивали, и первый же вопрос от Кинского, разумеется, сразу нашёл отклик в их сердцах.

– Мы делаем ноги! – бросил он им. – Хотите с нами?

– Без проблем! – с радостью откликнулся Стаменов.

Оглянувшись, он увидел доктора Блума, оставшегося позади орущей толпы и прощально помахававшего им рукой. Он что-то прокричал, но Игорь не разобрал, что именно. Впрочем, всё было написано на лице старика. Тот не собирался уходить вместе с ними, но всем своим видом пожелал Стаменову и его ассистентке удачи на пути к исполнению их великой и необходимой, по его мнению, миссии.

Схватив Иветту за руку, Игорь бросился следом за Кинским, стараясь не потерять его из виду. В сумерках, окутывавших город-крепость и амфитеатр, казавшийся в полутьме каким-то нелепым скальным нагромождением, они бросились со всех ног в направлении главных ворот и пересекли это расстояние незаметно в течение нескольких минут, будто в сапогах-скороходах. За ними едва поспевали Панк, Вязов и Цибела.

Кинский первым вбежал на парковку и устремился к зомби-кару, как вдруг столкнулся с капитаном Крыловым, сжимавшим в руках АК-74.

– В чём дело, солдат? – смерив его суровым взглядом, спро-

сил он.

– Красная опасность, капитан!

– Доложите по уставу!

– Так точно, товарищ капитан! Красная опасность! Разрешите проявить инициативу!

– Уточните!

Размахнувшись, Кинский заехал рукоятью пистолета капитану по физиономии с такой «пролетарской» мощью, какую только смог собрать в кулак со всей клокочущей ненавистью к капитанам, генералам и комендантам всех крепостей, построенных когда бы то ни было на развалинах Армагеддона, и силы этого удара хватило, чтобы Крылов пролежал в блаженном неведении о бушующей красной опасности до самого рассвета. Автомат капитана перешёл в дальнейшее пользование подоспевшего Стаменова, а Кинский запрыгнул на водительское сиденье зомби-кара. К счастью, ключи зажигания были ещё в гнезде, и водитель завёл мотор с полоборота.

В свете включённых фар метнулись несколько летучих мышей, казалось, перепуганных не меньше, чем люди, разбежавшиеся по всему амфитеатру в поисках спасения. Однако судя по всему, зомби становилось всё больше, они проявляли чудеса скорости и ловкости, быстро находя себе новых жертв, и заражение грозило перейти в неудержимую локальную катастрофу. Всё шло к неумолимому и очевидному падению Кербера, казавшегося несокрушимой цитаделью и

надёжным оплотом выживших ещё совсем недавно.

Кинский дождался, пока в зомби-кар не залезут все беглецы и, закрыв за ними дверь, быстро разъяснил всем свою идею:

– Итак, вот мы и снова вместе, мои дорогие! Суть дела такова: местные в панике, но ворота закрыты, и нам их никто не откроет, они под охраной таких отпетых ухарей, что вступать с ними в перестрелку более чем бессмысленно. Но у нас есть шанс. Надеюсь на этот склеп на колёсах, который нам поможет вырваться из этой нехилой заварухи, – Антон ласково погладил по освещённой индикаторами приборной панели. – Ты ведь нас не подведёшь, верно?..

Кинский нажал на газ и начал медленно выкручивать руль, направляя машину к арке, которая вела с парковки в сторону амфитеатра.

– Вокруг арены проложена дорога, – прокомментировал водитель. – Нам не проехать через бронированные ворота на тихой скорости, но у этого железного корыта мощный движок и убойный метельник, мы разгонимся вокруг арены так быстро, как только можно, и на полном ходу врежемся в ворота.

Цибела охнула, едва не упав на руки не менее ошарашенного Панка.

– Да это же безумие, – пробормотал Стаменов.

– Конечно! – согласился Кинский, выезжая на грунтовую дорогу, тянущуюся вдоль парапета. – Поэтому советую всем занять свои места и пристегнуться ремнями безопасно-

сти, конечно, если они тут есть. Держитесь, ребята!

Антон захохотал, вцепившись в баранку обеими руками и втопив педаль газа до упора. Зомби-кар, пытая и ревя, разогнался подобно старому локомотиву на современной железнодорожной колее – медленно, но уверенно и неотвратно. Обогнув арену, машина разогналась до внушительной скорости, когда впереди замаячили закрытые ворота Кербера. Сверху со смотровых вышек прогремели очереди из пулемётов и несколько достигших цели пуль проделали небольшие бреши в крыше, едва не задев вцепившихся в поручни пассажиров, но ревущую бронированную машину было уже не остановить. Неудержимо и легко, словно танк, она пробила ворота и вырвалась на волю, вылетев в бескрайнюю сумрачную степь.

Комендантский час

Параграф 6. Некоторые из разновидностей транспортных средств.

Если зомби-изгои больше говорят и мало делают, конечно, до определённого момента, то зомби-бегуны исполнены яростной энергией и невероятно опасны в любое время дня и ночи. Используйте эту энергию на пользу себе и всему прогрессивному сообществу. Прокатитесь с ветерком из пункта А в пункт В, оседлав упряжку из нескольких зомби-бегунов. Примитивные сани на зомбированной тяге домчат вас куда угодно в предельно сжатые сроки. Возможно, это не самое быстрое и надёжное транспортное средство, но нет сомнений в том, что оно является одним из самых экстремальных в эру Армагеддона.

Эрнст потягивал пиво до самого рассвета. Рыжий, не выдержав его разглагольствований о невыносимости бытия и о том, как бы ему хотелось стереть всё в памяти, утопив горе и тоску на дне пивной кружки, довольно быстро покинул его под предлогом поискать в погребке чего-нибудь покрепче. Он решил избавиться от тела Лембоева при помощи всего лишь одного, представлявшегося ему наиболее приемлемым, способа, – возможно, далёкого от христианских обычаев, но, тем не менее, наиболее доступного и быстрого – в жуткой печи, в которой зловещий толстяк, прежний хозяин хар-

чевни, сжигал своих жертв. Это было, скорее, импульсивное намерение, продиктованное лишь одним, – скрыть это ужасное событие от слабой психики девочки, которая и так уже насмотрелась многого (что же ещё делать, раз уж он взялся держать за неё ответ во всём). Конечно, Рыжий про себя поклялся, что впоследствии перезахоронит останки погибшего товарища со всеми почестями, но не сейчас. Он поспешно отнёс части тела Сильвана на задний двор, закинул в печь невысокого кирпичного строения с возвышавшейся над его крышей длинной трубой, облил горючим из старых запасов, найденных в подсобке, и поджёг.

Покончив с этим не самым благовидным делом, он нашёл в себе силы снова взобраться на смотровую вышку, чтобы осмотреть окрестности, хоть и был совершенно измотан. Вокруг было спокойно, и Григорий не заметил, как отключился, облокотившись на ствольную коробку пулемёта. Им овладел настолько крепкий сон, что он не услышал шум рассекающих воздух лопастей винтокрылой машины, появившейся над холмами в предрассветных сумерках и сделавшей в начале несколько витков вокруг хутора на безопасном расстоянии, а затем внезапно устремившейся прямо к нему, словно собираясь идти в атаку.

Эрнсту пришлось довольствоваться почти весь остаток ночи общением с другим «умным» человеком, то есть с самим собой. Под конец выпито было так много, что он добился желаемого эффекта, на который изначально и расчи-

тывал, уйдя в несколько иную, более радужную реальность и забыв о случившемся ночью трагичном событии, но так и не уснул. Слегка покачиваясь, на рассвете он вышел во двор без определённой причины, возможно, чтобы просто глотнуть прохладного утреннего воздуха, когда его замутнённо-хмельным угаром взору предстала военная машина, вертикально спускавшаяся прямо перед ним, во дворе хутора. Пилот виртуозно посадил свой вертолёт, подняв настолько плотные вихри пыли и песка, что могло показаться, будто началось торнадо. Спустя несколько секунд раскрылся проём сдвижной двери, и на землю прыгнул человек в защитном шлеме и бронежилете, направив на очумевшего Эрнста ствол автомата.

Проснувшийся к тому времени Рыжий затаился на вышке, вцепившись в рукоять пулемёта и гадая, что ему предпринять в подобной внештатной ситуации. По-видимому, на хутор напали не шатуны, а военные или, возможно, мародёры, которые были экипированы не хуже элитного спецназа.

Солдат в защитном обмундировании, видимо, прекрасно понимал, что тоже находится под прицелом, поэтому остался под прикрытием массивного корпуса винтокрылой машины. Следующим из вертолёта появился дородный незнакомец в фуражке с «мёртвой головой» вместо кокарды и золотым шитьём и рубашке с коротким рукавом тёмно-зелёного цвета с пристяжными генеральскими погонами, который как можно более миролюбиво улыбнулся Эрнсту.

– Мир вашему дому, – сказал военный. – Простите за столь бесцеремонное вторжение, но я был вынужден направить вертолёт под защиту ваших уютных стен. Не знаю, кто тут главный, но раз уж к нам вышли вы, то уверен, что вы – достойный гражданин этой почтенной общины, посему буду вести переговоры с вами. Во-первых, не могли бы вы крикнуть вашему приятелю на вышке, чтоб он расслабился и показал свои руки. Мой снайпер уже несколько раз мог снять его на расстоянии, пока мы кружили вокруг. Но мы не какие-нибудь мародёры, и моя честь офицера обязывает быть предельно прозрачным с гражданскими... да-да, именно так, прозрачным, – добавил незнакомец, переглянувшись со спецназовцем, и расхохотался:

– Ну и сказанул! Пришло же на ум такое... Дружище, моя фамилия Ломов, мы остановимся у вас на время, чтобы переждать бурю.

– Бурю? – переспросил Эрнст.

– Да, нам не повезло. Мы попали в страшнейший ураган, – Ломов нахмурился, бросив колючий взгляд холодных глаз по сторонам. – У вас тут тихо, и это как нельзя более нам на руку. Тебе знакомо изречение: зимние квартиры? Знаешь, мы так продрогли, что хорошо было бы согреться, – генерал хитро подмигнул подвыпившему гражданскому, и тот с пониманием кивнул, гостеприимно указав на дверь харчевни:

– Ну, так это без проблем!

Он энергично зажестикублировал Рыжему, давая понять,

что бояться нечего, как ему казалось в тот момент, и Григорию не оставалось ничего иного, как нехотя оставить свой пост. Видимо, почувствовав в генерале близкую, жаждущую душу, Эрнст охотно подсуетился за стойкой, налив им обоим по стакану самогона из запасов толстяка, и чокнулся с Ломовым, который выпил свой залпом до дна. Со стуком поставив его на стойку и одобрительно осмотрев интерьер помещения с тремя отмытыми и заточенными до блеска топорами на стене, он провозгласил:

– Вот это гостеприимство! Вот это я понимаю!..

– Да, генерал, мы всегда рады гостям, – невнятно ответил совершенно захмелевший Эрнст. – Если это не шатуны.

– Да уж, согласен на все сто. Но даю тебе слово, парень, что шатунов мы даже близко не подпустим к этой крепости.

Генерал вовремя удержал Эрнста за столом, хотя тот уже кренился влево, сползая со стула, видимо, собираясь растянуться прямо на полу, и, резко его одёрнув, мрачно сказал:

– Я имел глупость потерять свой «вечный город», как я его называл, свою казавшуюся несокрушимой коммуны, которую я взрастил за долгие годы в его железобетонных стенах. Я потерял свой Кербер, я потерял родную дочь... Я потерял всё!

Смахнув со щеки скупую слезу, Ломов жадно приложился к заново наполненному стакану.

– А ч-ч-то случилось? – громко икнув, проговорил Эрнст.

– Шатуны, – коротко ответил генерал. – Но я клянусь, мы

возьмём реванш!

Внезапно он сжал руку в кулак и грозно потряс им, будто какой-то увесистой булавой:

– Эти бестии у нас ещё попляшут, – и кулак с грохотом обрушился на стол, едва не расколов его пополам.

Ломов оттолкнул пустой стакан, вставая из-за стола со словами:

– Ладно, хватит, а то ещё напьюсь.

У входа его ожидали трое рослых бойцов, одному из которых он приказал сменить гражданского на смотровой вышке, а остальным осмотреть территорию их новой стоянки. Заметив Рыжего, которого уже успели обыскать и полностью обезоружить, генерал пристально осмотрел его как бы свысока и, уничижительно хмыкнув, произнёс:

– Ну, что скажешь, боец?

Рыжий пожал плечами, бросив быстрый взгляд на один из топоров, украшавших стену:

– Мне нечего сказать, генерал. Я сочувствую вашей потере, и не имею ничего против, если вы останетесь здесь.

– Благодарю вас, мой юный друг, – его реплика прозвучала довольно холодно, – возможно, здесь зародится новая коммуна, хотя я вижу, что многое придётся переделать, а стены укрепить. Но это, разумеется, с моей упёртой и зашоренной, солдафонской точки зрения.

От пронизывающего взгляда генерала, Григорию стало немного не по себе, но он понял, что лучше промолчать.

– О да, здесь зародится новая коммуна! – на удивление членораздельно повторил Эрнст, громко стукнув в свою очередь кулаком по столу. – За это надо выпить!

При этих словах Эрнста, генерал будто снова сменил гнев на милость, и выражение его лица снова сменилось на благодушно-весёлое, которое, скорее всего, было лишь одной из масок актёра с замашками диктатора.

– Вы тут одни, или есть ещё кто-нибудь? – спросил Ломов как бы между прочим.

– Нет... – ответил Рыжий. – То есть да...

Он понял, что скрывать присутствие Лики лишено всякого смысла.

– С нами ещё маленькая девочка, мы выбрали её на дороге одну, и с тех пор мы вместе.

– Правда? Чудесно!.. И где она?

– Наверно, ещё спит.

Однако словно в опровержение этих слов Лики неожиданно появилась в харчевне собственной персоной с плюшевым медвежонком в руках. Она с интересом, смешанным с тревогой, смотрела на генерала, не осмеливаясь давать о себе знать, пока взор его холодных глаз сам не остановился на девочке, застывшей у входа.

– Ах, это ты, прелестница? – сухо улыбнувшись, пробасил он. – Будем знакомы? Я – генерал Ломов. А ты?

– Её зовут Лика, – сказал клоун, заметив крайнюю нерешительность своей маленькой спутницы.

– Очень приятно! А как зовут медведя? – генерал указал на плюшевую игрушку девочки.

– Его зовут Зубастый, – строго ответила Лика и, посмотрев на Рыжего, стоявшего, наверное, не в меньшей растерянности, чем она сама, добавила:

– Я на кухню готовить завтрак.

Рыжий на секунду напрягся, подумав, что сейчас она возьмёт да и спросит о Сильване, но Лика будто про него забыла. Девочка с невозмутимым видом прошла через внутреннюю дверь харчевни и скрылась из виду.

– Симпатичная девчушка, – сухо заметил Ломов. – Но дети... это и радость, и печаль, вы так не считаете, молодой человек?

Рыжий промолчал: у него ещё не было детей, конечно, кроме этой бродяжки, которую он случайно повстречал на дорогах низвергнутого в ад мира, чтобы серьёзно комментировать реплику старого вояки.

– Я вырастил дочь, – продолжил Ломов с горечью в охрипшем голосе, – и с успехом потерял её, едва ей стукнуло двадцать. Что ж, у неё мой характер, её не переубедить ни в чём. А дети вообще... Стоит ли говорить, в каком мире мы живём. Он не для детей, как бы цинично это не звучало. И тем более отраднее видеть ребенка, который не брошен, не покинут, а находится под защитой таких благородных и надёжных парней, как вы.

– В таком случае, чтобы она и дальше могла находиться

под защитой, вы не могли бы вернуть мне личное оружие, генерал? – спросил Григорий.

– Мой друг, я верну вам его, как только мои преданные ассасины осмотрят хутор. Это не из недоверия, а, скорее, в силу привычки. В наш жестокий век нужно быть начеку постоянно, и всеобщее доверие сейчас – не добродетель, а порок. Если б вы знали, сколько жизней потеряно безвозвратно из-за банальной доверительности – не меньше, чем из-за роковой потери бдительности. Даже я, тёртый калач, столкнулся с этим, доверившись... и чему?! Собственной системе наблюдения, опытным часовым и верным телохранителям! Что в итоге? Я потерял город, который должен был стоять вечно, как Рим! Вы спросите, какой урок я из этого извлёк? Простой и ясный – систему надо менять, обновлять и контролировать всеми доступными способами, не брезгуя ничем: ни кнутом ни пряником. Но чаще всего кнутом! Пусть сотрудники охраны почаще стучат и подставляют друг друга, ведь раньше я считал, что это ослабляет систему, подтачивает её на корню. Но оказалось, что подтачивало её другое, а именно – вера в людей и их ценность. Поверьте мне, мой дорогой, настоящую неоспоримую ценность имеют только вещи, драгоценности. Да хоть простая банка мясных консервов с не истёкшим сроком годности, и та имеет свою определённую цену. Люди дерутся за эту банку, когда доходят до крайности и даже убивают друг друга, ведь это вопрос выживания, не больше и не меньше. Так что уязвимость системы в её ста-

бильности, чтобы не сказать архаичности, как бы парадоксально это вам не казалось.

Генерал повернулся было к выходу, как вдруг оглянулся и, указав на топоры на стене, с лукавой улыбкой сказал:

– Но вооружиться одним из этих холодных орудий я вам не запрещаю. В конце концов, это оружие против зомби, а не против людей, верно? Кстати, пока мы летели, я видел в степи несколько шатунов, направлявшихся прямиком сюда, и может так случиться, что скоро их станет в сотни раз больше. Если я не ошибаюсь, ближайший к моей бывшей крепости хутор – ваш.

«Час от часу не легче!» – подумал Рыжий, снимая со стены увесистый топор.

Параграф 11. Двойной удар.

Тандем является довольно слабым звеном, но это лучше, чем бороться с зомби в одиночку. Нанесите разъярённому агрессивному шатуну «двойной удар», действуя в тандеме с надёжным союзником. Вашим оружием в данном случае будут: карабин с одной стороны и остро заточенный топор – с другой. В то время как точное попадание пули из карабина вашего товарища ненадолго собьёт с толку злобного шатуна, мощь увесистого топора остановит его навсегда. Соблюдайте простую очередность: выстрел – удар топора, и вашему тандему всюду будет сопутствовать удача.

Импровизируйте, создавая при помощи крепкой изоленты и прочих подручных средств модернизированные орудия са-

мообороны при встрече с зомби: двухконечные ножи, спаренные топоры и двойные катаны.

Шоссе, уводившее грузовик Настасьи далеко на север, теоретически должно было привести в большой, некогда миллионный город, где можно было найти не один гипермаркет из тех, что прежде поражали размахом покупателей, но прошло уже несколько часов, а дочь коменданта не увидела ещё ни одного даже покосившегося пригородного домишки. Степная полоса постепенно перешла в лесистые лощины, и дорога, где там и сям пробивалась лесная поросль, становилась всё менее пригодной для комфортной езды; зачастили выбоины в асфальте, превратившиеся местами в глубокие ямы, ощутимые даже для колёс военного грузовика.

Всё это ещё больше вымотало и без того обессиленную Настасью, её начало клонить в сон, однако усилием воли она заставила себя крепче вцепиться в баранку грузовика. По пути девушка уже пересекла несколько перекрёстков и развилок, и если прежде она пыталась ориентироваться по старым покосившимся указателям, то ближе к рассвету начала понимать, что на каком-то этапе, скорее всего, сбилась с пути, по ошибке свернув на каком-то распутье.

Настасья больше не замечала указателей и просто машинально давила на газ, всё ещё надеясь, что каким-то чудом пустынная дорога, пусть и объездная, всё-таки выведет её к мегаполису. Однако она едва не уснула за рулём, чуть не съехав в кювет и выправив машину на шоссе в последний мо-

мент.

Над верхушками высоких сосен начинало розоветь бледное безоблачное небо, когда Настасья заметила впереди большую табличку с белой надписью на синем фоне на которой значилось: «ПОСЁЛОК АЛЫЙ РАССВЕТ 1.5».

«Алый рассвет» – удачное название, особенно, для этой бесконечной тёмной ночи, – с улыбкой подумала девушка. – Всего полтора километра... Разве плохое место для остановки?»

Она продолжила путь по сузившейся асфальтированной дороге, которая спустя несколько минут привела её к открытому входу на территорию элитного посёлка, – железные ворота были распахнуты, и ничто не помешало бы проехать за невысокую деревянную ограду. С минуту она сидела, настроенно осматривая окрестности посёлка, но не заметила ни мародёров, ни шатунов. Солнечные лучи энергично пробились сквозь сосновую чащу, пытаясь рассеять скопление ночных теней и остатки тумана, сгустившиеся вокруг вековых стволов и толстых ветвей и слегка напоминавшие силуэты замерших живых мертвецов, приготовившихся к броску. Однако это было всего лишь плодом разыгравшегося воображения усталой и сонной девушки, мечтавшей только об одном – мягкой постели в одном из аккуратных богатых коттеджей, выстроившихся в ряд вдоль длинного асфальтированного проезда. Настасья трезво рассудила, что ей лучше не покидать кабину своей машины до последнего момента и

уж точно не пытаться отправляться на разведку в одиночку. На небольшой скорости она въехала на территорию и направила грузовик по центральному прямому проезду, присматриваясь к красивым особнякам преимущественно с плоскими крышами.

Никто так и не появился в поле её зрения. Кирпичные дома, выложенные брусчаткой дорожки и заросшие травой и сорняками газоны выглядели так, будто посёлок вовсе никогда и не был жилым. Возможно, его готовили к продаже и заселению незадолго до вспышки Z-вируса, но он так и не увидел ни одного жителя. Не исключено, здесь не ступала и нога мародёра, во всяком случае, нигде не было видно следов разбоя вроде битых оконных стёкол или взломанных дверей. Дома стояли как на подбор с закрытыми дверями и окнами, затянутыми многолетним слоем выцветшей лесной пыли и дорожной пыли, нетронутые, необжитые и, если уж на то пошло, не слишком уютные с виду. Казалось, все они с нетерпением ждут новых жильцов, которые вселят радость и жизнь в их холодные стены.

Проезд обрывался недалеко от живописного водоёма, окружённого лесными угольями, солнечные блики весело играли на его слабой зыби, будто торжествуя полную победу над окончательно рассеявшейся угрозой хмурой ночи. Настасья заглушила двигатель, осознав, что ей будет приятно остановиться здесь, в этом заброшенном, но удивительно умиротворяющем, наводнённом солнечным светом и лесной

прохладой уголке хотя бы на первое время.

Ей приглянулся двухэтажный светлый дом с плоской крышей, стоявший ближе всех к пруду.

«На плоской крыше можно загорать», – подумала она.

Оставалось ещё осмотреть внутреннее убранство дома, конечно, соблюдая все меры осторожности. Настасья была не робкого десятка и могла бы справиться с этим делом в одиночку, но присутствие рядом такого силача, как Ефим Молич пришлось бы как нельзя более кстати. Да и, наконец, нельзя же вечно его держать в кузове грузовика!

Вооружившись верным двуствольным обрезом, Настасья обошла машину, поглядывая по сторонам, и несколько раз постучала в дверь кунга, прежде чем снять с неё засов. Открыв дверь, она быстро отошла на несколько шагов назад, на всякий случай вскинув ружьё. И, возможно, сделала это не зря, потому что дверь тут же распахнулась от мощного удара изнутри. Оружия в кузове не было, Настасья знала, что Ефим для неё безопасен. Можно сказать, что у него остались лишь его огромные кулаки, но когда эта широкоплечая громада появилась в дверном проёме, Настасья невольно вздрогнула в испуге. Молич вперил в неё дикий взгляд исподлобья, от которого по телу дочери коменданта пробежали мурашки. Его больной жёлтый зомби-глаз бешено вращался в орбите, лицо исказила какая-то безумная жуткая гримаса.

Ефим спрыгнул на землю, мотая головой во все стороны. При виде Настасьи из его глотки вырвалось какое-то звери-

ное рычание, и он сделал быстрый рывок к ней навстречу, когда она нажала на спусковой крючок. Пуля угодила в землю перед ним, не причинив ему вреда, но оглушительный выстрел заставил его остановиться.

– Стоять! – выкрикнула Настасья, отступая ещё на пару шагов. – Боже мой, ты же похож на шатуна!

Солнечный луч упал на лицо Молича, когда неожиданно он взвыл, точно от приступа нестерпимой боли, прикрыв рукой больной глаз и пригнувшись к земле. Его вид вызывал и жалость, и ужас. Ефим метнулся к одноэтажному дому напротив, прикрывая лицо рукой, словно солнечный свет причинял ему невыносимую муку, как вампиру. Настасья догадалась, что его тело борется с инфекцией, и сознание, вероятно, не способно воспринимать окружающий мир адекватно. Инстинктивно Молич бросился в тень, скрываясь от света, который, видимо, каким-то образом воздействовал на клетки, поражённые инфекцией. Спустя секунду Ефим скрылся за дверью одноэтажного коттеджа, и Настасья поняла, что лишилась сильного союзника. Она хотела было пойти вслед за ним, но передумала, сообразив, что это может кончиться плохо для них обоих и лучше пока оставить его в покое.

Тяжело вздохнув, она отправилась на разведку к понравившемуся ей двухэтажному дому с плоской крышей. Участок в тридцать соток выглядел заброшенным, газоны тут не стригли как минимум два-три года. Если тут и были когда-то

клубмы, то они заросли буйным сорняком, сквозь стебли которого с трудом пробивались пёстрые бутоны каких-то одичавших цветов. С минуту девушка в нерешительности стояла перед входной дверью, затем быстро взялась за ручку. Дверь была не заперта, – с одной стороны, это могло насторожить, с другой – одной проблемой меньше, не нужно взламывать. Первым в сумрачную прихожую решительно заглянуло дуло обреза, готовое к встрече с любимым, возможно, затаившимся шатуном. Однако, если в доме кто-то и был, он не торопился нарываться на конфликт.

Настасья бесшумно вошла внутрь, заметив вешалки без одежды, выглядывавшие из раскрытой дверцы стенного шкафа. Выложенный плиткой пол в прихожей был покрыт слоем пыли, на котором не было видно ни одного следа, будь то зверь или человек. Оказавшись в просторной гостиной, девушка ненадолго замерла, удивившись неестественной тишине, царившей в доме. Из интерьера она обнаружила лишь большой телевизор, стоявший на стойке, и роскошный кожаный диван. На кухне всё было довольно скромно: стол с тремя стульями, кухонный шкаф, к раковине тянулись водопроводные трубы с фильтром, холодная электроплита без кастрюль и сковородок. На столешнице лежал большой мясницкий нож со сверкающим лезвием. Никаких следов еды, испорченных продуктов, разбросанных объедков, как бывает после вторжения мародёров. Всё выглядело на удивление нетронутым, будто в доме и не жили вовсе ни до, ни после

Армагеддона.

Настасья отвернула кран и, к её удивлению, полилась чистая вода. Видимо, доступ воды обеспечивала артезианская скважина. Попробовав её на вкус, девушка убедилась, что воду можно пить, и она с наслаждением утолила жажду, присосавшись к носику крана.

На втором этаже обстановка также не порадовала разнообразием: стандартный огромный «сексодром» в спальне, аккуратно застеленный, как будто он ждал своего покупателя, так же, как и все остальные предметы в доме. Обратив внимание на одинокий шезлонг, стоявший во второй пустующей комнате, смежной со спальней, Настасья прихватила его с собой. Её интересовал путь на крышу, и очень скоро она его нашла, поднявшись по раздвижной лестнице на чердак.

Вместе со сложенным вдвое шезлонгом, Настасья вышла через застеклённую пластиковую дверь на крышу, покрытую рубероидом. Облокотившись на парапет, девушка посмотрела вниз на проезд, где стоял грузовик, скользнув взглядом по задёрнутым плотными шторами окнам коттеджа, где скрывался Молич, и с восторгом насладилась картиной залитого солнечным светом водоёма, в котором ретиво плескались мелкие рыбки.

У Настасьи было много дел. Нужно было позаботиться о главном – собственной безопасности. А для этого всего-то и надо было, что: перетащить съестные и боевые припасы из грузовика в дом, заколотить все окна для начала хотя бы

первого этажа досками изнутри (серьёзная проблема состояла ещё и в том, где найти столько досок) и забаррикадировать дверь, причём успеть сделать всё это до темноты, когда зомби становятся наиболее активны, хотя и днём их не назвать ленивцами. Сделать это в одиночку девушке представлялось совершенно нереальным. Поэтому она отнеслась к существующему положению дел с какой-то детской беззаботностью, чтобы не сказать хуже, полным разгильдяйством. Ей захотелось просто побалдеть, погреться на солнышке и насладиться одиночеством и покоем, как никогда прежде в жизни.

Настасья разложила шезлонг, разделась почти донага и прилегла, нацепив на нос тёмные очки, подставив упругую грудь, плечи и живот ласковым объятиям дневного светила. Справа от неё лежал обрез.

Её сознание только начало поддаваться этой сладкой упоительной неге, когда до неё донёсся душераздирающий вопль Кувалды Молича. Он был настолько громким, пронизанным болью и страданием, что пробился через закрытую дверь одноэтажного коттеджа, огласив почти весь посёлок, и стих отнюдь не сразу, постепенно поглощённый окружающей толщей хвойных деревьев.

Однако Настасья проявила совершенное бесчувствие.

– Не мешай загорать, – спокойно и почти без иронии сказала она, даже не двинувшись с места.

Её комментарий будто был услышан – в течение всего по-

следующего часа криков больше не было. На какое-то время Настасья, совершенно расслабившись, даже задремала. Однако идиллию нарушило событие из числа не то чтобы ожидаемых, но, можно сказать, вполне заурядных, ведь в эти смутные времена вторжение зомби уже давно не являлось чем-то из ряда вон выходящим.

Громкий утробный вопль, донёсшийся откуда-то снизу, вывел девушку из состояния приятного оцепенения. Настасья быстро накинула на себя одежду, взяла ружьё и, прокравшись к парапету, осторожно выглянула на улицу. Со стороны главных ворот по центральному проходу бежал довольно крепкий с виду зомби, рыча и хищно озираясь по сторонам. Возможно, он почуял близость двоих смертных и теперь выискивал их по всему посёлку. Его вопль мог привлечь и других инфицированных, поэтому Настасья пожалела о том, что не позаботилась в первую очередь о собственной безопасности. Вид забытого всеми, тихого посёлка усыпил её бдительность, он показался ей каким-то райским уголком, который должны обходить стороной все опасности и невзгоды, хотя никогда не следует сбрасывать со счетов вездесущих зомби. Так и теперь, шатун был лёгок на помине, да ещё и призывал за собой орду, и тогда уж все шутки в сторону!

Тем временем инфицированный заметил грузовик и, крадучись, обошёл его кругом. Его мутный взгляд скользнул по дому, на крыше которого притаилась девушка. Вероятно, он что-то почувствовал, потому что, потеряв интерес к машине,

медленно двинулся по тропинке к дому с плоской крышей. Настасья похолодела от ужаса, её первой мыслью было броситься по лестнице вниз и закрыть дверь на замок, которую она нарочно оставила открытой пока обследовала дом, чтобы иметь возможность сбежать без помех в случае опасности. Но опять-таки этот шум наверняка привлёк бы внимание шатуна ещё больше, а влезть через окно, разбив стекло, было бы для него делом одной секунды – шатуны были отнюдь не так медлительны, какими они могли иногда казаться. Поэтому Настасья решила остаться на крыше в надежде на то, что шатун не полезет наверх, и даже если это случится, она сумеет его хотя бы ненадолго остановить прямым выстрелом из обреза в голову.

Шатуну оставалось сделать ещё несколько шагов до двери, когда из одноэтажного дома напротив внезапно выскочил Ефим с огромным тесаком в руке. Его голова была перебинтована, больной глаз прикрыт марлевой повязкой. Он яростно закричал, привлекая внимание зомби. Изумление Настасьи было так велико, что, забыв об осторожности, она почти наполовину свесилась через парапет, чтобы лучше видеть происходящее.

Моличу удалось отвлечь инфицированного, и он остался стоять на дороге, размахивая в воздухе огромным ножом. Он пересёкся взглядом с глазами девушки, и ей показалось, что Ефим ей подмигнул. Шатун, остервенело зарывчав, бросился к Моличу и попытался вцепиться ему зубами в руку с ножом,

но тот ловко увернулся, с размаху полоснув широким лезвием шатуна по лицу. Зомби даже не пискнул, будто ничего не почувствовав, однако его движения, казалось, стали быстрее и точнее. В следующем броске он уже ненадолго вцепился на удивление сильной пятерней в руку Молича, и едва не прокусил её, клацнув зубами в пяти сантиметрах от его запястья, зато получил ещё один скользящий удар ножом по щеке. От этих ран у шатуна не пролилось ни капли крови, но прыти и свирепости, казалось, отнюдь не убавилось, а стало только больше.

Настасья поняла, что ей нужно начинать действовать. Она быстро спустилась с верхнего этажа, выскочила из дома и убежала на дорогу в тот момент, когда шатун вцепился в Ефима мёртвой хваткой. Удары ножа будто совсем не действовали на него, а лишь больше распалили, пробуждая звериную ярость. Молич столкнулся с действительно сильным и опасным противником и без своей верной кувалды ему с каждой минутой становилось всё тяжелее сопротивляться напору остервенелого шатуна, напоминавшего демона во плоти.

Ефим заметил краем глаза стоявшую рядом девушку, скинувшую обрез, и с криком из последних сил оттолкнул от себя живого мертвеца, когда Настасья, только того и дожидаясь, нажала на спусковой крючок. Пуля отколола большой бескровный кусок от черепа шатуна, который не смог устоять на ногах и завалился на бок на асфальте дороги. Тряхнув головой, он тут же попытался встать, однако Молич с неисто-

вым воплем уже оседлал упыря, обрушив на его шею лезвие тесака. На этот раз он попал очень точно, перерубив шатуну шейные позвонки. С торжествующим криком он поднял голову поверженного зомби за волосы и швырнул её к ногам Настасьи.

В посёлке вновь воцарилась прежняя умиротворяющая тишина, лишь где-то высоко в ветвях деревьев снова зачирикали умолкнувшие было лесные певчие птицы. Настасья прицелилась в забинтованный глаз Ефима и яростно выпалила:

– Ну что, ублюдок, следующий выстрел будет твой!

Ефим виновато улыбнулся.

Девушка опустила ствол и озабоченно спросила:

– Что с глазом?

Молич, глядя в сторону, ответил ослабевшим сиплым голосом:

– Я не знал, что со мной. Вроде бы на время потерял память. Когда очнулся, свет причинял невыносимую боль, мне была нужна темнота...

Он указал на одноэтажный дом.

– Я нашёл там нож, приставил его к глазу и... почти сделал это, почти удалил этот зародыш вечного безумия!.. Но через пятнадцать минут боль начала стихать. И теперь мне кажется, что я победил его совсем. Конец безумию! Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, мы нашли здесь пристанище и можно начать строить новую жизнь.

Настасья улыбнулась ему в ответ, прижалась к его широкой сильной груди, обхватив атлета обеими руками, и не отпускала ещё долго, будто боялась его снова потерять.

Параграф 13. Советы новичкам.

Многие неискущённые граждане нового мира задаются вопросом, с какого вида оружия можно начать своё триумфальное шествие по улицам, наводнённым зомби? Можно с уверенностью сказать, что в самом начале Армагеддона у каждого оно было своё, а если проще, – то, которое в первую очередь подвернулось ему под руку, и если уж оно ему помогло, то наверняка так и осталось в его арсенале на самом первом почётном месте. Возможно, у механика орудием защиты от зомби будет большой гаечный ключ, уличный музыкант под это дело настроит свою гитару, опытный кондитер может отбиваться от шатунов тортами, а строитель – кирпичами. Таксист при виде орды инфицированных включит счётчик и пойдёт на таран, сидя за рулём своей машины, а лесоруб, конечно, просто заведёт свою бензопилу и будет прав как никто другой.

В то время как Рыжий, погружённый в гнетущие размышления, бесцельно слонялся по двору харчевни, закинув на плечо топор, генерал Ломов с подчинённым подверг хутор самому тщательному осмотру и даже начал вести строгий бухгалтерский учёт по хозяйству. Эрнст улёгся спать в одной из комнат жилого дома на втором этаже на широкой мягкой кровати под большим портретом в позолоченной раме само-

го толстяка – бывшего хозяина, даже не сообразив, что это, судя по всему, его спальня. Впрочем, в тот момент ему было совершенно всё равно, на чьей кровати он проспится.

В кладовой генерал Ломов обнаружил копчёного кабанчика (того самого, про которого в своё время прожужжал все уши своим гостям толстяк) и застрял там на полчаса, предаваясь обжорству.

Постовой на смотровой вышке (и по совместительству второй пилот вертолёта) самоотречённо пялил глаза в пустошь, на которой совершенно не к чему было придраться. Ни одного намёка на зомби. Его радовало то обстоятельство, что он оказался одним из тех везунчиков, кто смог выбраться из Кербера, в одночасье охваченного вспышкой зомби-вируса, целым и невредимым вместе со своим напарником-пилотом, ещё одним ушлым спецназовцем и генералом Ломовым. Также его не мог не порадовать и тот факт, что здесь, на этом хуторе они не встретили достойного сопротивления и нашли вполне уютное место для остановки, равно как и то, что пустошь вокруг, прямо сказать, не изобиловала шатунами, по крайней мере, до настоящего момента. Однако, когда на горизонте появился огромный бронированный автобус с метельником, несущийся прямо на хутор, поднимая столбы пыли, блаженная самодовольная улыбка пропала с его лица, и постовой понял, что день намечается как минимум нескучным.

Измотанный за ночь Кинский, несколько раз сбившийся

с пути, но всё-таки к утру выруливший на знакомую дорогу, разогнался до предельной скорости и, эффектно притормозив перед самыми воротами, тем самым хорошенько встряхнув всех своих, не менее измотанных его сумасшедшей ездой, пассажиров, возвестил о своём прибытии, несколько раз нажав на клаксон. Постовой сделал несколько предупредительных выстрелов поверх крыши зомби-кара, однако Кинского это не смутило, и он продолжил остервенело давить на клаксон, уверенный, что знакомые ему новые обитатели хутора его просто разыграли.

– Это ещё кто? – крикнул постовой Рыжему, но тот и сам не представлял, кто мог заявиться на зомби-каре, хоть у него и мелькнуло в голове смутное подозрение насчёт непредсказуемого Антона.

Услышав шум, из кладовой вылезли Ломов со своим помощником-спецназовцем с ломтем копчёной свинины в руке.

– Вы всё-таки кого-то ждали? – строго спросил генерал у Григория.

– Понятия не имею, кто это. Может быть, мародёры?

Из дома вышла Лика с медвежонком и сказала:

– Может, это Кинский?

– Кинский?

Ломов склонился над девочкой, вытирая лоснящиеся от жира губы, и вкрадчиво спросил:

– А кто это такой, милая?

Лица умолкла, растерянно посмотрев на клоуна.

– Ну, так кто? – приказным тоном добавил генерал.

– Отвечай, быстро! – прикрикнул на неё спецназовец, грозно передёрнув затвор автомата.

– Это один из наших, – вмешался Григорий. – Не пугайте её! Если честно, я не думал, что он вернётся. Да и вообще, он ли это, я лично не уверен.

– А это мы сейчас проверим, он это или не он, – комендант сделал быстрый знак постовому, означавший, чтобы тот смотрел в оба и приказал второму пилоту открыть ворота.

– Если это мародёры, – сказал он клоуну, – покрошим их в винегрет. Но не будем торопить события.

Генерал достал из кобуры пистолет и замер на почтительном расстоянии от ворот метрах в пяти от Рыжего. Лица предусмотрительно скрылась за дверью кабака, поскольку даже ей было ясно, что в любой момент может начаться хаотичная стрельба отнюдь не игрушечными пулями.

Второй солдат открыл ворота, и зомби-кар, едва протиснувшись в проём со своим широким метельником, вкатился во двор, чуть было не зацепив вертолёт. Теперь на дворе стало совсем тесно. Вид массивной винтокрылой машины на некоторое время ввёл Кинского в ступор, из которого его сумел вывести радостный возглас Цибелы:

– Ого, у вас даже есть вертолёт!

– Если бы... – хмуро буркнул Антон. – Здесь не всё чисто, у нас какие-то незваные гости!

Заметив генерала и его телохранителя, взявшего автомат на изготовку, он помрачнел ещё больше. Ломова он видел впервые, но у него появилось дурное предчувствие, и теперь ему меньше всего хотелось покинуть кабину зомби-кара. Однако рано или поздно ему бы пришлось, и медлить не имело смысла.

– В чём дело? – спросил Вязов у Антона.

– По-моему, это засада, – ответил тот. – Только не дёргайтесь, я выйду первым, а вы будьте начеку. Если что, вот ключ зажигания, водить умеешь?

– Ещё бы!

– Если начнётся пальба, просто жми на газ и всё, дави всех подряд... кроме одной девчонки, правда, я её тут пока не вижу.

Вооружившись карабином, Кинский высунул голову через раскрывшуюся дверь и быстро осмотрелся. Он заметил Рыжего, застывшего на месте с топором, и его это немного успокоило.

Ломов вопросительно посмотрел на Григория, и тот сказал:

– Это Кинский... Наш человек.

– Я вижу, вы удивлены, – изобразил фальшивую улыбку генерал. – Прошу, не удивляйтесь... Только на всякий случай бросьте оружие на землю и выходите из машины с поднятыми руками. Наверху пулемётчик, и он немного нервный.

Швырнув карабин к ногам генерала, Кинский с мрачной

миной сошёл с подножки зомби-кара.

– То же самое я попросил бы сделать и всех остальных, – повысив голос, добавил комендант. – Я бы хотел, чтобы всё прошло мирно, без эксцессов. Кстати, я буду только рад, если наша зарождающаяся коммуна пополнится новыми участниками.

Кинский угрюмо ухмыльнулся.

– Новая коммуна? – переспросил он. – Я так мечтал об этом!

Оглянувшись, Антон крикнул своим пассажирам, притихшим в салоне:

– Вы слышали наше новое руководство? Выходите из машины!

Первым из зомби-кара вышел Панк, за ним робко выглянула Цибела, после неё вывалился раскрасневшийся от жары Вязов, последними вышли Стаменов с Иветтой. К ногам коменданта, кроме карабина, упал ещё АК-74.

Увидев знакомых врачей, генерал расплылся в сладострастной улыбке:

– Вот так встреча! Что ж, врачи в нашей коммуне уж точно не помешают.

Спецназовец подобрал трофейное оружие, спрятав его в кабине вертолёта.

– Я бы хотел озвучить новые правила, – сообщил Ломов, насмешливо оглядев всех шестерых новоприбывших. – Они на редкость просты. Приказы здесь отдаю я, вы обязаны их

беспрекословно выполнять, ведь закон и порядок служит одному – нашей общей безопасности. Зомби не дремлют, как вы знаете, и все мы должны слиться в единый стальной клинок, который пресечёт малейшее поползновение инфицированных на нашу обитель. Для этого все обязаны соблюдать строжайшую дисциплину, даже если кому-то это и не нравится, – он выразительно посмотрел на хмурого Кинского. – За несоблюдение нормативов и открытое непослушание каждому грозит суровое наказание, вплоть до... Но я надеюсь, мои дорогие новые члены коммуны, до этого не дойдёт. С девяти вечера до пяти утра будет действовать комендантский час. Я ведь, комендант, не так ли? – осклабился Ломов. – Так что я вправе назначить и комендантский час. Если кто-то появится в поле зрения стрелка на вышке, пока действуют введённые мной ограничения, он имеет права без предупреждения открыть огонь. Ну и, конечно, второй назначенный мной дежурный тут же обезглавит провинившегося, пока тот не обратился в зомби. Такие времена, дорогие мои, и тут уж ничего не поделаешь. Мы должны быть жестокими, чтобы выжить. Всё понятно?

Возражений не последовало, промолчал даже Кинский, хотя его и распирало, чтобы ляпнуть что-то очень обидное в адрес генерала.

– Но до комендантского часа ещё далеко, вы можете заняться укреплением стен хутора, ведь зомби могут появиться в любой момент. Мы видели тушу одного в курятнике,

застрявшего в норе, но, как я понял, он временно служит в качестве затычки, чтобы другие не проникли в курятник через дыру. Так вот, её необходимо немедленно заделать. Ты и ты, – он указал на Панка и Вязова, – за работу! Кинский займётся заточкой топоров, что висят на стене в харчевне, а заодно всех прочих режущих инструментов и мясницких тесаков – сами знаете, для чего они нам могут понадобиться, так что занятие это совершенно необходимое. Ну а женщины и дети – на кухню готовить ужин. Есть вопросы? Нет вопросов!

Никто не успел опомниться, как генерал, по-панибратски обняв Стаменова, отвёл его в сторону и завёл разговор, косвенно и напрямую касающийся тем, связанных с «дурью» и изучением способов, как её можно изготовить кустарно, за неимением необходимых инструментов и материалов. Доктор устало ответил ему примерно то же самое, что в своё время в кабинете Блума, но генерал, казалось, его не слышал и, похоже, был убеждён, что «дурь» можно синтезировать даже из топора. Его речь становилась всё более бессвязнее, напористее и агрессивнее, и Стаменов решил не возражать и попросту поддакивал, пока Ломов, с силой ударив его по плечу, не отправился на поиски крепкого спиртного в харчевню.

Доктор подошёл к Иветте и негромко, с мрачной иронией сказал:

– По-моему, отныне мы тут на привилегированных правах, и нам не грозит тяжёлая работа. Вот только не знаю, хо-

рошо ли это?

– Надо бежать отсюда, – прошептала медсестра. – Только мы сбежали из одного заражённого улья, как попали в другой! И снова в плену у того же самого обдолбанного маньяка.

Медики не заметили, как к ним тихо приблизилась Лика и тронула Игоря за руку.

– Что тебе, девочка? – улыбнулся Стаменов.

– Вы врачи, правда? – спросила Лика.

– Да, вроде того. А что, тебе нужна помощь?

– Не мне, а моему маленькому другу. Вы лечите животных?

Игорь замялся.

– Ну... чаще всего, мы лечим людей. А животных лечат ветеринары.

– Мой маленький друг совсем ничего не ест. Или я просто даю ему не то, что он любит. От сверчка он отказался, от гусеницы тоже. Что ещё предложить ему, я даже не знаю. Может, сырого мяса?

– А что за зверь такой?

– Он на чердаке, – девочка указала на небольшое мансардное оконце над вторым этажом харчевни. – Пойдёмте, я отведу вас к нему. Кстати, у него на лапке колечко с гравировкой.

Медики в недоумении переглянулись и, решив не расстраивать обаятельную малышку отказом, последовали за ней. Заодно под этим невинным предлогом можно было об-

следовать новое место, в котором они очутились благодаря столь невероятному стечению обстоятельств. Девочка быстро поднялась по лестнице наверх и распахнула дверь в сумрачный затхлый чердак. Помещение было завалено разнообразным хламом, среди которого можно было разглядеть какой-то строительный мусор, доски и мешки с окаменевшим цементом. Возле окна на облезлом стуле стояла старая птичья клетка, внутри которой шевелилось что-то живое.

Как только Стаменов смог разглядеть очертания зверька в клетке, сердце его забило сильнее, и он чуть не вскрикнул от радости. Из-за стальных прутьев на него оскалилась сердитая мордочка летучей мыши – одной из тех трёх особей рукокрылых, которые он считал навсегда потерянными. Теперь прерванное исследование теоретически можно было продолжить. Конечно, ему была необходима серьёзная исследовательская лаборатория. Однако теперь у него в руках было главное – живая особь с антителами от Z-вируса, а значит, не нужно ничего начинать кропотливую работу сначала. У доктора даже мелькнула шальная мысль о том, как он попытается «развести» коменданта на современную продвинутую «лабу» якобы для синтеза наркоты.

– Вот, – озабоченно сказала Лика, – это он. Но у него совсем нет аппетита.

– Это не беда! – весело воскликнул Игорь. – Кажется, я знаю, чем он питается. Несколько личинок мясных мух, возможно, вернут его к жизни.

– Я найду их, – крикнула девочка, – дайте мне только пять минут!

Радость Стаменова могло омрачить, пожалуй, только одно. Столь быстрого нашествия зомби, причём сразу со всех сторон их лагеря, не мог ожидать никто, но это случилось. Первым стремительно приближающихся инфицированных (видимо, из числа «бегунов») заметил сторожевой на вышке и забил тревогу. Панк и Вязов даже не успели приступить к своему грязному делу по ликвидации туши зомби, застрявшего в лисьей норе, когда кто-то с силой выдернул её из норы с той стороны хутора, и в дыре появились костлявые руки новых незваных гостей. Сразу несколько шатунов, каким-то образом прокрававшиеся незаметно для наблюдателя с вышки, мешая друг другу, попытались пролезть через нору. Панк с Яном в панике выскочили из курятника, столкнувшись с Рыжим, сжимавшим потными руками свой топор.

– Я вижу шатунов – минимум тридцать штук! – заорал сторожевой.

Из харчевни выбежал Ломов, тарашась по сторонам обездумевшими пьяными глазами. Судя по всему, крепкий самогон толстяка не пошёл старому наркоману на пользу. Он прокричал что-то нечленораздельное своим архаровцам в униформе и сделал несколько выстрелов в воздух из пистолета, чем лишь усилил общую панику в пределах хутора. Из кухни с визгом выскочила Цибела, за ней – с заточенными, как бритва, топорами в руках подобно пушечному ядру вылетел

Кинский с каким-то особенно ожесточённым, почти садистским выражением лица. К тому времени несколько самых ловких зомби уже перелезали через ограду, будто вовсе не обращая внимания на заострённые колья и колючую проволоку, преграждавшие им путь.

Из окна спальни бывшего хозяина харчевни, высунулась сонная физиономия Эрнста. Вид перелезающих через ограду скалящихся шатунов мгновенно отрезвил его, и он присоединился к растерянной группе соклановцев посреди двора харчевни, собиравшихся дать отпор лишь тем скудным холодным оружием, которое было в их руках. Сторожевой на вышке сделал несколько запоздалых коротких очередей из пулемёта, которые только разозлили инфицированных, бравших на приступ хутор.

– Я отменяю свой приказ! – провыл Ломов, обращаясь к своим солдатам в униформе. – Мы отступаем!

Он даже не посмотрел в сторону изумлённых соклановцев, как будто их тут и не было. С неожиданной для всех ловкостью он поймал за руку пробегавшую мимо него с медвежонком Лику и заявил:

– Я возьму с собой только её! Воспитаю, как родную дочь. Все на вертолёт – быстро!

Спецназовцы не заставили себя долго упрашивать и запрыгнули в винтокрылую машину. Пилот включил двигатель и лопасти завертелись в бешеном ритме, подняв пыльный вихрь на дворе хутора.

– Эй, оставь её, хмырь! – крикнул коменданту Кинский, бросившись на помощь девочке, в ярости сжимая топоры, но застыл, когда один из спецназовцев прицельно пробуравил землю одиночным выстрелом из карабина у его ног.

– Я не причиню тебе зла, поверь мне, – произнёс Ломов, волоча девочку за собой к вертолёту. – Ты тут просто погибнешь с этими неудачниками.

– Это мои друзья! – воскликнула Лика, но комендант её уже не слушал.

– Пойдите! – крикнула девочка, упираясь изо всех сил, и генерал немного замедлил шаг, покосившись на неё.

Лика сунула ему в лицо свою плюшевую игрушку.

– Меня часто спрашивают, почему его зовут Зубастый?

– Да, – кивнул комендант, нервно озираясь. – И почему?

Вместо ответа Лика молниеносно выхватила из плюшевого нутра медвежонка остро заточенный стилет и вонзила его по самую рукоять в ногу генерала. Остервенелый вой коменданта почти перекрыл оглушительный шум лопастей винтокрылой машины, он выпустил руку девочки, схватившись за свою рану, из которой так и осталась торчать рукоять кинжала, и Лика бросилась в объятия Кинского.

– Ты молодец! – в восхищении воскликнул он, прижимая её к себе.

Комендант доковылял до вертолёта, спецназовцы помогли ему забраться внутрь, и воздушная машина взмыла ввысь. На дворе стало больше свободного места, что могло озна-

чать расчистку арены для ближнего боя, равно как и заведомый проигрыш соклановцев в неравной битве против зомби, которых с каждой минутой становилось всё больше. Уже с дюжину инфицированных перелезли через частокол, спрыгнув во дворе, и крадучись подобно гиенам направлялись к оставшимся обитателям хутора. Первое столкновение закончилось для одного из зомби плачевно, когда Рыжий снёс ему голову своим топором, но было совершенно ясно, что очень скоро шатуны возьмут если не силой, то числом, задавив простых смертных своей беспощадной массой, состоящей из мускул, клыков и длинных грязных ногтей, которые были отнюдь не менее опасны, чем кинжалы и тесаки их противников.

– Какие планы? – крикнул Рыжий Кинскому.

– Все в машину! – недолго думая, ответил тот, указав на зомби-кар.

Из дверей харчевни выбежали Иветта и Стаменов с клеткой в руках.

– Мы подожгли дом! – бросила медсестра. – Огонь отпугивает зомби. Это сказано во всех учебных пособиях.

– И правильно сделали! – кивнул Кинский. – Пусть тут всё сгорит синим пламенем вместе с шатунами!

Запрыгнув в кабину, он дождался, когда в машину заберутся все остальные под защиту её прочной стальной обшивки, затем не без труда развернул её во дворе и, выдавив метельником ворота, выехал за пределы хутора, над крышами

дома и амбаров которого уже занималось пламя и поднимался столб чёрного дыма. Шатуны разбредались в разные стороны, несколько из них бросились вдогонку за машиной, но Антон, втопив педаль газа в пол до упора, без труда оторвался от них посреди песчаной степи.

– А где же Сильван? – озабоченно спросила Лика. – Наверно, он попался в лапы к шатунам.

– Мы так и не похоронили Сильвана, – мрачно изрёк Эрнст, глядя через бойницу в сторону удаляющегося хутора, над которым бушевало пламя, напоминая гигантский костёр. – Этого я себе не прощу!

Рыжий промолчал, решив не рассказывать при девочке о том, что он сделал на рассвете.

– А может, он всё-таки спасся? – предположила Лика.

– В этом мире всё возможно, малышка, – весело заметил Кинский.

Он попытался направить зомби-кар на одного встречного зазевавшегося шатуна, но тому каким-то образом удалось ускользнуть прямо из-под колёс неуклюжей машины, и Кинский сердито ругнулся вполголоса.

Стаменов улыбнулся, глядя на показавшую ему свирепый оскал крошечных клыков, летучую мышшь, притихшую на дне клетки. Всё складывалось не столь уж плохо, почти все из них ещё были живы. И, наверно, одна из лучших новостей за этот день – комендантский час отменён, впрочем, так и не начавшись!

Алый рассвет

Параграф 28. На развалинах Нового мира.

Многие граждане интересуются, где в эру Армагеддона можно провести полноценный уикенд с семьей? Неужели не осталось мест для отдыха на исходе тяжёлой недели, проведённой за будничным уничтожением зомбированных орд, и выходные не наступят в этом мире никогда? Безусловно, это не так, и бескрайние просторы нашей родины, включая широкие поля, дремучие леса и полноводные реки – к вашим услугам! Отправляясь в загородную поездку на своём личном комфортабельном транспорте, будь то бронированный минивен, БМП или зомби-кар, не забудьте взять с собой комплект заправленных и готовых к бою бензопил, ящик коктейлей Молотова и несколько топоров на смену. Мы уверены, что выходные на развалинах Армагеддона пройдут для вас увлекательно и практически незаметно.

После получаса тряски по ухабистой дороге, что вела между холмов, когда от них наконец отстали даже самые настырные зомби-бегуны, Кинский неожиданно дал по тормозам и повернулся к своим пассажирам.

– Что случилось? – спросил Рыжий. – Топливо закончилось?

– Нет, ещё есть немного, – ответил Антон, смерив клоуна недружелюбным взглядом. – Просто необходимо решить,

куда мы едем дальше? И едем ли дальше все вместе, или кто-то хочет сойти?

– Что за грязные намёки? – нахмурился Григорий.

– Никаких намёков. Просто у нас мало провизии, мало воды, мало оружия и мало горючки. Зато я вижу целую толпу бездельников и нахлебников, которые только сидят и чего-то ждут.

В ответ на эту реплику донеслось несколько гневных возгласов. Промолчал лишь Григорий, до которого дошло, что у Кинского попросту очередной припадок идиотизма. Он припомнил, как из-за одного подобного припадка в своё время Белый и подговорил его с Раздолбаем приковать Антона цепями к баранке их прежнего грузовика.

– А я-то думал, что у нас банда! – обиженно подал голос Панк. – Слушай, если ты считаешь меня бездельником, то поверь, ты жестоко ошибаешься. Дай мне зубило, молоток и разводной ключ, и я сделаю из этой дырявой колымаги – гиперзвуковой самолет! Я опытный инженер со стажем.

– Инженеров с крашеными патлами в штат не беру, – недовольно откликнулся Кинский.

– Ну ты даёшь! – крепко выругавшись, прогорланил Вязов. – Мы же были в одной связке.

– А теперь нет! – ответил Антон, выхватывая из бардачка небольшой пистолет, о местонахождении которого он предусмотрительно не стал сообщать охранникам коменданта, сохранив его для себя. – Я сделаю вам одолжение, отвезу вас

всех к ближайшему полустанку. Там иногда мимо ходят поезда. У вас будет шанс уехать отсюда в мегаполис. Только без шуток, пушу пулю в лоб без предупреждения, а Рыжий будет стоять наготове с топором!

– А наш союз Трёх?! – в изумлении проговорила Лика.

– Речь не о нашем союзе, малышка, – подмигнув ей, сказал Кинский, – а о кучке слюнтяев, которые только и делают, что путаются под ногами! Нет, я даже до полустанка вас, дармоедов, не повезу, надо экономить горючку. Вы все сойдёте здесь.

Пассажиры примкнули глазами к бойницам, пытаясь разглядеть окрестности, выглядевшие безлюдно и пугающе.

– А давайте выкинем Кинского, – предложил Вязов.

– Что-о-о?! – взревел Антон, вскакивая с места и направляя на него дуло пистолета. – Бунт на корабле?.. Что вы за банда, если у вас даже нет нормальных идей на будущее?

Цибела всхлипнула, прикрыв лицо руками.

– Только без нытья, меня это бесит! – рявкнул Кинский.

– Вам может понадобится медицинская помощь, – жалобно сказала Иветта. – Мы врачи, мы вам пригодимся.

– Мне только живодёров в пути не хватало, – ответил Антон, указав на клетку с летучей мышью. – И с чего это вы тащите это пугало с собой?

– Мы работаем над вакциной от вируса, – тихо обронил Стаменов. – От зомби-вируса. Это – лабораторная мышь, она необходима для дальнейшей успешной работы.

– Что ж, отлично, давайте оставим вас всех, – развёл руками Кинский. – Панк – прекрасный инженер, Вязов тоже на все руки мастер, Цибела – симпатичная девчонка, «айболиты» просто жизненно необходимы, без них нам всем кирдык. Правда, Эрнст какой-то мутный, но и его тоже можно оставить, всё-таки неплохо орудует топором.

Антон многозначительно обвёл всех строгим взором, дождавшись, когда воцарится тишина, затем вдруг топнул ногой и закричал, брызжа слюной:

– Да мне плевать с высокой колокольни на то, какие вы красавцы и герои! Пошли все из машины!..

Пассажиры притихли, понимая, что совершенно не способны что-то возразить в ответ на это буйство. Огнестрельное оружие оставалось только у одного двинутого шофёра и спорить с ним, по-видимому, было бесполезно. В подтверждение своих слов Кинский открыл дверь зомби-кара, убедительно указав стволом пистолета на выход. Лица и Рыжий подавленно молчали, стараясь не смотреть на остальных соклановцев.

В этот момент Эрнст произнёс:

– У меня есть одна мысль. Может, тебе это будет интересно? В смысле, где остановиться на ночлег. В двухстах километрах отсюда находится один посёлок, называется «Алый рассвет». Я как-то там уже ночевал. Милое местечко. Двадцать уютных коттеджей на лоне природы, вокруг надёжный забор – защита от зомбарей, в лесу хватает дичи и пресной

воды. Там хватит места на всех.

С минуту Кинский не сводил с него упёртого взгляда, затем закрыл дверь и, сунув пистолет за пояс, снова уселся за руль.

– Показывай дорогу, – сухо сказал он Эрнсту.

Неожиданно над поверхностью залитой солнцем степи промелькнула тень вертолёта. Все, кто был в салоне зомби-кара с тревогой прильнули к бойницам. Никто ни на миг не усомнился в том, что раненый лихой девчонкой, комендант Ломов сопровождает их отнюдь не с самыми благими намерениями. Кинский схватился было за пистолет, но, осознав всю бессмысленность и наивность этого действия, с досадой спрятал его обратно. Некоторое время винтокрылая машина кружила над несущимся по степи зомби-каром подобно гигантскому кондору, лениво нацеливавшемуся на беззащитную добычу, как вдруг пулемётчик на её борту сделал короткую очередь – несколько пуль просвистели над крышей, слегка задев обшивку, – при этом грохот металла до смерти перепугал всех гражданских, сидевших в салоне. Однако этот заряд скорее был призван внести смуту и ужас, а не остановить машину Кинского, который и сам на какое-то время побелел, как полотно. Этим коротким напоминанием о старых долгах, к счастью, комендант и ограничился, по крайней мере, на тот момент. Сделав ещё один устрашающий виток, вертолёт исчез из поля зрения беглецов, и пассажиры бронированного автобуса смогли вздохнуть спокойно.

Три часа тряски по пыльным просёлкам, петлявшим среди холмов, вымотавшей всех пассажиров, едва не закончились новым буйством не менее измотанного водителя, когда они наконец-то выехали на пустынную асфальтированную магистраль. Вдоль относительно ровной дороги можно было изредка заметить ветхие покосившиеся дома, разграбленные мародёрами, и развалины опустошённых бензозаправок. Намотав ещё с полсотни километров на одометр, каким-то чудом ещё не рассыпавшийся на части, пробитый пулями в нескольких местах, зомби-кар, минуя безводную степь, постепенно внедрился в зону буйного лесного массива. На дороге всё чаще можно было заметить зелёную поросль или даже маленькие деревца, отчаянно пробивающиеся сквозь асфальт. Кинский уже хотел съехать на обочину, чтобы сделать привал в тени высоких сосен, подступавших к шоссе почти вплотную, когда Эрнст одёрнул его, указав на какую-то синюю табличку, замаячившую вдалеке.

– Вот он! Сворачивай левее на развилке!

Кинский проехал мимо знака с надписью: «ПОСЁЛОК «АЛЫЙ РАССВЕТ» 1.5», направив машину на сузившуюся дорогу, что вела через сумрачные лесные дебри.

– «Алый рассвет», какое милое название, – прокомментировала Цибела.

– Лучше не придумашь, – скептически заметил Антон. – Надеюсь, мы едем не в гости к зомбарям.

– Нет, там действительно тихо, мирно и спокойно, – ска-

зал Эрнст.

– И что же ты оттуда слинял, если там был такой рай? – спросил Кинский.

– Может быть, я уехал оттуда, чтобы однажды привести туда всех вас, – ответил Эрнст. – Жаль только, что бедняга Сильван уже не оценит эту красоту. Там действительно классно, ребята... Впрочем, скоро вы сами всё увидите.

При виде раскрытых ворот посёлка Кинский не только не притормозил, но даже поддал газу и, разогнавшись по центральной улице, едва не наехал на изумлённых Настасью и Ефима Молича, которые мирно прогуливались по асфальтированному проезду, держась за руки. К сожалению, испытывать упоительное чувство владения подобным райским уголком наедине друг с другом им пришлось совсем недолго. Видимо, пришёл момент снять с себя королевские короны и снова схватиться за оружие: одной за свой обрез, другому – за пресловутую кувалду.

Восемь человек, включая маленькую девочку, с наслаждением высыпали из душного салона зомби-кара и застыли на месте, увидев эту странную парочку: спортивную девушку со свежей ссадиной на лице в рваных шортах и топе с обрезом и силача с перевязанным глазом, сжимавшего в могучих ручищах своё пугающее холодное оружие, предназначенное скорее для каких-то работ по части демонтажа аварийных построек, чем для самообороны или даже нападения. Впрочем, Эрнст и Рыжий, заняв оборонительную позицию с топорами

наперевес, выглядели не менее эффектно.

Неожиданно Стаменов разрядил накалившуюся было обстановку, окликнув Молича:

– Эй, я тебя знаю! Как твой глаз?

Лицо Ефима просветлело, когда он узнал в нём медика, который осматривал его в Кербере вместе с доктором Блумом.

– Благодарю, уже лучше, – ответил он, улыбнувшись и опуская своё мощное оружие.

Обе стороны быстро заключили перемирие, как только стало ясно, что все они – беглецы из крепости, в равной степени не испытывающие особой симпатии к её бывшему коменданту. Настасья и сама была далеко не в восторге от своего любезного папеньки. Делить было особо нечего, а свободных коттеджей хватало на всех, даже если каждый из новоприбывших пожелает занять свой собственный дом. Оставалось лишь обсудить создавшуюся ситуацию и планы на будущее новых обитателей посёлка, для чего они все и собрались в облюбованном Настасьей двухэтажном доме за круглым столом.

Кинский всё ещё не желал снимать с себя полномочия предводителя клана, которыми сам себя и наделил, ни у кого не спрашивая, и потому начал речь, постукивая рукоятку пистолета по столу и при этом обводя всех пристальным взором:

– Итак, господа, нам необходимо решить, что делать даль-

ше? Для меня всё ясно, как день! Здесь есть жильё, есть вода и боеприпасы. Осталось найти жратву, но, как сказал вот этот товарищ, – он указал на Эрнста, – в здешних лесах полно дичи, а я его за язык не тянул. Вот он за ней первым и пойдёт, пока мы займёмся строительством баррикад для защиты от шатунов.

– Здесь нет орд, – сердито заметила Настасья, нервно поглаживая приклад обреза на своих коленях. – Мы, правда, видели одного и даже немного укоротили, но за целый день это был всего один инцидент. Я думаю, можно не заморачиваться и на первое время ограничиться ставнями на окнах.

– Ну, тогда поищем досок, чтобы заколотить все окна – на это тоже уйдёт много времени.

– А где мы будем жить? – раздался жалобный голосок Лики.

Её вопрос рассмешил всех взрослых.

– Каждый выберет себе по дому, – заявил Антон. – Осталось только выбрать подходящий... я хочу самый большой, с верандой и балконом на втором этаже.

– Твой дом, наверно, как всегда будет с краю, – съязвил Рыжий.

– Нет, ошибаешься, меня устроит и в центре, – Кинский резко встал из-за стола. – И вообще вы все мне до полусмерти надоели, и я хочу от вас отдохнуть. Я уйду!.. Не будите меня до рассвета!

Пнув ногой стул, Антон быстро вышел, хлопнув дверью.

На минуту воцарилась тишина, которую нарушила Настасья:

– Он что, чокнутый?

– Могу только сказать, что с ним это бывает, – проговорил Рыжий, усмехнувшись.

Лица сидела насупившись, прижав к груди слегка распотрошённого плюшевого медведя.

– Я догоню его, – подала голос Цибела, ободряюще тронув её за плечо. – Я его верну!

– Не надо, это бесполезно, – махнул рукой клоун. – Да и зачем? В общем, всё сказано. Разбираем дома. Лица, я надеюсь, ты пойдёшь со мной?

– И я с вами, можно? – виновато улыбнувшись, спросила Цибела.

Рыжий пожал плечами, и все трое вышли следом за Кинским.

– Напротив стоит удобный дом, – сказал Молич. – Кто хочет, может его занять. Вода, по-моему, есть во всех домах, но еду действительно придётся добывать самим в лесу. Со светом и бытовыми приборами сложнее, есть генераторы, но не все они заправлены, хотя и эту проблему, надеюсь, со временем можно решить. У нас есть оружие и боеприпасы, нужно только сколотить небольшую группу для совместной охоты.

– Когда я был здесь в последний раз, пруд был полон рыбы, – сообщил Эрнст.

– Что ж, это радует. Ещё один способ добыть провизию. Я кстати где-то во дворе видел пару удочек.

– А я люблю рыбачить! – оживилась Иветта.

– Тогда я составлю тебе компанию, – сказал Стаменов.

– А вы, ребята, – Ефим окинул взглядом Панка, Эрнста и Вязова, – надеюсь, составите компанию мне. Можем сделать первую пробную вылазку в лес хоть сейчас.

– Ну, и я с вами, – заявила Настасья.

– Куда же без тебя? – улыбнулся Молич.

– Ребята, пока этого психа здесь нет, – произнёс Эрнст, немного понизив голос, – я должен вам кое-что сказать. У меня есть серьёзные подозрения насчёт него. Не исключено, что он опасный тип...

– Мы все опасные, – заметил Вязов. – Впрочем, продолжай!

Эрнст немного помедлил, прежде чем ответить:

– Может быть, я и ошибаюсь, но есть вероятность, что он – серийный маньяк.

Параграф 21. Простейшие требования к владельцам топоров, ножей и бензопил.

Несмотря на то, что мы постоянно уделяем внимание разнообразию видов холодного оружия, которое редко отказывает в эффективности, просим внимательных и добропорядочных граждан не забывать о том, что любое орудие самообороны или нападения требует присмотра, ухода и уважения. Цените своё холодное оружие, но помните о том, что лезвие топора, меча или мачете, равно как и цепь бензопилы или диск болгарки нуждается в постоянной чист-

ке и заточке. Это позволит вам отражать атаки зомбированных орд практически без серьёзных проблем и усилий, повышая вашу репутацию как ответственного истребителя зомби и привлекая попутно на вашу сторону ещё больше не менее добропорядочных граждан в жестокую и бескомпромиссную эру Армагеддона.

Громкий шум, внезапно донёсшийся со стороны центрального проезда, был уже хорошо знаком новым обитателям посёлка. Над крышами коттеджей пронёсся сильный вихрь, поднявшийся от лопастей военного вертолётa, медленно спускавшегося над лужайкой неподалёку от особняка Настасьи и Молича. Это новое вторжение коменданта застало всех врасплох. Рыжий, Лика и Цибела застыли как вкопанные посреди улицы, когда с зависшего в десяти метрах над землей вертолётa неожиданно по канату сдесантировал уже знакомый им грубоватый спецназовец из челяди генерала Ломова. Лихо приземлившись и отцепившись от каната, он тут же нацелил на них свой АК-74, в то время как винтокрылая машина спокойно приземлилась на лужайке.

Из раскрывшегося проёма сдвижной двери вертолётa вывалилась туша генерала, который, сильно хромая, направился к троице, стоявшей с поднятыми руками под прицелом автоматчика. За ним вышагивал второй спецназовец со снайперской винтовкой в руках, второй пилот остался в кабине за приборной панелью, не выключая двигатель. Судя по всему, комендант не собирался задерживаться здесь надолго, и

эта мысль напугала клоуна больше всего.

Приблизившись к застывшей троице, он с ухмылкой посмотрел на Лику и пробасил сквозь шум лопастей:

– Ну вот мы и снова встретились, малышка! А ты не так проста, какой кажешься, умеешь и зубки показать, молодец, девчонка! Совсем как моя Настя в детстве!..

Он перевёл взгляд на Рыжего и добавил:

– Мне нужна только малышка. Я всегда беру, что хочу, думаю, так будет и на этот раз. Не советую спорить и выводить меня из себя, потому что ваши никчёмные жизни мне ни к чему. Не сегодня-завтра вас порвут зомбари, их в этой местности тоже хватает. Так что прощайтесь с девчонкой, и на этом всё. А ты, крошка, держи мою руку, я забираю тебя с собой в город. Мы отыщем тебе медведя покруче, чем этот рваный мишка с секретом, – генерал осклабился, мрачно глянув на плюшевую игрушку Лики.

Девочка, побледнев, замотала головой, ещё крепче сжав руку Рыжего.

Генерал выразительно покосился на спецназовца, и тот щёлкнул затвором автомата, не сводя холодных глаз с клоуна. Осознавая, что совершенно бессилён что-то предпринять, но в то же время не может выпустить ручонку Лики, отдав её на растерзание этому неадекватному воинственно-негодяю, Григорий закрыл глаза. В этот момент раздался какой-то хлопок, похожий на выстрел. Рыжий покачнулся, так и не разжав своей руки, однако не упал и открыл глаза

снова. Он увидел, как, скорчившись от боли, на землю завалился автоматчик. Второй охранник коменданта испуганно озирался по сторонам, когда со стороны соседнего дома прозвучало ещё два выстрела. Спецназовец со снайперкой вскрикнул и, уронив свою винтовку, рухнул неподалёку от напарника. Комендант быстро выхватил из кобуры пистолет, но направил его прямо на Лику. Цибела бросилась вперёд, заслонив собой девочку за секунду до того, как генерал нажал на спусковой крючок. Он оглянулся, махнув рукой пилоту, но тот продолжал наблюдать за происходящим из-за блистера своей кабины, не предпринимая попыток прийти на выручку главарю.

Ещё один хлопок – и рука коменданта, сжимавшая пистолет, разлетелась на мелкие ошмётки. Ломов взвыл от боли, осев на землю и продолжая отчаянно жестикулировать пилоту оставшейся здоровой рукой. У Рыжего перехватило дыхание, когда он увидел Цибелу, схватившуюся рукой за пробирую пулей с близкого расстояния грудь. Девушка беззащитно посмотрела на клоуна, попыталась вымученно улыбнуться Лике и упала на асфальт с каким-то наивным и добродушным выражением лица, которое было зачастую присуще ей и прежде. Она осталась неподвижно лежать, с умиротворением глядя в небо, положив руку поверх глубокой раны, из которой хлестнула ярко-алая кровь.

Вертолёт неожиданно оторвался от земли и взмыл в воздух, быстро поднявшись над верхушками сосен и скрывшись

из виду в мгновение ока. Из-за двери ближайшего дома появился Кинский. Поигрывая пистолетом в руке, он приблизился к осевшей фигуре коменданта, с перекошенной от боли физиономией придерживающего остаток своей раздробленной пятерни, и хмуро ему ухмыльнулся. Тот в ярости посмотрел на Кинского и что-то невнятно процедил сквозь зубы. К тому времени вокруг собрались остальные обитатели посёлка. Глаза Настасьи и её отца на мгновение пересеклись, тот простёр к ней ладонь здоровой руки, также перепачканной в крови, но она быстро отвела взгляд. На несколько минут воцарилось гнетущее молчание, был слышен только плач Лики, склонившейся над недвижимым телом Цибелы.

В течение короткого времени небо сменило свой цвет на свинцово-серый, сильный порыв ветра неизвестно откуда принёс грозовые тучи, внезапно грянул гром, и над посёлком пролился насыщенный солнечным теплом, ласковый дождь. Долгожданные потоки воды со снизошедших до милости небес спустя несколько месяцев аномальной катастрофической жары наконец-то одарили землю упоительной влагой, смывая с асфальта следы крови, словно оплакивая ещё одну из случайных жертв этого безумного мира.

– Они скоро оживут, – обронил Эрнст, занося топор над головой бездыханного автоматчика.

– Так делай, что должен, – сказал Кинский, не сводя испепеляющего взгляда с коменданта.

Вязов в свою очередь левой рукой поднял топор над об-

мягким туловищем снайпера. Они ударили своими топорами почти одновременно.

– Дочь... – прохрипел генерал, моляще глядя на Настасью.

– Я тебе больше не дочь.

Она равнодушно повернулась и направилась обратно в дом, закинув на плечо обрез.

Расправившись с автоматчиком, Эрнст подошёл к телу Цибелы и, переглянувшись с Рыжим, сказал:

– Я думаю, медлить не стоит.

Тот кивнул, с силой оттянул всхлипывающую Лику от тела и прикрыл ей глаза, прижав к себе.

Эрнст молниеносно обрушил топор на шею Цибелы, но промахнулся. Возможно, его ошибка крылась ещё и в притупившемся лезвии. Ему удалось закончить начатое грязное дело лишь со второй попытки, вызвав отвращение на лицах остальных свидетелей этого действия, напоминающего средневековую экзекуцию.

– Ну что, – проговорил комендант, – теперь, может быть, так же грохнешь и меня, мясник?

– Мы не беспредельщики, генерал «мёртвая голова», – презрительно ответил Кинский. – Нет, сначала тебя расстреляют по закону военного времени. Если честно, я бы вывесил твою башку на частоколе у главных ворот в назидание всем остальным.

– И кто будет моим палачом?

– Надеюсь, кто-нибудь из этих бравых молодцов. С меня

на сегодня хватит! Мне кажется, что лучше всех это сделает Эрнст.

Антон пристально посмотрел на него, скрестив руки на груди.

– Нет, – раздался возглас Молича. – Позвольте, это сделаю я. Только не из пистолета.

Неожиданно для всех Ефим бесстрастно занёс над головой генерала своё тяжёлое орудие. Лицо коменданта исказил непередаваемый ужас, когда Молич обрушил молот на его голову с такой силой, что она сорвалась с шейных позвонков и покатилась, как мяч по асфальту центрального проезда в сторону раскрытых ворот.

Параграф 36. Опасность бездействия.

Изредка до нас всё ещё доносятся слабые выкрики отдельных скептически настроенных субъектов, дескать, бороться с упырями бессмысленно, зомби-изгой всегда окажутся коварнее и хитрее, а зомби-бегуны – быстрее, и большинство попыток противодействия заранее обречено на провал. Мы ответим этим предателям одним: нашей волей к сопротивлению и окончательной и безоговорочной капитуляцией многочисленных орд кровожадных упырей. И добавим, что бездействие равносильно предательству, ибо самую большую опасность представляют не зомби, а сложившиеся оружие без борьбы и смирившиеся со своей участью.

Предоставив трем палачам самим разбираться с трупами, Кинский незаметно для всех вернулся в дом, из-под при-

крытия которого и устроил столь успешную стрельбу по живым мишеням и продолжил прерванный осмотр двухэтажного коттеджа. Обстановка оказалась на редкость скупой, но этот минимализм его устраивал. Он зашёл на кухню и установился на огромный мясницкий нож, лежавший на столешнице. Нож был будто только что из магазина, на свету поблёскивала безукоризненно отточенная сталь. Проверив кухонные шкафчики, Антон не нашёл больше ни одного столового прибора, равно как и провизии. Взяв нож, он некоторое время с интересом разглядывал его гладкую пластмассовую рукоять и широкое лезвие. Так же, как и повсюду, на нём лежал толстый слой пыли, возможно, осевшей в течение пары месяцев. Пренебрегать лишним оружием не стоило, и Кинский заткнул его за пояс.

Выглянув из окна, он некоторое время наблюдал за тем, как Вязов, Молич, Эрнст и Панк грузят обезглавленные тела и головы спецназовцев, коменданта и Цибелы на военный грузовик Настасьи. Затем грузовик скрылся за воротами посёлка. Кинский не почувствовал никаких угрызений совести из-за того, что решил не участвовать в захоронении останков – по его мнению, он сделал и так слишком много, обезвредив сразу троих опасных противников. Так же, как и Рыжему, ему претила одна мысль о том, что комендант мог силой отобрать у них Лику, и он не задумываясь открыл прицельный огонь. Его расстроила лишь гибель Цибелы, но теперь он чувствовал настолько сильную усталость, что ему не хо-

телось ничего, кроме как отключиться и забыть о реальности хотя бы на несколько часов.

Спрятав под подушку пистолет, Антон развалился на диване и вскоре громко захрапел. Он не слышал, как несколько часов спустя из лесу вернулся грузовик с измотанными после раскапывания огромной ямы для беспредельщиков и отдельной могилки для Цибелы, четырьмя мужчинами. Все они, включая клоуна с Ликой и медиков, снова собрались в доме Настасьи и, помянув самоотверженную, безвременную ушедшую девушку, переключились на жаркое обсуждение всех достоинств и недостатков Кинского, так что если бы он бодрствовал, то ему непременно икнулось бы не раз, но он спал крепким сном, иногда хмурясь и сердито бормоча что-то неразборчивое в адрес Рыжего. Эрнст снова напомнил всем о своих подозрениях, и о том, что лучше изгнать Кинского из их новой коммуны как можно скорее, не дожидаясь «ненужных» инцидентов. В довершение своей убедительной речи, он швырнул на стол перед собеседниками увесистый мешок с только что подстреленной им в лесу парой диких уток.

– Нам неадекватны ни к чему, – подытожил он. – Кстати, сегодня вроде бы полнолуние, а психи активизируются именно в такие ночи. Отдадим ему его зомби-кар и пусть валит! Или кто-нибудь считает по-другому? Может, проголосуем? Кто за, и кто против?

– Голосование это хорошо, – заметил Панк. – Но ведь он

нам так помог. Да, он, прямо скажем, не подарок, но если уж мы решили создать что-то вроде коммуны, нам пригодятся любые рабочие руки.

– Ну, Кинский скорее жуткий ленивец, чем работяга, – усмехнулся Рыжий и, почувствовав на себе пронзительный взгляд Лики, добавил:

– Хотя водила он и неплохой.

– А мы хотим остаться здесь надолго? – спросил Стаменов.

За это время они с Иветтой осмотрели несколько коттеджей и, говоря откровенно, не остались довольны ни одним. С одной стороны, это можно было свалить на скупость обстановки, но сама атмосфера, царившая в этих пустующих домах, подействовала на них обоих как-то угнетающе. Наверное, хорошо было одной летучей мыши, бодро попискивающей в клетке, предчувствуя наступление сумерек. К вечеру тучи разогнал сильный ветер, и на буйные зелёные лужайки и подъездные площадки теперь падали лучи заходящего солнца, торопившегося скрыться за верхушками окружающего посёлок хвойного леса. Но даже эти последние лучи не могли рассеять ожидание какой-то опасности, казалось, нависшей над этими однообразными домами со скудным интерьером и стандартными кухоньками. Была ещё одна деталь, на первый взгляд хоть и незначительная, которая вызвала у Игоря и Иветты смутную тревогу. Эти огромные тесаки, лежавшие на столешнице на кухне каждого дома, где они по-

бывали. Обстановка домов могла незначительно отличаться, например, цветом обоев, расположением комнат и мебели. Но только не расположением ножей! Они лежали всегда почти на одном и том же месте, по центру столешницы, пугающе мерцая холодным металлом в подступавших сумерках.

Стаменов упомянул об этой странности на собрании, и оказалось, что такие же ножи из хорошей нержавеющей стали находятся на «своём» месте и в других домах. Панк и Вязов, воспользовавшись предложением Молича и вселившись в его дом, не нашли подобный тесак на кухне лишь потому, что его забрал сам Ефим.

– Действительно, огромный нож для рубки мяса лежит на кухне и у меня, – задумчиво, сообщил Эрнст. – И, возможно, у Кинского тоже. Когда я был здесь в последний раз, я не придавал этому значения просто потому, что не имею привычки менять дома, как перчатки.

– Ну ладно, будем считать, что сам посёлок или его бывший управляющий помогает нам вооружиться от зомба-рей, – весело заметил Рыжий.

– А что вас не устраивает в нашем намерении основать здесь комму-ну? – спросил Вязов у Стаменова. – Конечно, не считая загадки с ножами?

– Нет, в вашем намерении нет ничего предосудительного, – ответил Игорь. – Но есть одна вещь, которая, к сожалению, в ближайшее время заставит нас покинуть ваш замечательный отряд, – он посмотрел на Иветту и встретил её доб-

рожелательный взгляд.

– У меня появилась надежда на успешное создание вакцины. Но мы с Иветтой не сможем работать над ней здесь, в таких спартанских условиях. Нам нужна полноценная лаборатория. Создать её здесь практически невозможно, но есть вариант – воспользоваться услугами уже существующей, и в ближайшем мегаполисе, насколько я знаю, такая лаборатория есть – в местном вирусологическом институте. Конечно, скорее всего, этот институт в заброшенном состоянии, но вряд ли в разграбленном.

– Это уж точно, какому идиоту придёт в голову грабить вирусологические боксы? – рассмеялся Панк. – Нам будет жаль проститься с вами, но... держать вас силой здесь я точно не стану.

– На мой взгляд, это лишнее геройство, – сказал Вязов, – но вы, ребята, молодцы! Вы совершите подвиг, не больше и не меньше.

Он встал и с силой пожал руку смущённому медику.

Сообщение Стаменова о его намерении добраться до города и создать вакцину от болезни столетия, которую многие считали уже укоренившейся в их образе жизни, казавшейся чудовищным проклятием, снять которое уже не под силу никому, подняло всем настроение, и все решили провести время в гостиной за праздничным обедом, совсем забыв про Кинского, более не возвращаясь к теме его изгнания из новой коммуны и дав ему возможность спокойно храпеть на

своём диване до самой глубокой ночи. Он продолжал мирно спать, даже когда полная луна засияла в небе, слегка рассеяв тьму и обволакивая серебристым сиянием сумрачный лес и сам посёлок.

Кинский проснулся то ли от привидевшегося ему жуткого кошмара, то ли от какого-то тревожного предчувствия, закравшегося в его мозг. Он подскочил на кровати, озираясь по сторонам. Комнату заливал лунный свет, какие-то причудливые тени плясали на стенах, создавая иллюзию присутствия неких чужеродных враждебных сил. Рука Кинского машинально потянулась к выключателю, но свет так и не включился. Антон пожалел, что накануне поленился и не проверил, подключён ли генератор к электросети. Теперь оставалось «куковать» в кромешной темноте, и в этом не было ничего хорошего, ведь в любой момент в дом могли прокрасться никогда не дремлющие зомби.

Кинский с пистолетом в руке прошмыгнул ко входной двери, но, как и следовало ожидать, она оказалась заперта. Никаких следов взлома Антон также не заметил. Вздохнув с облегчением, он направился обратно в гостиную, намереваясь продолжить прерванный на последнем сумбурном эпизоде сон, как вдруг застыл на месте, холодея от ужаса. Проходя по коридору мимо большого овального зеркала, висевшего на стене почти напротив входа в гостиную, ему показалось, что в его отражении промелькнул силуэт человека.

– Кто здесь? – крикнул он, наугад целясь пистолетом в

полутьму комнаты.

– Спокойно! Это я, – донёсся из темноты голос Эрнста.

– Ты?.. Какого чёрта?!

– Дело не в чёрте, Антон, а во всех нас, – усмехаясь, ответил незванный гость.

Неожиданно Кинского ослепил направленный на него луч карманного электрофонарика.

– Опустит ствол, – сказал Эрнст. – Неужели ты будешь стрелять?

Прикрываясь рукой от яркого света, Антон выругался и рявкнул:

– Опустит фонарь!

– Хорошо, приятель! Может быть, тебя устроит более интимный свет?

Эрнст чиркнул спичкой, зажигая огарок свечи, стоявшей в стеклянном подсвечнике на журнальном столике посреди комнаты. Этот более тусклый, неровный, но спокойный свет осветил фигуру Эрнста, сидевшего в кресле в трёх метрах от дивана. На его лице играла странная отгалкивающая ухмылка, в глазах застыл какой-то холод и напряжённая сосредоточенность охотника. Кинский побледнел, заметив на столе в мерцании свечи, которая должна была уже скоро погаснуть, окровавленный нож вроде того, что он нашёл на кухне.

– У нас беда, – сказал Эрнст, указав на тесак, с лезвия которого капала свежая кровь. – Кто-то только что прикончил Вязова. Вот этим самым ножичком полоснул его по горлу.

Ты случайно не знаешь, кто бы мог это сделать? По-моему, кто-то из наших, других вариантов нет.

Кинский замотал головой, даже не зная, что ответить на столь бредовый вопрос.

– Я так и думал, – продолжил Эрнст. – Но дело в том, что все дорожки ведут к тебе. Я говорил с Рыжим насчёт тебя, и он рассказал, что у тебя иногда бывают припадки буйства. По ходу, ты тот ещё перец! Я понимаю таких, как ты. Времена изменились, мы все стали жёстче и злее, мы все стали бесчеловечны. Порой даже зомби выглядят не так жутко по сравнению с некоторыми из нас, по крайней мере, они честнее. Поэтому я решил дать тебе шанс. Уходи по-хорошему, оставь нас тут одних. Мы создадим коммуны, в которой не будет места для бесправия и лжи, как в Кербере. Но ты будешь только мешать. И опусти наконец пистолет!

Эрнст нетерпеливо встал, и теперь Кинский заметил на его правой щеке свежий кровоподтёк, будто от удара чем-то тяжёлым. Он подумал о Вязове, который был на редкость сильным парнем, и ему показалось, что в словах Эрнста что-то не вяжется.

– Я уйду, – сказал он, не спуская с ночного гостя прицела пистолета, – но хочу сперва взглянуть на Вязова. Надеюсь, вы позаботились о его голове?

Эрнст хмуро посмотрел на Кинского исподлобья, затем покосился на нож, лежавший на столе.

– Я всегда забочусь об этом. Выполняю за всех вас гряз-

ные дела, рублю головы направо и налево, как будто я машина для убийства, ходячая гильотина! А вы хотите оставаться чистыми и не при делах. Разве это честно?

– Так значит, кто-то грохнул ночью Вязова? – произнёс Антон, с любопытством глядя на Эрнста.

Дрогнуло пламя затухающей свечи, заставив встрепенуться причудливые тени на стене.

Эрнст взял в руки окровавленный тесак и ответил:

– Да, именно этим ножом.

– Какому же кретину придёт на ум убивать членов новой коммуны в те дни, когда мертвяки оживают. Какому идиоту надо создавать себе ещё больше проблем?

– Только полному психу! – заявил Эрнст.

– Согласен, – ответил Кинский. – А вернее, отмороженному маньяку, привыкшему махать топором, когда надо и не надо. Сдаётся мне, что есть ребята, которые без топора уже никуда!

Он с издёвкой засмеялся, встретив недружелюбный взгляд холодных глаз Эрнста.

– У меня создалось впечатление, что это нужно только мне, – произнёс Эрнст, повысив голос. – Мне было необходимо прекратить существование любимой жены Сильвана, исключительно мне нужно было отнять жизнь у него самого. Только мне одному необходимо было отсечь красивую головку бедняжки Цибелы, потому что у других просто чего-то не хватает!

– А сколько ещё было таких необходимостей до них? – с интересом спросил Кинский.

– Должен сказать, что их было немало. А у тебя? Когда сегодня ты открыл стрельбу по мародёрам, мне показалось, что для тебя шмальнуть в человека всё равно что выпить стакан воды. Ты убиваешь так просто, почти не глядя, безо всякого уважения к своей жертве.

– А ты своих жертв уважаешь? – прищурившись, спросил Антон. – Ты часом, не извращенец вообще? Что до ублюдков мародёров, а ты уверен, что они откинулись? Стрелять я действительно умею, Хильштейны это знали. Мне довелось поработать под их руководством, пока меня не достали их грубые методы, и я решил вывести из строя несколько их самых отъявленных головорезов. Но могу тебе со всей ответственностью сказать, что порой достаточно всего лишь покалечить выродка, чтобы он задумался о том, стоит ли продолжать. А вот твоя привычка шаряхать всех топором меня действительно удивила. Помнится, толстяк из харчевни упоминал какого-то маньячику, это случайно не ты?

Внезапно Эрнст сжал кулаки и сделал быстрый шаг в сторону Кинского.

– Эй, без шуток! – крикнул тот, отступая.

– Ты боишься? – ухмыльнулся Эрнст. – У тебя же пистолет. Давай, шмальни и в меня!

– В коленку, без проблем. Ты и не представляешь своих мучений после такого ранения, так что поосторожнее с

просьбами на будущее.

Эрнст стоял, с ненавистью глядя на Антона.

– Я предлагаю компромисс, – сказал Кинский, держа дуло пистолета на уровне ноги ночного гостя. – Мне тут, в общем, понравилось, поэтому будет лучше, если уйдешь ты.

Эрнст покачал головой.

– Нет, Антон, это – моя коммуна. Я стану её новым лидером, уйти придётся тебе. И только потому, что ты мне немного симпатичен. Да-да, серьёзно! Ты напоминаешь мне себя самого, ну просто моё собственное отражение в зеркале. Ты такой же окончательно двинутый псих, как и я. Я вспоминаю тот день в библиотеке... Мало кто знал о первой вспышке зомби-вируса. Возможно, этот день был началом. Я был одним из последних посетителей. Один тип бранился с библиотекарем, я так и не понял из-за чего. Меня взбесило это хамство. Ты пришел сюда почитать и слышишь... хамство! Твою мать, грязное хамло, ты кто вообще такой?! Я подхожу к столу библиотекаря и спрашиваю Гофмана, этот автор мне нравится больше всех. Быдло поворачивается ко мне, дыша перегаром, и начинает тупо ржать. Надо сказать, это переполнило чашу моего терпения. Дело в том, что мой топор всегда со мной. И что я делаю? Всаживаю топор ему в хамоватую башку, и тот падает на пол, по пути каким-то макарон треснув по моей чем-то тяжёлым вроде бутылки. Я теряю сознание на несколько минут. А когда поднимаюсь, еле понимая, где нахожусь, библиотекаря уже и след простыл, а пере-

до мной, покачиваясь, стоит это самое хамло, брызжа во все стороны кровью и пытаюсь выдернуть мой топор из своей головы. Я как полупьяный подхожу к окну и вижу бегущих матерящихся людей, за которыми несутся какие-то человекоподобные отродья. Начинался Армагеддон, и я столкнулся с ним воочию. К счастью, до меня быстро дошло, что нужно делать. Я выдернул топор из головы шатуна и немедленно съё её с плеч. Как оказалось, это единственный способ прикончить зомби, других вариантов попросту нет.

– Интересная история, – сказал Кинский. – А теперь брось нож и уходи.

– Не для того я привёз вас всех сюда, чтобы уйти, – мрачно ответил Эрнст. – У каждого из вас есть отличное оружие самообороны, я об этом позаботился. Два месяца назад я покинул этот посёлок, вычищенный до блеска. Я собирался привести сюда хороших людей, как минимум с дюжину. Отличное начало для захватывающей игры, скажем, на выживание. Но ты бы этого не оценил, верно? Ты ведь такое хамло, как тот кретин в библиотеке. Такие, как ты меня бесят, до безумия бесят... И ты меня просто выводишь из себя!..

Лицо Эрнста исказила гримаса ярости, когда он внезапно, смахнув огарок свечи со стола, с каким-то звериным рёвом набросился на Кинского. Быстро уклонившись от прямого выпада, тот успел выстрелить наугад, когда раздался остревенелый вопль незваного гостя. В тот же момент Антон почувствовал удар немного выше предплечья. Клинок Эрнста

настиг его, просвистев совсем близко от шеи и уйдя глубоко под кожу плеча, причинив невыносимую боль. Эрнст попытался всадить нож глубже, поворачивая лезвие вокруг своей оси, но Кинский перехватил его руку, выдернув нож и ударив им противника. Хватка Эрнста ослабла, он со стоном упал на пол, и в тишине раздался его сдавленный возглас:

– Ты... победил!

Над посёлком медленно вставало солнце, заливая багрянцем серое небо. Первые лучи дневного светила проникли в гостиную, разогнав ночные сумерки и озарив фигуру связанного по рукам и ногам Эрнста, лежавшего на спине на полу, и Кинского, клюющего носом на диване с пистолетом в руке. Когда солнце поднялось ещё выше, окончательно разогнав полутьму и загнав предрассветный туман подальше в лесные дебри, в двери раздался громкий настойчивый стук. Кинский нехотя поднялся, подошёл к двери, открыл и ничуть не удивился тому, что видит. Шестеро обитателей их нового лагеря целились в него из шести стволов. Не вооружена была только Лика, она смотрела на Кинского испуганно и недоверчиво, прячась за спину Рыжего. Позади всех стоял Вязов с перевязанной рукой и свежими ссадинами на лице.

– Антон, – сказал клоун, застыв с автоматом в руках и на редкость суровым выражением лица, – у нас к тебе есть один вопрос.

– Заходите, – устало ответил Кинский. – Ответ на него в моей гостиной.

Антон поднял перепачканного в собственной крови Эрнста и швырнул его в кресло. Затем он вкратце рассказал о том, что случилось накануне и спросил обескураженного Вязова:

– Ну, а что случилось с тобой?

– Кто-то напал на меня ночью в темноте. Мы с Панком договорились стоять на стрёме по очереди на случай нападения шатунов. Я дежурил в одной из комнат, когда кто-то прокрался в дом и попытался пырнуть в меня ножом. В общем, мне повезло, что удалось отбиться... Но тот, кто на меня напал, скрылся в темноте. Мы все ломали голову, кто бы это мог быть?

– И, конечно, подумали на меня? – насмешливо резюмировал Кинский.

– Только не я! – воскликнула Лика. – Я знала, что это не ты.

– Вязов, ты ведь левша? – спросил Кинский.

– Вообще-то, да, – кивнул Ян.

– Тогда ты узнаёшь свой хук на его правой щеке? А группу крови вот на этом ноже мы уже проверять не будем, ясно, что она твоя.

– Вот ублюдох! – воскликнул Вязов, замахиваясь на Эрнста левым кулаком.

– Толстяк из каннибальской харчевни что-то рассказывал о некоем Гофмане, которого возвёл в культ, – заметил Кинский. – Это ведь ты, Эрнст? Скажи при всех!

Эрнст молчал, сверля взглядом невидимую точку в пространстве.

– Кажется, я что-то припоминаю, – сказал Стаменов. – Незадолго до Апокалипсиса, до всей этой чертовщины в прессе промелькнул ряд статей о серийном убийце. Он отсекал головы своим жертвам топором. Его поймали случайно, когда он решил сдаться сам после очередного покушения в библиотеке. Он читал книжку Эрнста Гофмана, дожидаясь группы захвата, а рядом лежал обезглавленный труп. После этого к нему и прилепилась кличка: «Гофман».

– Какой ужас! – охнула Иветта.

– Его посадили в какой-то централ, но ему удалось сбежать незадолго до первой вспышки Z-вируса, – добавил Игорь. – Неужели это он и есть?

– Да, это именно он, – уверенно ответил Кинский. – И теперь нам надо решить, каким образом нам его казнить: распять на дыбе, четвертовать, посадить на бочку с порохом?

– Сволочь! – с ненавистью проговорил Эрнст. – Я ведь мог прикончить всех вас по очереди, если бы не ты...

– Отдадим его шатунам, – предложил Рыжий. – Этот старый способ – самый верный. Это страшная кара!

Страх впервые появился в глазах Эрнста, когда он это услышал. Он извивался, как змея, несмотря на свою простреленную из пистолета Кинского ногу, и только силами троих мужчин его удалось затолкнуть в кунг военного грузовика Настасьи. Молич сел за руль, рядом с ним в кабину

забрался и Кинский.

Они молча с полчаса тряслись по шоссе, пока вдалеке не показалось несколько угловатых прихрамывающих фигур – голодных шатунов, скитавшихся по степи в поисках съестного. Как известно, в их рацион входило всё, включая внутренности их жертв. Когда от своры упырей отделились несколько скоростных «бегунов», Молич и Кинский поняли, что медлить не стоит. Ефим быстро открыл дверь кунга, Антон выпихнул из него пытающегося яростно сопротивляться Эрнста. Из побуждений милосердия, проснувшегося нехоту и, можно сказать, с серьёзным опозданием, Кинский разрезал верёвку, стягивавшую руки пленнику и швырнул к его ногам топор.

Они не стали дожидаться приближения голодных упырей и запрыгнули обратно в машину. Молич отжал педаль газа, и они помчались по шоссе, оставив далеко позади одинокий силуэт человека с топором в руках, ожидающего своей участи.

Эрнст не мог сбежать от быстро настигших его упырей из-за своей раненой ноги. Он отбил топором несколько выпадов агрессивных монстров, тарасившихся на него голодными жёлтыми глазами, пока другие подоспевшие шатуны не задавили его своей массой, вцепившись руками и зубами в его руки, ноги и шею. Вскоре его тело исчезло под горой из туловищ множества ненасытных упырей, и его последний пронзительный вскрик заглушило их утробное яростное ры-

чание.

Большую часть пути обратно в посёлок Антон и Ефим молчали. Первым тишину нарушил Молич, когда уже свернул на короткий просёлок, ведущий к их новому лагерю:

– Вот мне интересно, если мы действительно построим здесь новую коммуну, кто будет её комендантом?

– Только не я, – ответил Кинский.

«Мне хватит и «союза Трёх», – добавил он про себя и подивился тому, что воспринимает эту договорённость, как нечто само собой разумеющееся.

Скорее всего, ему придётся ещё долго сопровождать Лиду и её опекуна-клоуна, и с этим, как это ни забавно, придётся смириться. Ведь в глубине души он – честный парень и не сможет нарушить клятву, столь необдуманно данную в своё время той чумазой бродяжке, которая в него поверила всем сердцем. Но было одно дело, которым он буквально загорелся, которое было необходимо повернуть во что бы то ни стало, идея фикс, которая снова сделала из него одержимого, и тут уже было не до детских клятв.

Было ясно, что медики вряд ли доберутся до мегаполиса живыми без его сопровождения. Об этом он уверенно и заявил на общем собрании, когда все обитатели посёлка столпились возле зомби-кара, чтобы пожать руку и пожелать удачи микробиологу и его ассистентке.

– Я провожу их и сразу вернусь, – сказал он, обращаясь к Лиде, которая, казалось, уже устала изумляться всем его

сногшибательным выходкам.

– Без тебя всем будет легче! – в сердцах выпалил Рыжий и неожиданно рассмеялся. – Но я не могу тебя отпустить одного, до города далеко, всякое может случиться.

– Союз Трёх, едем или все, или никто! – заявила Лика, прижимая тщательно заштопанного Зубастого.

– Благодарю вас, друзья! – улыбнулся Стаменов. – И уверяю, что мы вернёмся в «Алый рассвет»... Не знаю точно, когда, но этот день настанет очень скоро! Мы вернёмся с панацеей от мерзкой напасти, и жуткие сонмища монстров обратятся в прах, и мир восстанет на обломках Армагеддона!

Спустя час зомби-кар, ошестинившийся бензопилами, торчавшими из боковых бойниц, поскрипывая и слегка покачиваясь на ухабах, выехал на шоссе и, разогнавшись до своей предельной почтенной скорости, устремился в направлении столь опасного, но представляющего крайний интерес для всех его пассажиров и водителя, мегаполиса.